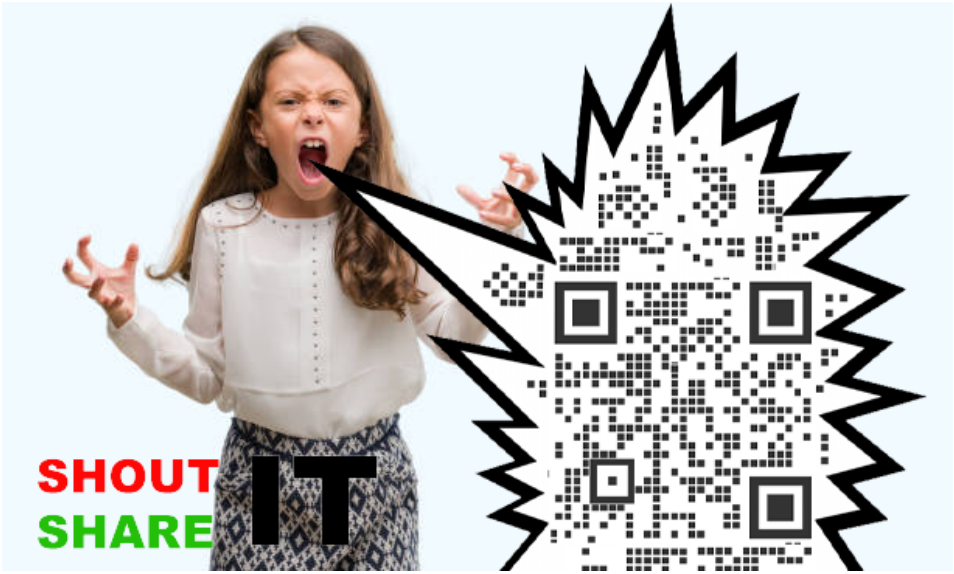
ВАДИМ ПАНОВ
ЛЮДМИЛА МАКАРОВА

БАЛЛАДА О МЕРТВОЙ КОРОЛЕВЕ

ТАЙНЫЙ ГОРОД


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Искалеченный душой и телом эрлиец по имени Гематус решил отомстить обездолившему его миру и самому Спящему, создавшему столь несправедливую Вселенную. И положил жизнь на исполнение грандиозного замысла… Неужели сбудется пророчество, случайно услышанное человеческой ведьмой Тиной, и погибнет все живое? В том числе – последние представители древних рас, правивших на Земле задолго до появления человека. Неужели невозможно остановить Мертвую Королеву, способную пожрать саму Вселенную? Запущенные безумцем часы равнодушно отсчитывают секунды, и лишь Тина способна предотвратить надвигающуюся катастрофу…

- Вадим Панов, Людмила Макарова
  -
  - Пролог
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Эпилог

Вадим Панов, Людмила Макарова
Баллада о Мертвой Королеве

© Панов В., Макарова Л., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

В шесть утра в маленьком московском парке, притулившемся среди многоэтажек спального района, было пустынно, влажно и по-осеннему глухо – словно звуки, подобно медведям, тоже готовились к зимней спячке. Покрывающие асфальт листья – намокшие, желтые – не шуршали, а чавкали под ногами. Далекий собачий лай едва пробивался сквозь вязкий воздух. Справа от дорожки оседали в серую муть горки и цветные перекладины детской площадки, слева серыми громадинами домов нависал город, а чуть впереди ее ожидал крутой поворот, после которого дорожка убегала вниз к спортивному пятачку с турниками и тренажерами.

Алиса перепрыгнула через лужу и малодушно притормозила перед поворотом. Вот прямо сейчас взять и развернуться, рвануть домой, и гори он синим пламенем, этот здоровый образ жизни. Дома тепло. Дома у нее появится лишних полчаса до выхода, а значит, можно забраться с ноутбуком и чашкой кофе под одеяло и немножко побездельничать… А то и вовсе прогулять первую пару в институте, а там, глядишь, в грязно-сером небе улыбнется солнце и наступит давно обещанная синоптиками золотая осень.

Дома хорошо, но прерывать тренировку не хотелось. Алиса знала, чем закончится такое отношение: сегодня вернешься с половины дороги, завтра только из подъезда нос высунешь, послезавтра вообще «забудешь», потом уберешь кроссовки в дальний угол тумбочки, и все – спортивная жизнь перейдет в фазу «с понедельника обязательно начну», а значит, закончится навсегда.

Нет! Утренние пробежки тренируют не только тело, но и волю, а значит – вперед!

И девушка продолжила бег.

Навстречу, фанатично цокая палками для скандинавской ходьбы, прошлепала тетка в ярко-синей куртке и ярко-желтой вязаной шапке, посмотрела неприветливо, почти со злобой и растворилась в тумане.

– Доброе утро!

Тишина. Мерзкая тетка была соседкой по дому, Алиса встречала ее каждое утро, но та еще ни разу не ответила на жизнерадостное приветствие девушки, только глазами зыркала да кривила рот.

«Ну и ладно, может, завтра ответит?»

И снова – бег.

Упрямый утренний бег.

Приехав в Москву, Алиса дала себе слово никогда не сдаваться, потому что знала, что иначе здесь не выжить. Ей сказали, что Москва – город жесткий, вскоре девушка узнала, что ей не лгали, и теперь брала столицу штурмом, не допуская мысли о том, что иногда из тактических соображений лучше отступить, а то и вовсе проиграть.

Только вперед!

Как сейчас, по чавкающей листьями дорожке.

Алиса выбежала за поворот, сбросила скорость, перейдя на быстрый шаг, и стала спускаться во влажный сумрак низины. Уклон дорожки был не очень крутым, но лужи и листья сделали ее опасно скользкой, вот девушка и осторожничала. И как вскоре выяснилось, не напрасно. Когда Алиса преодолела половину склона, откуда-то спереди, кажется, из тени мокрых кустов, послышалось негромкое рычание. Низкое, хриплое и злое. От неожиданности девушка «ойкнула» и остановилась, а в следующий миг разросшиеся за лето ветви разошлись, и на дорожку медленно вышла громадная псина.

К счастью, к огромному, невероятному счастью, собака оказалась к девушке спиной – что-то так сильно привлекало ее на спортивной площадке, что она не обратила внимания на замершую Алису.

Зверюга была гладкой, с виду – скользкой, как мокрая крыса, а поскольку стояла к девушке задом, Алиса видела лишь костлявые бока, обрубок хвоста и черную шерсть на загривке, напоминавшую не то свалявшуюся львиную гриву, не то побитый молью воротник из чернобурки.

И собака продолжала рычать. Чуть тише, чем несколько секунд назад, но страшно. Как непрерывно работающий механизм. И еще, кажется, зверюга пыталась сопротивляться невидимому поводку, за который ее тащили к площадке, и именно поэтому не могла повернуться к Алисе. Собака упиралась лапами, мотала тяжелой башкой, пыталась отступать, но тот, кто ее тащил, был много сильнее, и она дюйм за дюймом приближалась к площадке.

Алиса зажала рот рукой и со страху чуть не прокусила палец, когда, отступая по скользкому асфальту и жухлой траве, наткнулась спиной на ствол дерева. Сообразив, во что уперлась, девушка юркнула за каштан, потом – за корявый тополь, на который в случае чего можно было забраться, почувствовала себя в относительной безопасности, и только после этого выглянула из укрытия.

На площадку выбежал очень высокий мужчина и что-то хрипло прокаркал жуткому псу. Что именно – Алиса не поняла,

до нее долетали лишь отдельные звуки. Но злобная скотина и не подумала слушаться. Она перестала рычать, резко оттолкнулась всеми четырьмя лапами и прыгнула на мужчину. Тот принял удар на грудь, но не устоял, и оба покатились по земле. Сверкнула короткая огненная дуга. Мужчина каким-то чудом ускользнул от смертоносных клыков, оттолкнул зверя, поднялся, отпрыгнул – и все это с невиданной скоростью, – легко оторвал железную перекладину турника и с размаху огрел ею бросившегося в следующую атаку пса – сбил на лету. Зверь взвыл, кубарем покатился по земле, врезался в спортивную стенку, со скрежетом прогнувшуюся от удара, вскочил и, ободрав бок о порванную перекладину, бросился из туманной низины прочь.

Он мчался неестественными прыжками, высоко подскакивая и мощно отталкиваясь всеми четырьмя лапами. Мелькнула раскрытая пасть, порванный бок, с которого свисал лоскут шкуры, и пятнистая черно-белая кожа под ней… Словно внутри костлявого зубастого чудовища спрятался долматинец. По крайней мере, Алисе так показалось. Ни жива ни мертва, девушка поискала глазами мужчину, которого после того, как он разворотил турник, боялась ничуть не меньше, чем его жуткого питомца, но не увидела. Спортивная площадка опустела. Не отдавая себе отчета в том, что делает, Алиса оттолкнулась от ствола и, не разбирая дороги, сначала по газону, потом сквозь кусты, рванула к проступавшим из тумана домам. Она хотела кричать, но боялась, и плакала беззвучно, тяжело, со свистом, дыша.

Проломившись через кусты, девушка выскочила на дорожку и закричала, услышав заливистый лай.

– Терри, фу!

– Нет!

Алиса упала на колени и закрыла лицо руками.

– Девушка, девушка! Ну что ж вы так испугались, нельзя же так, он же вам ничего не сделал, он сам не ожидал… вы из кустов выскочили… Даже я испугался.

Через несколько секунд Алиса поняла, что слышит приятный мужской голос, а об ее бедро трется что-то теплое и мягкое.

– Терри, пошел вон!

Теплое перестало тереться, раздался шлепок и обиженное поскуливание.

– Там в парке собака! – прошептала Алиса, убрав руки от лица. И медленно поднялась на ноги. – Собака!

– Их тут много, – дружелюбно ответил молодой, лет двадцати, парень, кивнув на своего питомца. – Вот, Терри, например. Кстати, меня зовут Саша… Вы нас простите,

пожалуйста, мы не хотели вас пугать. Мы сами вас испугались, правда, Терри?

Алиса, дрожавшая всем телом, слабо улыбнулась в ответ и оглянулась. Лохматый черный терьер обиженно дышал, вывалив красный язык, и пожирал глазами крутобокий мячик, за которым, видимо, бежал, когда на него вывалилась девушка. Вид у пса был озадаченный. Неожиданно и безвинно получив ремешком по спине, он боялся подойти к любимой игрушке и не понимал, ревновать хозяина к новой знакомой или защищать от нее.

– Сидеть, я сказал, – на всякий случай повторил Александр. – Вы нас не бойтесь. Мы с вами соседи, я вас часто здесь вижу. Вас как зовут?

– Алиса, – сказала девушка.

– Очень приятно.

– Мне тоже… – И тут она опомнилась. – Саша! Там бегает здоровенная псина без поводка. Очень злая. На мужчину напала! Вы с Терри уходите отсюда. Правда, правда, давайте уйдем! И надо позвонить, чтобы кто-нибудь приехал. Она же злая!

– Алиса, ну что ж вы так собак боитесь! Это ж братья наши меньшие…

В следующее мгновение из глубины парка донесся женский крик, перешедший в истошный визг, а затем резко оборвавшийся. Улыбка сползла с лица Александра, а Терри потерял интерес к мячику и встал перед хозяином, повернувшись в сторону возможной угрозы.

– Скандинавская ходьба, – безучастно прокомментировала Алиса, тихонько всхлипнула и снова закрыла лицо руками.

– Что? Ах да… злая тетка из третьего подъезда, которая ни с кем не здоровается?

– Ага.

– Вот так один придурок всех напугает, на следующий день придешь, а тут общественность, депутат и табличка «Выгул собак запрещен!» – Александр зло плюнул под ноги. – Алиса, вы идите домой и ничего не бойтесь, мы с Терри разберемся, – он ободряюще улыбнулся девушке. – Это мы только с испуганными девушками такие безобидные, правда, Терри?

Черный терьер оскалил зубы.

– Не ходите туда! – испуганно попросила Алиса. – Не ходите ни в коем случае!

А где-то под ее ногами, в сплетении коридоров и подземных залов, в темноте Лабиринта, послышался тихий, слегка дрожащий голос, шепчущий странные строки:

В вечной дреме и в короне туша страшная лежит,
Не проснется, не задышит, никуда не убежит.
Ей, умершей королеве, вечно снится вещий сон, —
Спящий Бог ее назначил мертвым сторожем времен…

Глава 1

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Хромова, 17 октября, понедельник, 14:16

«В связи с увеличением потребительского спроса, колебаниями мировых валют и сезонным снижением уровня магической энергии в Колодце Дождей, Ее Величество королева Всеслава и казначейство Великого Дома Людь вынуждены объявить о повышении тарифов на магическую энергию…»

Дальше Тина читать не стала. В самом деле, зачем продлевать сомнительное удовольствие? В таких случаях лучше сразу переходить к народной мудрости и утешаться тем, что не в деньгах счастье. А деньги, как известно, к деньгам. Ну а расходы, по всей видимости, к расходам, и остается лишь придумать, как поскорее установить нормальное соответствие между постоянно растущими расходами и доходами, которые не торопятся бежать следом.

Такая вот тяжелая ведьмина доля…

С позитивным настроем не заладилось, и Тина пожалела, что просмотрела электронное письмо, испортив настроение на весь день. Видела же, что оно из казначейства! Видела! А что хорошего может оттуда появиться? Ничего, кроме налоговых требований и таких вот «уведомлений»… «В связи с колебаниями валют»! С тех пор как Всеслава поставила во главе казначейства шаса, финансы Великого Дома Людь обрели, что называется, второе дыхание, собираемость средств неожиданно подскочила, и даже Тотализатор принялся активно перечислять крупные суммы на счета короны, хотя с самого начала времен ко́нцы умело «работали» с зелеными ведьмами, во имя снижения налогового бремени. Увы, но знаменитая семейная тайна на старого шаса не действовала, его интересовало исключительно золото, которое он умело вынимал из всех, из кого имел полномочия вынимать. А заодно повышал тарифы, зорко следуя за инфляцией и «колебаниями валют».

Старый скряга!

Мечты о квартире в Москве в очередной раз грозили пойти прахом. Тина отправила письмо в корзину, вскочила со стула, яростно сжала кулаки, несколько секунд постояла посреди комнаты, сделала пару шагов и с размаху плюхнулась на диван.

Квартира в Москве у нее была. Та самая, в которой она сидела сейчас на диване, проклиная жадность Великого Дома Людь, а точнее, его главного казначея из Великого Дома Навь. Добротную «двушку» на первом этаже, пусть и не в центре, Тина купила несколько лет назад, но сейчас она загорелась идеей окончательно превратить ее в офис, а самой перебраться куда-нибудь еще, и вот эти мечты становились призрачными.

Ведьма, которая работает дома, это ведьма, у которой по факту нет ни дома, ни нормального офиса, а есть только диван в углу и кофеварка. Большая комната превращена в приемную, маленькая – в лабораторию, на кухне все время приходится наводить морок, чтобы какой-нибудь затейливый ингредиент, вроде сушеных жаб или зубастых червей Гланамы, не попался на глаза посетителям. Но маскировать приходилось не только кухню, однажды морок слетел с бокала, и допившая «очистительный отвар» посетительница увидела ползающего по дну червя. Именно зубастого. Гостиную тогда пришлось отмывать с помощью дорогостоящих магических средств.

Другими словами: ведьма, работающая на дому, – это ведьма, живущая на работе. А девушке хотелось уюта.

Тина вздохнула и обвела критическим взглядом комнату – не так уж плохо, если прибраться. Беда в том, что прибираться она любила меньше, чем претворять в жизнь интересные идеи и воплощать грандиозные замыслы. С тех пор, как дала трещину ее самая главная мечта – о блистательной карьере в Тайном Городе, любое вынужденное изменение планов девушка воспринимала крайне болезненно.

Причем нельзя сказать, что ее не предупреждали о том, что жизнь в Тайном Городе скорее испытание, чем удовольствие. За многие тысячелетия до того, как на территории современной Москвы появились первые поселения, Тайный Город уже жил своей жизнью: противостоял угрозам, менял правителей, управлялся хитроумными серыми кардиналами и лучился высшей магией Источников. Самым правильным для человской полукровки было бы оставить его в покое, но девять лет назад Тине исполнилось всего восемнадцать, и она не верила в неприступность Тайного Города, вкладывая в это неверие весь пыл юношеского максимализма.

– Почему ты ничего не рассказывала?! – выкрикнула девушка, с возмущением глядя на мать.

– Ирочка, послушай…

– Зачем я теряла время в обычной школе, когда могла учиться магии? Настоящей магии! А ты таскала меня по психологам,

чтобы я лучше уживалась в детском коллективе. Мама! Как ты могла так поступить? Ты ведь сама волшебница! Ведь волшебница?

– Да, – вздохнула женщина.

– Зачем ты все бросила и уехала? Почему?!

Тина замолчала и пристально посмотрела на маму. Та не отвела взгляда, и Тина, которая с детства безошибочно определяла, лжет человек или говорит правду, поняла, что сейчас мать с ней откровенна.

– Если бы я осталась в Тайном Городе, возможно, мы обе не дожили бы до сегодняшнего дня.

– Почему?

– Потому что я хотела родить ребенка от любимого мужчины. Я хотела, чтобы ребенок выжил, а его отец не проклинал нас из-за разрушенного брака и поломанной карьеры.

– То есть папа жив? – растерялась Тина.

– Он не знает о твоем существовании. – Мама хрустнула пальцами. – Твой отец – рыцарь, командор войны, один из высших боевых магов Ордена. Мы любили друг друга, но он по своему положению не имел права на полукровку и уж тем более – на мезальянс. Его жена из знатной семьи, не ведьма, конечно, однако могла с легкостью натравить на нас лучших наемников Города. Или пожаловаться брату, а ее брат, между прочим, рано или поздно возглавит ложу превращений… Так что я не рискнула связываться и уехала.

Половину сказанного Тина не поняла совсем, половину пропустила мимо ушей и смогла лишь растерянно произнести:

– Вот так, да? Просто уехать от папы.

– На тот момент это был лучший для нас выход, Иришка, – печально ответила женщина.

– Лучший… Слушай, мам, если ты ведьма, а папа – маг, и при этом я ваша дочь… – От предвкушения у Тины на мгновение закружилась голова. – Я поеду в этот Тайный Город! Ты сказала, это в Москве, да? Я еду в Москву! У меня все ЕГЭ за семьдесят, куда-нибудь да поступлю. И я найду его! Если, как ты говоришь, мой отец там не последний человек…

– Он не человек.

А вот это было совсем непонятно.

– То есть, как это? В смысле? – Девушка машинально посмотрела на свои руки, словно они должны были покрыться чешуей, как у рептилии, или превратиться в кошачьи лапы. – А кто он?

– В Тайном Городе живут представители многих древнейших рас и народов, – рассказала женщина. – Некоторые выглядят

совсем как люди, но генетика у них иная. Твой отец, Тина, чистокровный чуд, а его предки некогда правили Землей.

– Некогда?

– Тысячи и тысячи лет назад.

– И мой папа – представитель этой самой Чуды?

– Чуди, – поправила дочь женщина. – Великий Дом Чудь.

– Здорово! Получается, я смогу получить доступ ко всем их знаниям! В счет неуплаченных алиментов. Должен же он как-то поучаствовать в судьбе дочери.

В интонациях юной Тины послышались нотки, которые живо напомнили ее матери о шасах, – желание заполучить нужное любой ценой. На самом деле, конечно, шасы тут были ни при чем, а сказывалось бабушкино влияние. Старушка жалела дочь с ее «несложившейся» личной жизнью и при любом удобном случае учила внучку, как «правильно жить». К счастью, бабушка слыхом не слыхивала о Тайном Городе и понятия не имела, что ее дочь и внучка – ведьмы, иначе, возможно, ее наставления напоминали бы не шасские, а навские. Кровожадные.

Ирина тоже могла ничего не узнать о своем происхождении, но начиная с тринадцати лет у нее стали проявляться магические способности, и мама решила, что нужно открыть ей глаза.

Но только по окончании школы.

В конце концов, сбежав из Тайного Города, она приняла решение за всех. Возможно, тогда этот поступок действительно стал лучшим выходом из положения, но есть ли у нее право распоряжаться судьбой повзрослевшей дочери? Пусть уж ее дар будет огранен мастерами.

– Как, говоришь, зовут моего папочку?

Нет, с таким настроением она скорее пропадет, чем чего-нибудь добьется.

– Ирина, Тайный Город – это не Москва, – серьезно произнесла мать. – В Тайном Городе не любят полукровок, да и чистокровных челов, то есть людей, честно говоря, не жалуют. Можешь ненавидеть меня всю оставшуюся жизнь, но от меня ты имени отца не узнаешь. И я очень прошу не искать его и уж тем более – не шантажировать. Я не уверена, что ты способна вызвать у него отцовские чувства…

Но Тина ничего не слышала.

– Получается, я не Томилина Ирина Сергеевна, а… Как зовут настоящих волшебниц? У меня есть древнее родовое имя? А может, титул? Почему я не могу узнать, кто мой отец? Я его дочь! В конце концов, генетическая экспертиза подтвердит мои права.

Бабушка! Ну, вылитая бабушка. И немного – отец.

– Все, что ты говоришь, имеет смысл в нашем мире. –

Женщина попробовала еще раз достучаться до дочери. – Но к Тайному Городу эти законы не имеют никакого отношения. Там свои правила.

– Отлично! Расскажи мне о них! Кстати, мама, а какая во мне магия – черная или белая? А может так быть, что боевая или какая-нибудь необыкновенная, вроде некромантии?

И все-таки вывела из себя родительницу.

– Замолчи, упрямица! – крикнула женщина, и ее голос зазвенел от волнения. – Ира, ты не понимаешь, что за чушь несешь! Замолчи и слушай! Тайный Город – это не фэнтезийное кино и не онлайн-игра. Это настоящий и очень жесткий мир! Убийства в нем – повседневность. Власть принадлежит Великим Домам, и максимум, что тебе светит, – роль второго плана. Если ты войдешь в Город. А если не приживешься – тебе придется бежать, и не факт, что это тебе удастся.

– Тебе удалось.

– Хочешь пройти мой путь?

Ира почесала в затылке и честно ответила:

– Нет.

– Молодец.

– Но если в Тайном Городе так плохо, почему ты сбежала из него, лишь испугавшись мести женщины, которой ты наставила рога?

И матери стало понятно, что она не сможет отговорить Тину от поездки. Потому что…

– Магия… – прошептала она и против воли улыбнулась.

– Могущество? – тихо уточнила девушка.

– Могущество тоже, но это не главное – сама магия. Прикосновение к невидимому, странному, но имеющему силу. Ты обволакиваешь поток энергии и обращаешь его в дождь… Или в огонь… Или в предсказание… Со стороны кажется, что ты творишь из ничего, но ты управляешь чистой силой… – Женщина помолчала. – Магия завораживает.

На ее лице появилось мечтательное выражение, и Тина поняла, от чего отказалась мать ради нее. И Тине стало горько. И стыдно за все ее проделки и выходки последних лет.

Тина не сдержалась – обняла маму и тихо, но твердо произнесла:

– Я все равно туда поеду.

Услышала в ответ:

– Ты должна познать магию, Тина, иначе твоя жизнь не будет полной.

И она поехала.

О маминых предостережениях девушка вспомнила в конце

первой недели обучения в школе Солнечного озера. Она сидела в одной из аудиторий трехэтажного особняка на Старой Басманной, невнимательно слушала белокурую учительницу, красивую, как фотомодель, и представляла себя в зените славы, могущественной волшебницей, на равных общающейся с самыми сильными магами Тайного Города, с королевой Зеленого Дома, со жрицами, с Великим магистром Ордена…

«Колодец Дождей», – вывела на доске учительница.

И повернулась к аудитории:

– Сегодня мы подробно разберем условия использования челами магической энергии Источника Великого Дома Людь. – Пауза. Надменная полуулыбка. Щелчок несуществующей фотокамеры. – Вы узнаете действующие тарифы, ознакомитесь с порядком контроля потребления, со штрафами и предупреждениями. – Люда обворожительно улыбнулась, но ее ярко-зеленые глаза были холодны, как два чистейших изумруда. – Записывайте, записывайте. А лучше – зарубите все это себе на носу.

– Простите, а устройство Источников вы нам разве не объясните? – неожиданно спросила Тина.

Несколько секунд белокурая ведьма изумленно смотрела на подавшую голос малолетку, после чего мелодично рассмеялась. Очень красиво и очень обидно. Высокомерный смех стал идеальным ответом, и своенравная Тина впервые в жизни последовала маминому совету держаться скромнее и заткнулась. И много чего переосмыслила, опираясь на бесконечный список предостережений, которым ее снабдили перед отъездом. С этого дня они перестали казаться надуманными, и девушка специально позвонила и поблагодарила за них свою заботливую родительницу.

Но вот удирать из Тайного Города Тина не собиралась. Какими бы неприятностями он ей ни грозил, он стал ей родным. Позволил девушке прикоснуться к магии.

Сделал ее другой.

Что же касается нынешних финансовых неприятностей, то по личной шкале Тины они не превышали самый низкий, начальный, уровень, который вполне можно пережить. Прощай, шопинг в супермаркете Торговой Гильдии, услужливые менеджеры, вышколенные Биджаром Хамзи до такой степени, что начинаешь верить в их безграничную любовь, прощай, ароматный кофе и бесконечные демонстрационные залы.

Ну, не «прощай», конечно, а «до свидания», поскольку Тина планировала преодолеть кризис как можно быстрее. И

единственное, от чего она не могла отказаться, так это от грабительского кредита за уютную квартирку вблизи Садового кольца. Квартира должна была стать ее домом в Тайном Городе. Тина мечтала о ней почти десять лет, так что ни повышение тарифов, ни уменьшение количества клиентов не могли заставить ее пойти на попятную.

Квартира будет ее – и точка!

Кредит же был взят в обычном человском банке и требовал предельно аккуратных выплат, невзирая на кризисы, жадность шасов и «колебания валют». Поэтому Тина вздохнула, открыла ноутбук и принялась изучать многочисленные счета, прикидывая, на чем еще можно сэкономить.

В Тайном Городе тщательно следили за соблюдением режима секретности, не позволяли применять магию для решения бытовых проблем, поэтому девушка даже думать не смела о том, чтобы отыскать богатого бизнесмена, накинуть на него подходящий случаю аркан и таким образом «уговорить» выплатить очередной взнос по ее кредиту. Деньги имеют свойство оставлять следы, бизнесмен побежит в полицию, та потянет за единственную ниточку, обязательно выйдет на скромную владелицу кредитной недвижимости и начнет задавать неприятные вопросы. Дело, разумеется, будет замято – Служба утилизации и не такие орешки колола, – но стоимость «замятия» окажется такой, что проще изыскать деньги разрешенными способами.

Или неразрешенными, но не оставляющими явных следов.

Тем временем туманные утренние сумерки окончательно растаяли, и за окном неохотно разгорелся промозглый осенний день.

Рабочий день.

Если судить по первой клиентке, очередной рабочий день Тины должен был стать весьма насыщенным. Молоденькая девчонка, представившаяся Алисой, показалась очень напуганной и совсем не походила на тех дам, которые верят объявлениям «Снимаю порчу, родовые проклятия и венец безбрачия, заговариваю зубы». Бесплатная газета, где Тина периодически размещала рекламные призывы к сотрудничеству, лежала между девушками на журнальном столике. Тина разместилась в уютном кресле, вальяжно закинув ногу на ногу, но благодаря наведенному мороку Алиса видела перед собой не красивую молодую девушку в свободной, мягко говоря, позе, а пожилую матрону с участливым материнским лицом. У Тины было несколько стандартных образов для отвода глаз, и она решила, что для напуганной девчонки идеально подойдет вариант «добрая

тетушка». И не ошиблась: ледок первоначального недоверия растаял за рекордные сорок семь секунд, после чего Алиса отринула сомнения, если они у нее были, и подробно, изредка сбиваясь, но тем не менее весьма энергично изложила ведьме историю о черной собаке.

Которая, откровенно говоря, не произвела на Тину особого впечатления.

– Почему ты решила, что пес инфернальный? – осведомилась она, с большим трудом удержав участливый тон. – И чем конкретно он тебе угрожает?

– Тот… – Девушка облизнула пересохшие губы. – Тот парень, Александр… он что-то увидел в парке. – Алиса понизила голос до шепота и сплела дрожащие пальцы. – Я думаю, его убили. И меня убьют, если вы не поможете.

– Как так убили? – таким же трагическим шепотом спросила Тина.

– Его сбила машина!

– Ты сказала, что после того, как парень свистнул терьера и пошел разбираться вглубь парка, ты убежала домой!

– Да. Я… Я не знала, что делать, – призналась девушка. – Я переоделась, собралась в институт, вышла на остановку, а там толпа людей и полиция. И все говорят, что его сбила черная «Мазда». И собаку тоже! – Алиса в ужасе прижала ладони к щекам. – Но я не верю! Это черный пес его убил!

– Алиса…

– Пес во всем виноват! Пес загрыз Сашу и вытащил на дорогу.

Если допустить, что к происшествию причастен кто-то из Тайного Города, то, конечно, не пес, а его хозяин. Ну, в смысле, пес, или кто там на самом деле, действительно сорвался с поводка, растерзал случайную прохожую, затем свидетелей, а хозяин, не желая проблем со Службой утилизации, представил все несчастным случаем.

Возможно?

Еще как!

«Скорее всего, где-то поблизости живет рыцарь с каким-то домашним питомцем. Например, с мантикорой. Во время прогулки поводок оборвался, тварь освободилась, сбежала, возможно, испугалась, вот и принялась убивать окружающих…»

Оставалось заглянуть в телефонный справочник, узнать, кто из магов Тайного Города обретается неподалеку от дома девчонки, проверить зарегистрированных питомцев и нанести подозреваемым визит.

«Но сначала нужно проверить в Службе утилизации, был ли у них вызов на заметание следов».

Дело выглядело несложным, но финансово перспективным. Если таинственный маг действительно решил уладить проблему самостоятельно, он наверняка не откажется выписать Тине небольшую премию за молчание. Все равно это обойдется дешевле разборок со Службой.

Погрузившись в размышления, ведьма совершенно позабыла о посетительнице и, лишь увидев удивленное выражение на лице девушки, поняла, что слишком долго не поддерживает разговор. И неловко хохотнула:

– Извини, задумалась.

– Я заметила, – не очень довольно уточнила Алиса.

– И еще я попыталась представить, как собака перетаскивает жертв на дорогу, а затем внушает прохожим, что несчастных сбила машина.

– А если это была не собака? – осторожно предположила посетительница.

– А кто?

– Демон в образе собаки.

– Посланец ада?

Алиса нахмурилась:

– Вы мне не верите?

– Ты пришла, чтобы разобраться в этой истории, – мягко произнесла Тина. – Вот мы и разбираемся. Дотошно.

– А-а… – поразмыслив, Алиса признала правоту ведьмы, чуть успокоилась и продолжила: – Машина сбила только Сашу и Терри, а что случилось с неприятной женщиной в желто-синем, я не знаю.

– О ней вообще ничего не известно?

– Я ее больше не видела.

– Та-ак… – Тина заготовила еще одну успокаивающую фразу, однако не успела ее произнести.

– Там же был мужчина! – вспомнила Алиса. – На спортивной площадке был мужчина! Который оторвал перекладину от турника.

– Да, ты говорила…

– Я потом приходила на площадку: турник действительно сломан.

– Верю, верю…

– Вдруг он хозяин пса? Испугался, что его раскроют, вот и перенес Сашу и Терри на дорогу.

– Кто раскроет? – не поняла Тина.

– Вы.

– А-а…

– Вы должны раскрыть, – вернулась к умоляющему тону

Алиса. – Вы должны помочь. Из всех телефонов только ваш ответил!

– Из каких телефонов? – окончательно запуталась ведьма.

– В объявлениях, – объяснила девушка. – Мне в метро сунули в руки газету. Я подумала, что это не просто так, и стала звонить.

«Ах, вот в чем дело!»

В Тайном Городе в совпадения верили только в том случае, когда были исключены все остальные варианты, а значит, встреча со странной собакой запустила цепочку событий, которые привели Алису к Тине. И речь в данном случае шла не о чьем-то умысле, нет: девчонка прикоснулась к настоящей магии, и та потащила ее за собой.

– Ты все сделала правильно, и я тебе обязательно помогу, – проникновенно произнесла ведьма, глядя Алисе в глаза. – Ничего не бойся.

И бросила быстрый взгляд на циферблат висящих позади девчонки часов, отметив, что пора выезжать на встречу с клиентом.

– Сколько я вам должна?

– Пока нисколько.

Тина не занималась благотворительностью, но не собиралась выдавливать норму прибыли из всех окружающих, она ведь не шаса. Решила, что сначала проведет комплексную проверку, определит подозреваемых и уж потом подумает, стоит ли брать деньги с напуганной девчонки. Возможно, услуги дипломированной колдуньи сполна оплатит владелец рехнувшейся «собачки». Или Служба утилизации – за ее сообщение.

Но это – потом.

Пока же Тина напоила Алису чаем с умиротворяющим сбором «Добрые мысли», пообещала, что уже сегодня проведет обряд изучения астральной границы, чтобы узнать, не проник ли на Землю инфернальный пес, выпроводила успокоившуюся девчонку из квартиры и принялась торопливо собираться.

Она ужасно опаздывала.

* * *

Южный Форт, штаб-квартира семьи Красные Шапки

Москва, Бутово, 17 октября, понедельник, 15:09

Уйбуй Дрезина Шибздич впал в немилость великого фюрера Кувалды.

Снова.

Только на этот раз Дрезина вляпался серьезно, поскольку по приказу отца бутовской нации был взашей вытолкан за ворота Форта. Вытолкали в том, в чем был, не позволили даже прихватить из тайника пару-тройку бутылок виски, что было запредельно суровым наказанием, ибо без этого живительного напитка мозг Красных Шапок функционировал с ничтожно низким КПД, что могло привести к трагической гибели дикаря, оказавшегося один на один со страшным окружающим миром.

– Слышь, Дрезина, почему Кувалда на нас взъелся? Мы же не у него виски сперли! – поинтересовался боец Стамеска, оказавшийся, как всегда, по правую руку от уйбуя.

– Великий фюрер пообещал «Средству от перхоти» защиту и покровительство, – ответил Дрезина, выплевывая на ладонь зуб.

– В «Средстве» все воруют, – убежденно возразил Стамеска.

– Все воруют помаленьку, – объяснил уйбуй, одновременно проверяя языком остальные зубы. – А мы помногу. – Заодно подумал – ну, раз уж зуб все равно шатался, так что не жалко. И выбросил его прочь. – Говорил же: не берите ящик.

– Уж больно сподручно получалось ящик взять, – посетовал Стамеска, поправляя сползшую бандану. А когда поправил – под левым глазом обнаружился грандиозных размеров синяк, поставленный, скорее всего, прикладом дробовика.

– Сподручнее, но заметнее, – вздохнул Дрезина.

– Кто ж знал, что нас в кино будут фотографировать, – развел руками боец, имея в виду запись на следящей видеокамере.

– В следующий раз будем ловчее.

– Чтобы следующий раз был, надо вернуться в Форт, а нас туда не пустят, – неожиданно разумно произнес Стамеска.

– Выкрутимся, – пообещал Дрезина.

– Давайте потребуем репатриации! – донеслось справа от него. – Так не поступают с законопослушными гражданами и потенциальными избирателями!

Уйбуй крякнул от неожиданности и повернул голову на звук: до сих пор он почему-то считал, что из Форта выкинули только его и Стамеску, а получилось, что расширенным составом.

– Тыква?

– И еще моральный износ тоже, – пробубнил лежащий лицом вниз боец. – И пусть не врут, что его нет. Я законы знаю, я два раза адвокатов грабил.

– Морально у нас у всех проблемы, – поддержал приятеля Стамеска. – Меня, пока тащили, три раза очень нехорошим

словом назвали, как будто на мне можно жениться.

– Как будто ты Кончита? – уточнил Тыква.

– Не, у кончит бороды, а у нас волос не растет. – Стамеска постучал себя по лысой, как шея птеродактиля, голове. – Просто так обозвали.

– Это они в толерантности испражняются, – подумав, сообщил Дрезина. Но не стал говорить, что его тоже так называли, чтобы не потерять среди подчиненных авторитет.

– Упражняются, – поправил уйбуя Стамеска.

– Упражняются дети, когда примеры по математике решают, а эти испражняются, – не согласился Дрезина, припоминая, с какой злобой произносили обидные слова подручные великого фюрера. Заметил сразу за Тыквой еще одно тело, но спрашивать, кто это, не стал, потому что сначала тело должно очухаться и обозначить себя как боевую единицу. – А раз мы стырили виски, за который Кувалда поручился, получается, что мы пошли против фюрера.

– То есть мы теперь оппозиция? – сообразил Тыква.

Чем вызвал у сородичей ожидаемое замешательство.

– Не, сначала мы изгои, – попытался идентифицировать себя Дрезина, но был перебит слишком умным бойцом.

– Не из гои, а из Форта, – уточнил Тыква. – Но оппозиция лучше, потому что они богатые.

– Да ладно, – не поверил Стамеска. – Если они богатые, то зачем оппозиция?

– Потому что хотят стать еще богаче, – как «дважды два» доказал недоверчивому приятелю Тыква. И следующими ходом поставил ему мат: – Я точно знаю, что богатые, потому что они денег всем дают просто так. Я пошел – мне дали, а всего-то надо было по улице прогуляться.

– Я тоже тогда ходил, – припомнил Стамеска. – Только пьяный был и не помню. Много денег дали?

– Ты на них и напился, – ушел от прямого ответа Тыква. Потому что именно он выскреб из карманов упившегося приятеля остатки наличных.

И оба бойца вопросительно посмотрели на уйбуя. В смысле, раз он теперь оппозиция, то должен дать денег.

– Власть фюрера нерушима, – мрачно изрек Дрезина, у которого денег не было. – Она овеяна древними вискикурнями и приносит нашему великому народу только хорошее.

– Насчет хорошего ты погорячился. Я, например, от мордобоя не в восторге, – не стал скрывать Тыква. – Я себя еле-еле обратно в кучку собрал.

– А был бы ты оппозиция, тебя бы и вовсе на ленточки порезали, – наставительно сообщил уйбуй. – На белые.

– Белые больше неактуально, – сообщил Тыква.

– А что актуально? – сдуру брякнул Стамеска.

И услышал перспективное:

– Актуально – бороться с коррупцией.

– Актуально – это что? – попросил напомнить Дрезина.

Непонятные слова всегда вызывали у него тревогу, и задавая вопрос, Дрезина на всякий случай нащупал в кармане кастет.

– Актуально – это за что сейчас платят.

Против такого расклада уйбуй ничего не имел, но не мог не уточнить:

– А с чьей коррупцией будем бороться?

– Ну… Пусть с Кувалдиной, – предложил Тыква.

– Тогда нас в Южный Форт никогда не пустят, – мрачно предсказал Стамеска, и Дрезина, поразмыслив, с бойцом согласился.

– А мы сами войдем! – пообещал Тыква. – Мы будем власть!

– Где?

– Здесь!

Но на этот раз он перестарался.

– Здесь власть я, – сообщил Дрезина, а для закрепления материала вмазал смутьяну кастетом в ухо.

Тыква, который благоразумно вел пропаганду, не поднимаясь с земли, вновь уткнулся в нее носом и захныкал.

– Но если мы не оппозиция и не Красные Шапки, то кто мы? – неожиданно спросил Стамеска.

– А тебе зачем?

– Изгой – это звучит позорно.

– Я кино про самого первого изгоя смотрел, оно клевое, – проныл Тыква.

– А мне показалось, я тебя убил, – протянул Дрезина, задумчиво разглядывая сплоховавший кастет.

– Пусть тебе что-нибудь другое покажется.

– Кто мы теперь, Дрезина? – продолжил Стамеска. – Кто мы, если не десятка шибздичей под знаменами великого фюрера Кувалды и не оппозиция! Чего молчишь?

– Тогда мы анархисты, – подсказал Тыква, на всякий случай прикрывая ухо рукой. – Анархия – мать порядка!

– Я, мля, вам щас покажу анархию! – грозно рявкнул уйбуй. – Анархию Великие Дома не потерпят.

– А кто мы?! – взвыл потерявший самоидентификацию Стамеска.

– Мы – частная армия! – проблеяло тело, которое до сих пор молча шевелилось позади Тыквы. – Интернациональная. На кого хотим, на того и работаем.

– Кто?

– Я их в телевизоре видел, – сообщило тело, по-прежнему оставаясь за Тыквой. – Крутые перцы, которые приходят и решают.

– Что решают?

– Этого я не видел, потому что телевизор упал.

– А когда у нас было землетрясение? – недоуменно поинтересовался Стамеска.

– Он потому упал, что началась драка, – поведало тело.

– А-а… Так бы и сказал.

– Я так и сказал.

– Сказал бы, что телевизор начал драться.

– Он не начал, а упал.

– А-а…

– Ты вообще кто? – поинтересовался уйбуй, и Шапки враз умолкли.

Даже тело.

Потом оно поняло, что Дрезина обратился к нему, и задумалось:

– Э-э…

– Ты почему здесь? – поддакнул командиру Стамеска.

– Я… Вот! – Тело привстало, оказавшись тощим бойцом, и продемонстрировало шибздичам здоровенную шишку выше правого глаза.

– Ты боец Шишка? – попытался расшифровать загадку Дрезина.

– Не знаю, – жизнерадостно ответило тело. – Не помню.

– Не похож он на Шишку, – с сомнением отметил Тыква. – А на кого он похож, я не пойму.

– А если мы его все равно не знаем, давайте скажем, что это он виски стащил, – предложил Стамеска. – А мы типа невинно им оболганные.

– А если они его спросят? – поинтересовался Дрезина, которому идея в целом пришлась по душе.

– Так он все равно ничего не помнит!

– Гм…

– Его в кине нет, – печально поведал Тыква.

– В какой?

– Которую сняли про то, как мы ящик виски воруем.

– Скажем, что он в нас замаскировался.

– Не поверят.

– То есть я не изгой с вами?! – обрадовалось тело. – Я могу сейчас в Форт пойти?

Заявление вызвало у спутников мрачную печаль. Все

понимали, что тело право, что оно может вернуться в любимую семейную крепость с ее резкими запахами, уютным «Средством от перхоти», перекличками и перестрелками, и все телу завидовали. И напрягали еще пропитанные алкоголем мозги в надежде придумать какую-нибудь гадость.

– Не получится, – хихикнул Стамеска. – Тебя ведь били?

– Били, – не стало отрицать тело, трогая себя за повреждения.

– А раз тебя били, значит, ты виноват.

– У нас просто так не бьют, – поддержал приятеля Тыква. И с надеждой посмотрел на уйбуя. – Так ведь?

– Так, – согласился Дрезина. И не замедлил уточнить: – Я тебя бил совершенно заслуженно.

– Ну…

– Что?

– Заслуженно, – пришлось признать Тыкве.

А тело загрустило:

– Получается, я тоже преступник?

– Ну, раз били, значит, получается, – кивнул Дрезина. – Только ты скажи, как тебя звать, а то я тебя, бандита, не припомню.

– М-мэ…

– Тогда будешь пока Четвертым, – решил уйбуй, по очереди загнув пальцы левой руки пальцами правой. – И говори, где частные армии финансирование берут? Потому что выпить нам надо, а с деньгами туго, мы не оппозиция.

– У наркобаронов берут, – припомнило подробности телепередачи бывшее тело. – У спецслужб человских, еще у олигархов…

– То есть снова возвращаемся в мир разбоя и грабежа, – резюмировал Дрезина.

– А мы его покидали? – удивился Стамеска.

– Пока без сознания были.

– Ну, разве что.

– Машину сначала угнать надо, – проворчал Тыква. – Я без машины разбойничать несогласный.

* * *

Ресторан «Обломов»

Москва, 1-й Монетчиковский переулок, 17 октября, понедельник, 15:10

Получив диплом школы Солнечного озера, который в ее случае являлся скорее пропуском в Тайный Город, чем показателем знаний и навыков, Тина принялась постигать колдовское искусство на собственном опыте, периодически открывая для себя прописные истины. Как это ни странно, открытия далеко не всегда приносили ей горькое разочарование или приводили к появлению очередной болезненной шишки. Напротив, некоторые «собственные» изобретения девушки сулили легкие и довольно большие деньги, как, например, в случае с Платоном Мироновичем и его дражайшей супругой Эсмеральдой Семеновной.

Придуманное мошенничество Тина назвала «двойным форсажем», вела его больше месяца и сегодня готовилась собрать урожай.

Платон Миронович Сергеевич работал с недвижимостью, его дражайшая супруга Эсмеральда Семеновна Сергеевич числилась домохозяйкой. Людьми они были зажиточными, но не всегда.

Платон Миронович начинал в родном Житомире простым агентом по продаже недвижимости, с утра до ночи крутился как белка в колесе, выкладывался по полной, «горел на работе» и постепенно пришел к успеху: открыл собственную фирму, начал инвестировать в строительство, почуял, что получается, рискнул и сменил место жительства, понимая, что в бывшей имперской столице крутятся совсем иные деньги. Ставка сыграла не сразу, но благодаря надежным связям бизнес пошел в рост и в Москве, и вскоре подслеповатый доходяга в мятой пиджачной паре с Привоза превратился в уверенного и хваткого дельца. И старая жена стала мешать, как мешает расправившему крылья орлу прикованная к лапе гиря. Жену нужно было срочно менять.

Будучи человеком последовательным и организованным, Платон Миронович внимательно перебрал возможные кандидатуры из числа длинноногих сотрудниц и деловых знакомых, прикинул, с кем будет не стыдно появиться в обществе, и принял решение в пользу ста семидесяти пяти сантиметров роста и диплома МГУ. Тем же вечером он объявил жене о разводе. Эсмеральда Семеновна закатила грандиозный скандал – к нему Платон Миронович был готов, – ничего, разумеется, не добилась, бросилась к адвокатам, а когда те развели руками – к экстрасенсам. В них оскорбленная женщина верила больше, чем в юристов, и потому, помыкавшись между потомственными шарлатанами, оказалась в квартире Тины – потная, злобная, никчемная и глубоко несчастная.

– Я хочу, чтоб он сдох! – орала в тот день Эсмеральда, потрясая массивными кулаками, сделавшими бы честь любой

торговке рыбой. – Чтоб сгнил, сволочь неблагодарная! И побыстрее. Только пусть сначала завещание напишет. – Пауза. – Мы сможем это организовать?

– Мгновенная смерть – это к конкурентам вашего мужа, – холодно ответила ведьма, разглядывая многочисленные кольца с крупными камнями и толстые, пошлые браслеты, которые украшали жирные лапищи несчастной женщины. Изделия выглядели крикливо, но при этом четко обозначали финансовый статус собственницы. – Я такими вещами не занимаюсь.

Несколько секунд Эсмеральда Семеновна таращилась на Тину, хлопая приклеенными ресницами, после чего уточнила, что убивать мужа она тоже пока не готова.

Потому что в противном случае ей попросту негде будет кормиться.

– Я хочу, чтоб он страдал, как я, – объяснила она, держа себя за левую грудь – в какой-то момент от переживаний ей «стало плохо». – Пусть мучается!

– Это можно устроить, – повеселела ведьма.

– Чтобы ему ни днем ни ночью покоя не было!

– За ночные кошмары придется доплатить.

– Почему?

– В темноте работать сложнее.

Несколько секунд мадам Сергеевич пыталась понять, издевается над ней Тина или говорит всерьез, решила, что все по-настоящему – не будет же скрюченная, но крепенькая старушка в черном плаще лгать! – и уточнила:

– Он точно будет мучиться по ночам?

– Гарантирую.

– Тогда доплачу. – И выставила следующее требование: – И чтобы у Платоши на ту сучку ничего не поднималось!

– Не желаете лично засвидетельствовать выполнение этого пункта?

– Предлагаете побывать в спальне?

– Можно устроить за дополнительную плату.

– М-м-м… – Перед Эсмеральдой Семеновной встал сложный выбор: ей очень хотелось посмотреть на фиаско неверного Платоши, но она стеснялась признаться в этом «старой» ведьме.

– Подумайте пока, – предложила Тина и достала чистый лист бумаги: – А пока заключим с вами простой рукописный договор без нотариального заверения.

– О чем? – поинтересовалась мадам Сергеевич, не прикасаясь к протянутой авторучке.

– Если в результате моих действий Платон Миронович Сергеевич примет ваши условия развода, я получаю триста тысяч.

– Сколько?! – изумилась Эсмеральда Семеновна. И темные усики на ее верхней губе приготовились задрожать в праведном гневе.

– А сколько вы планировали мне заплатить? – не менее изумленно осведомилась Тина.

– Ну… тысяч десять.

– За половину состояния?

– Мы говорим о порче, – напомнила мадам Сергеевич.

– Мы говорим о разводе, – парировала ведьма.

– Как я узнаю, что Платоша согласится на условия в результате ваших действий?

– Он попросит снять порчу.

– А-а… – Эсмеральда Семеновна попыталась отыскать брешь в логических построениях «старухи», но не смогла. Сейчас мадам Сергеевич меньше всего напоминала несчастную, брошенную женщину, ну разве что потела с прежней интенсивностью, зато полностью соответствовала образу торговки с Привоза, готовой биться за каждый протухший плавник. – А если я решу вас обмануть?

– Все норовят обидеть бедную пенсионерку, – печально произнесла Тина, вспомнив, в каком образе находится.

Эсмеральда Семеновна изволила громко хохотнуть.

– Но если вы меня обманете, то следующую порчу я наведу на вас, – продолжила ведьма, вперившись взглядом в чугунные глаза мадам Сергеевич. – И уже вам, Эсмеральда Семеновна, придется поделиться половиной состояния. В мою пользу.

Несколько секунд будущая богатая и свободная женщина пыталась выдержать взгляд «старухи», сдалась и взяла протянутую авторучку.

Сделка была заключена.

Тем же вечером Эсмеральда Семеновна позвонила неверному благоверному, послушала его смешки по поводу последней неудачи юристов, прошипела, что насылает на него порчу, отключила телефон и уехала к двоюродному брату в Жмеринку.

А жизнь Платона Мироновича превратилась в ад.

Вместо лиц он стал видеть дьявольские рожи, вместо московских улиц – руины, покрытые хлопьями черного пепла, еда на его столе покрывалась тонкой пленкой зеленой плесени, а в бокалах и чашках поселились пауки и черви. И если поначалу внезапные видения приходили изредка и ненадолго – Тина не форсировала события, – то к концу недели несчастный бизнесмен в прямом смысле слова переселился в свои видения.

Тем не менее господин Сергеевич продержался еще четыре дня. Он боялся выходить из дому, выгнал невесту, ел с

завязанными глазами, вызывал к себе лучших врачей, но ничего не помогало. В конце концов Платон Миронович сдался и сделал Эсмеральду Семеновну не только свободной, но и богатой женщиной.

Основные документы они подписали вчера поздно вечером, дальше предстояли только формальности, Тина получила гонорар и теперь собиралась лично снять порчу, а заодно придать смысл слову «двойной» в придуманной ею схеме.

В самом начале третьего девушка припарковала автомобиль неподалеку от дорогого ресторана, в котором любил обедать несчастный Сергеевич, уверенно вошла в зал, небрежно бросив администратору: «Меня ждут», остановилась в дверях и оглядела столики.

Для встречи с «Платошей» Тина выбрала образ «высокомерная стерва»: черные вьющиеся волосы, нос с привлекательной горбинкой, большой рот, ярко-красная помада, ярко-красные ногти и черное платье. Не мини, но и не в пол, элегантное платье с открытыми плечами, ласково облегающее прекрасную фигуру.

В действительности девушка явилась на встречу в джинсах, кроссовках и бесформенной вязаной кофте, но какая разница, какой она явилась, если встречали ее как «высокомерную стерву»?

Сергеевич сидел в углу, вяло тыкал вилкой в мясо и с видимым отвращением проглатывал каждый кусок. Дорогой пиджак висел на нем, как на вешалке, щеки покрывала неряшливая щетина, глаза были красными, воспаленными, а руки дрожали. Могло показаться, что Сергеевич пребывает на экваторе полноценного запоя, но в действительности Платон Миронович уже неделю отказался от алкоголя, как только понял, что тот усиливает кошмары.

– У вас не занято?

– Смотря чем вы планируете заняться, – хмыкнул в ответ Сергеевич.

– Пообщаться, – не стала лгать Тина, располагаясь напротив бизнесмена.

Тот без особого интереса скользнул взглядом по броской женщине, задержался, разумеется, на роскошном декольте – морок творит чудеса! – и вздохнул:

– Я сегодня не лучший собеседник.

– Почему?

– Грустный.

– Неудачный развод?

Сергеевич вздрогнул:

– Откуда вы знаете?

– Я отвечу, – улыбнулась Тина, глядя бизнесмену в глаза. – Но сначала дадите ответ вы.

– Какой?

– Как вам мое лицо?

В первый момент Платону Мироновичу показалось, что женщина кокетничает. Он едва не вспылил, но затем сообразил, что нет никакого смысла подсаживаться к незнакомцу ради глупого кокетства. У вопроса явно был иной, глубокий смысл, но какой?

– Красивое лицо, – промямлил Сергеевич, осознавая, что не понимает, куда клонит незнакомка.

– А главное – никаких красных глаз, клыков, рогов и заостренных ушей, да? – мелодично рассмеялась Тина. – И в моем бокале нет даже намека на червей.

Она повертела перед мужчиной пустым бокалом, после чего распорядилась:

– Минеральной воды.

Платон Миронович послушно исполнил приказ, поставил бутылку и прищурился:

– Вы тоже видите тварей?

– Я знаю, что их видите вы, – объяснила Тина, делая маленький глоток.

– Откуда?

– Я обладаю теми же способностями, что и ваша жена.

– Не завидую вашему мужу.

– Я – свободная женщина.

– Вдова?

– Девушка.

– Не смешно.

– Не задавайте глупых вопросов и не получите глупых ответов.

– Пожалуй… – Сергеевич откинулся на спинку. – Зачем вы явились?

– Увидела порчу и не смогла пройти мимо.

– Эсмеральда сказала, что освободит меня через неделю. – Платон Миронович вздохнул. – Но я не доживу, я знаю. Каждый день – хуже предыдущего, и я все чаще подумываю о том, чтобы растворить в стакане виски упаковку снотворного и…

– Все настолько плохо?

– Сколько? – угрюмо поинтересовался Сергеевич. – Я понимаю, что вас наняла Эсмеральда, сказки о том, что моя тупая жена способна на что-то, кроме истерики, будете рассказывать слепоглухонемым старушкам, страдающим врожденным слабоумием.

Такая проницательность ошеломила Тину и даже заставила устыдиться своих действий, но через секунду она взяла себя в руки и довела дело до конца:

– Мы заключили договор и по времени, тут вы правы, вам предстоит мучиться еще неделю. Но я не хочу вашей смерти.

– Сколько?

– Двести тысяч.

– И когда вы избавите меня от этого кошмара?

– Порча исчезнет в течение часа, но вы должны пообещать мне уехать из Москвы на неделю.

– Если вы за час снимете порчу, я уеду на месяц.

– Даете слово?

– Да. Чек на предъявителя подойдет?

– Вполне.

Платон Миронович извлек из внутреннего кармана золотую авторучку и чековую книжку.

«Чертовы легкие деньги».

Тина раскрыла пудреницу, поднесла к губам и дунула на клиента несколькими крупинками «Пыльцы Морфея», отправив в недолгий сон, одновременно навела морок, заставив официантов видеть Сергеевича читающим журнал, и принялась осторожно освобождать мозг бизнесмена от щупалец искажающего реальность заклинания «Кривое зеркало». Сложность заключалась в том, что при долгом использовании аркан принимался творчески развивать заложенные изначально образы и команды, постепенно усиливая воздействие на клиента и наполняя его подсознание чудовищными видениями, – и именно от этой дряни Сергеевича следовало избавить в первую очередь. Затем снять само заклинание. После чего освежить ему голову бодрящим арканом «Утренний бриз», разбудить и улыбнуться.

Тина не в первый раз работала с «Кривым зеркалом», поэтому все прошло как по маслу, и меньше чем через час Платон Миронович распахнул глаза, некоторое время хлопал ресницами, наслаждаясь давно забытым ощущением «легкой» головы, потом осторожно взял бокал с водой, посмотрел на свет, прищурился и улыбнулся:

– Никаких червей.

– Вы обещали уехать, – напомнила Тина, пряча чек в сумочку.

– Сколько вы заработали?

– Гораздо меньшей той суммы, которую вы с Эсмеральдой Семеновной делили.

– Прошу, не упоминайте это имя. – Сергеевич помолчал. – Надеюсь, вы понимаете, что ваши уникальные способности могли бы мне здорово пригодиться? Во время сложных переговоров,

например.

– Вы обещали уехать.

– Считайте, что я говорю с вами из Шереметьево, – рассмеялся мужчина. – После такого кошмара я проведу на море минимум месяц. Но хочу услышать ответ.

– Вот номер моего телефона. – Тина уронила на стол карточку и поднялась. – Звоните.

– Увидимся, – пообещал Платон Миронович.

И девушка поздравила себя с появлением первого по-настоящему «жирного» клиента.

Самый популярный среди челов бар Тайного Города Тина любила гораздо больше, чем его завсегдатаев. Если бы не их мелочные склоки, вечные пересуды, сплетни и ссоры, она появлялась бы в «Кружке» гораздо чаще. А особенно девушке нравилось то, что табачный дым отпугивал от заведения нелюдей, его не терпящих, а в их отсутствие челы чувствовали себя гораздо увереннее.

Табачным дымом, бензином, кожей и пылью исхоженных дорог пахнул мамин брат – самый обыкновенный чел, бродяга и искатель приключений, у которого для маленькой племянницы всегда находились незатейливые гостинцы и куча чудесных историй. А историй дядя знал невероятное количество, поскольку обладал удивительной способностью влипать в них… но при этом выходить сухим из воды. Подражая ему, девочка даже пробовала курить, но будучи классической полукровкой, пережила этот опыт хуже друзей и с тех пор к табаку не прикасалась. Появление дяди всегда было для Тины праздником, и, видимо, благодаря знакомым запахам она с такой теплотой относилась к «Кружке».

Входя в бар, девушка всегда на несколько мгновений останавливалась в дверях и чуть прикрывала глаза, вызывая в памяти волшебные воспоминания детства. Вот и сейчас она распахнула дверь, привычно притормозила на «дядюшкину секундочку» и сквозь флер табачного дыма окинула взглядом грубоватую мебель и ковбойскую бутафорию на стенах. Кнуты, револьверы, седла, широкополые шляпы – все, что навевало романтические мысли о лихих ковбоях Дикого Запада, отважных индейцах и прекрасных блондинках, обещающих много интересного за спасение от неминуемой гибели…

Но за порогом Тину поджидала удручающая реальность: сидящие за столиками маги, волшебницы и наемники, требующие внимания и осторожности. В отличие от киношных ковбоев, которым могли бы принадлежать развешенные по стенам шляпы, местная публика не любила шумные дуэли, зато обожала бить в

спину. Как, например, Эльза и Хилка, две средней руки ведьмы, которые едва не лишили ее роскошной шевелюры, насовав в волосы «зудящих колтунов».

За любимым столиком Тины сорили деньгами Гена по кличке Шахматист, специализировавшийся на спортивных состязаниях, и Эдик Трамблер, успешно совмещавший работу автоюриста и волшебника, компанию им составляли две легкомысленные девицы, кажется, даже не ведьмы. К Эдику и Гене Тина не имела обоснованных претензий, но недолюбливала за раздутое самомнение.

Увы, прекраснодушные челы и тонкие собеседники в «Кружке для неудачника» встречались нечасто, но при умелом подходе бар превращался в кладезь полезной информации. Натянуть улыбку, покрутиться между столиками, угостить парочку сплетников, кое с кем пококетничать, потереться у стойки – и за один вечер у тебя в кармане вся текущая информация Тайного Города. Не замыслы темного князя, разумеется, но чем живет дно и средний класс, почувствовать можно.

Тина поболталась у столика наемников – там шумно резались в карты, и разговоры, к сожалению, крутились исключительно вокруг игры, без труда отделалась от навязчивой галантности Силантия Сиракузовича, посетила уборную, а вернувшись, уныло уселась на высокий табурет. Сегодня в «Кружке» оказалось совсем мало посетителей, плотность сплетен не дотягивала до нужного уровня, и от осознания того, что в баре придется провести еще несколько часов, Тине стало грустно.

– Кофе.

– Неприятности?

Жизнерадостный, как все ко́нцы, Харций изобразил сочувствие и понимание. Сосланный в человский бар за излишнюю настойчивость в отношении подданной Зеленого Дома, он искренне полагал, что знает о неприятностях все. Его ядовито-малиновая жилетка и выглядывавшая из-под нее канареечная рубаха так контрастировали с нарочито скорбным выражением лица, что Тина невольно улыбнулась. Симулировать человскую скорбь у этого представителя неунывающей семейки не слишком получалось, но старания заслуживали щедрых чаевых.

– Хорошая попытка, Харций, – честно сказала девушка.

– Я в самом деле проникнут сочувствием, дорогуша.

– И тонким психологизмом?

– И им тоже.

– Ах! Люблю я тебя, Харций.

– Зайка, – проникновенно произнес бармен, поставил перед

Тиной чашку кофе и одним пальчиком подвинул по гладкой барной стойке по направлению к девушке.

Здорово было бы уткнуться сейчас в его теплое канареечное плечо и для начала всласть поплакать, а потом… Ко́нцы заслуженно считались лучшими любовниками Тайного Города, и «потом» могло быть только великолепным и никак иначе.

– Силантий только что предложил мне найти мужика, – улыбнулась Тина. – Неужели он говорил о тебе?

– Силантий Сиракузович – наш завсегдатай, прекрасный специалист по поиску вторых половин, но не мой агент. – Харций весело подмигнул девушке. – Я договариваюсь без посредников.

«А может, плюнуть на дела, дождаться, когда Харций сменится, и уехать с ним?»

– Договариваешься о чем? – улыбнулась Тина.

– Обо всем.

Ко́нец подвинул ей сложенную треугольником салфетку и отошел к другому посетителю.

«Интересно…»

Девушка развернула бумажку и тут же сложила ее вновь, поскольку записка оказалась на удивление лаконичной:

«Такси у входа».

Глава 2

Московская Обитель, штаб-квартира семьи Эрли

Москва, Царицынский парк, за полвека до описываемых событий

Ночью в Царицыно выпал первый снег и еще не растаял, уцепился за холодную осеннюю землю и замер, словно надеясь долежать до зимы. За стрельчатыми окнами тихо кружили опоздавшие снежинки, в мокрых ветвях деревьев играл солнечный свет, делая резкими жухлые листья, из последних сил державшиеся на ветках. А срывающиеся с карниза комья то и дело шлепали по оконным откосам.

Но это – снаружи.

А внутри, в сводчатом холле второго этажа, брат Висцерус собрал молодых коллег, только что закончивших утренний обход.

Брат Висцерус – старый, но невероятно шустрый, суетливый в движениях эрлиец – имел множество заслуг и достоинств перед Московской обителью и Тайным Городом. Он врачевал едва ли не дольше любого из ныне здравствующих братьев, и при попытке подсчитать стаж его практики сбивался даже настоятель Обители, отец Динамус. Брат Висцерус был опытным доктором широкого профиля, однако хирургия никогда не входила в число его любимиц. На старости лет Висцерус получил звание брата-наставника, с энтузиазмом передавал опыт молодым коллегам, но перед входом в хирургическое крыло был особенно придирчив, многословен, нетерпим к вопросам и по десять раз заставлял всех повторять одни и те же прописные истины.

– Прежде чем мы пересечем границу этого, не побоюсь громкого слова, храма жизни, коим является хирургический блок Обители, я предлагаю вспомнить основные принципы лечения ожоговых ран, – с энтузиазмом предложил он, глядя на вверенную его заботам молодежь.

– Почему ожоговых? – удивился кто-то. – Может, поговорим о резаных ранах?

– Или рубленых.

– Или огнестрельных.

– Поспорьте еще, – буркнул Висцерус, и стало ясно, что отказываться от своих намерений он не собирается.

Молодые братья огласили холл негромким стоном, но

разжалобить старика не сумели.

– Как вам известно, наиболее частыми причинами термических повреждений тканей являются боевые арканы «Шаровая молния», «Эльфийская стрела» и «Дыхание дракона», – уверенной скороговоркой произнес он. – Когда мы имеем дело с их последствиями, на первом этапе оказания помощи можно пренебречь магическим происхождением раны и действовать, как в случае обычного ожога, но одно из этих боевых заклинаний вызывает серьезное дополнительное поражение тканей… О каком аркане идет речь, брат Латерус?

Висцерусу показалось, что молодой врач отвлекся, но тот, оказывается, слушал и скучным голосом ответил:

– «Эльфийская стрела». Лечение этих ран требует комплексного подхода.

– Великолепно! А теперь вопрос брату Гематусу: перенесет ли обычный чел попадание «Эльфийской стрелы» и каковы будут последствия?

Среди присутствующих Гематус был самым молодым и «подающим самые большие надежды», и, к сожалению, брат-наставник об этом знал. Гематусу доставались самые заковыристые или, наоборот, самые простые вопросы, ответить на которые в одно слово, как того они заслуживали, было равносильно самоубийству.

Услышав вопрос, брат Гематус вздохнул, бросил тоскливый взгляд в окно и на секунду онемел.

Заснеженный парк подернулся мороком. Пегий снег выстилал землю, ядовито-синие стволы деревьев возносились к небесам, а черные кроны распускались растрепанными похоронными венками. Танцующие лунные сферы уводили взгляд куда-то за грань, во Внешние миры, в саму смерть или в бессмертие. Здесь не было жизни. А там плыли в облаках гигантские змеи, сгущалась тьма, искрился свет и невозможные существа расправляли гигантские крылья.

Не успел молодой эрлиец охнуть, как целая планета разорвалась у него чуть ниже сердца, в глазах полыхнул ядовитый цветной салют, и все исчезло.

Молодой врач замер с раскрытым ртом.

– Какие будут последствия? – настойчиво повторил брат Висцерус.

– Тяжелые, – выдавил Гематус, с трудом отводя взгляд от окна.

И неловко переступил, почувствовав в ногах странную слабость. Свет в холле больше не был теплым, в нем появилась невнятная угроза. От тяжелых сводов и древних стен неприятно

потянуло холодом. Кажется, запахло тленом…

– Это все? – недовольно уточнил брат-наставник.

– Что «это»? – вздрогнул Гематус.

Висцерус прищурился – до него только сейчас дошло, что юноша сам на себя не похож.

– С вами все в порядке, брат?

– Я… – Молодой эрлиец помолчал, растерянно глядя на наставника, но решил не рассказывать пока о странном видении и качнул головой: – Я с утра не в своей тарелке, брат Висцерус. И не могу понять почему.

– Возможно, дело в небрежной подготовке к занятиям, – строго произнес брат-настоятель. – Вас явно тревожит отсутствие знаний.

– Не уверен, что вы поставили правильный диагноз.

Однако старик и сам понял, что Гематус не просто так не ответил на элементарный вопрос, и перестал мучить молодого врача. Повернулся к остальным и вопросительно поднял брови:

– Кто сможет дополнить ответ?

Желающих не нашлось.

– Тогда отправляемся в хирургию… А вы, брат Гематус… – Старик ткнул в грудь молодого врача указательным пальцем. – Вы отправляйтесь в Дырявый приемник. Может, это вернет вас в вашу тарелку.

Молодые братья захихикали, но быстро стихли под строгим взглядом Висцеруса.

– Помогите дежурным.

– Спасибо.

Просторное помещение, в которое прибывали воспользовавшиеся «Дыркой жизни» обитатели Тайного Города, когда-то имело длинное и торжественное название, связанное с предназначением, с предоставлением неотложной помощи и с уникальной системой энергетической подпитки пострадавших. В названии даже фигурировал экстренный способ транспортировки в операционную, посредством разветвленной сети внутренних порталов, и реклама сопутствующих услуг Обители. Но это был тот редкий случай, когда знаменитое многословие эрлийцев дало трещину, и они сократили название до короткого, емкого и довольно циничного «Дырявый приемник». Но использовали его, разумеется, исключительно сами эрлийцы.

Это было единственное помещение Обители, где витал стойкий запах крови, пота и дезинфицирующих средств, с тонкой примесью благовоний и снадобий, призванных всю эту вонь вытравить. В момент массового открытия порталов и поступления раненых к смеси добавлялись запахи озона, гари, пороха и страха,

а на полу и стенах появлялись кровавые потеки. Дырявый приемник работал круглосуточно, и даже педантичные до занудства эрлийцы не всегда успевали прибраться, за что дежурной смене обязательно доставалось от старших монахов, независимо от того, какая война или чума бушевала за стенами Обители.

А вне кризисов Дырявый приемник отдаленно напоминал приемное отделение обычной человской больницы. В глубине массивных стен дремали артефакты внутренних порталов, мозаичный пол строго разделял секторы, по которым мог передвигаться персонал, и приемные зоны, куда попадали раненые, воспользовавшиеся «Дыркой жизни». С потолка свисали тяжелые кристаллы «поглотителей», поскольку раненые частенько прибывали вооруженными, сжимая в руках не только мечи, но и магические жезлы и прочие боевые артефакты, и в горячке, случалось, продолжали сражаться, так что предосторожность была не лишней. «Поглотители» работали по принципу «обжор», всасывали магическую энергию, накапливали ее, а затем пускали на нужды Обители.

В мирное время дежурство в Дырявом приемнике считалось отдыхом, Гематус отправился на него с радостью, мысленно поблагодарив старого Висцеруса за такую поблажку, но едва войдя в помещение, Гематус вдруг остановился, смертельно побледнел и без чувств рухнул на пол, вызвав шок у сидящих неподалеку коллег.

* * *

Москва, Петровский парк, 17 октября, понедельник, 18:19

– Хочешь сказать, что моя сестра шлюха?! – негромко, но с явной угрозой, поинтересовался де Рю.

И его ладонь легла на рукоять меча.

– Хочу сказать, что твоя сестра – приятное исключение из вашей упертой породы, – хмыкнул в ответ Данияр, десятник дружины Люблино.

И молодой рыцарь попался в расставленную ловушку:

– В чем исключение?

– В постели горяча, – рассмеялся ему в лицо люд. – Вспоминая, что Марта вытворяла, я готов поверить, что вы размножаетесь не только из чувства долга.

– Урод!

– Щенок!

– Ты ответишь!

– Перед тобой?

– Да!

Но клинок пока оставался в ножнах.

Молодой Евгений де Рю пребывал в бешенстве, но знал, что Данияр – опасный противник, и рассчитывал шансы. А вот люд целенаправленно выводил рыцаря из себя:

– На твоем месте я бы гордился такой сестренкой, Женька, – размеренно произнес Данияр, не прикасаясь к своему оружию. – Наша Марта – настоящая красотка, веселая умница и в постели может поспорить даже с феей.

– Не смей говорить «наша»!

– Ах да, ты ведь с ней не спал…

– Заткнись!

– Разве ты не понимаешь, что я восхищен твоей энергичной сестричкой?

Увы, но чуды, чудские женщины, традиционно демонстрировали образцовую стойкость к адюльтеру, вызывавшую у остальных жителей Тайного Города подозрения во фригидности. Соблазнить рыжеволосых «ледышек» считалось невозможным, а судя по тому, как гуляли от своих благоверных господа рыцари, не факт, что игра стоила свеч.

Десятник Данияр решил проверить слухи на собственным опыте, пообещал подгулявшим товарищам вынести чудским женщинам однозначный и непредвзятый вердикт, и более чем преуспел. То ли ему повезло с хорошенькой Мартой де Рю, то ли любвеобильность могучего богатыря сотворила чудо, но о бурном романе сначала зашептались по углам, затем заговорили в голос, а к началу осени уже делали ставки на то, чья кровь прольется первой. Самое главное из заинтересованных лиц – глава семейства де Рю, – традиционно узнал о случившемся последним, после чего устроил старшему сыну крупную головомойку. «Накрученный» Евгений отправился «разбираться с проблемой», застал влюбленных в отеле, где они коротали дождливый вечерок, и затеял ссору. Страсти разгорелись нешуточные, и единодушие мужчины проявили только в одном: ни тот ни другой ухом не повел в ответ на рыдания и увещевания поруганной девы.

– Женя, пожалуйста, не надо! Я люблю его! Данчик, ради меня, не убивай его. Я тебя умоляю! Жека, хочешь я прямо сейчас пойду с тобой домо-ой…

Рыдания дали результат: при женщине решили не драться – «Слишком шумно!» – и мужчины отправились в ближайший парк. Несчастную Марту заперли в номере, и бедняжке ничего не оставалось, как в голос рыдать, прильнув к оконному стеклу.

С обеих сторон незамедлительно прибыли группы поддержки, напряжение стремительно нарастало, голоса становились все более громкими, угрожающими, «секунданты» тоже то и дело хватались за оружие, к счастью, пока – для демонстрации намерений, пока… И никто не обратил внимания на появившийся внутри зоны морока «Крылатый глаз» – простейшее и потому весьма распространенное в Тайном Городе устройство слежения, созданное на стыке магии и технологий. «Глаз» уютно устроился в ветвях ближайшего дерева, транслируя куда-то картинку развивающегося скандала, но еще через несколько минут в Петровский парк мягко вкатился фургон Службы утилизации, и собравшихся людов с чудами окутало еще одно заклинание морока – куда более мощное и абсолютно непроницаемое. Внезапный и резкий поток чужой магии сбил немудреные настройки «Глаза», и он принялся выписывать неровную спираль, поднимаясь выше и выше, а когда оказался над кроной дерева – зашипел, пронзенный стремительной молнией, и рухнул на землю.

Его обязательно должны были увидеть – «Глаз» падал в самую толпу, – но за мгновение до того, как он оказался на земле, голова Данияра слетела с плеч и покатилась прочь. Де Рю машинально среагировал на неожиданное движение, хотя не смог бы потом сказать, кто его совершил, выхватил меч, но сделать с ним ничего не успел: раздался чей-то крик, в ноздри ударил резкий запах персиков, а в следующий миг Евгения атаковал кто-то, то ли невидимый, то ли слишком быстрый.

Оно осознало себя чудовищем – сильным и беспощадным.

Но, вырвавшись на свободу, оно осознало, что за словом «чудовище» ничего нет.

Нет звука, нет радости, нет жизни и боли, нет крика – его создатель не позволял твари кричать. А без голосовых связок оно могло лишь коротко шипеть… Даже дыхания и того не было. Его создатель не предусмотрел ничего, что могло последовать за осознанием себя. Чудовище родилось чудовищем и застыло в этой ипостаси. Оно разинуло пасть и запрокинуло голову. Оно получило единственную возможность, кроме осознания, – тоску, по жизни. И эта тоска нарастала.

Сознание замыкалось и взрывалось.

Тварь не понимала сути страданий. Тварь плохо знала мир. И это темное небо, моросящее осенним дождем по клочкам боевой шкуры. И эти огни. И лучистые тела магов, и темные силуэты людей, наседавшие друг на друга в гигантском муравейнике. Все это было интересным, но каким-то чужим. Чудовище чувствовало

себя в стороне от всего. Не понимало, почему, и за неимением сердца тоска разрывала твари естество, которого тоже не было.

Иррациональная тварь испытывала иррациональные чувства.

Она могла бы, наверное, умереть, но создатель дал ей цель.

– Убей! – приказал он, расколов скорлупу несвободы.

И тварь убила.

Всех тех, кто был непонятной для нее частью незнакомого мира. По сравнению с ней они оказались слабыми и медлительными. Но вкусными. Твари понравились их мясо и кровь, тварь хотела устроить пир, но создатель отозвал ее и вновь запер.

Но теперь, в скорлупе несвободы, ей не было так тоскливо: у твари наконец-то появилось то, что следовало за словом «чудовище», – жизнь, воплощенная в цель.

Тварь дождалась, когда создатель отвлечется, и позволила себе уйти.

Ей было любопытно изучать чужой мир и сладостно исполнять данную создателем цель.

Тварь хотела убивать.

Ей нравилось.

* * *

Москва, Петровский парк, 17 октября, понедельник, 18:36

– «Глаз» сдох! – крикнул Белосвет. Хотел еще просить водителя прибавить, но глянул на спидометр и благоразумно промолчал.

Машина неслась по Ленинградскому проспекту, играя с человскими автомобилями не просто в шашки, а в безбашенные «чапаевки». Сидящий за рулем хван процедил сквозь зубы что-то короткое, емкое и, возможно, обидное, но что именно, Белосвет не расслышал, а переспрашивать не стал. Не сейчас.

Четырехрукий Пиф, выходец из алтайской семьи профессиональных убийц, заявился в «Тиградком» с месяц назад, скромно предложил свои услуги в качестве штатного водителя и – что было совершенно неожиданно – скромно согласился на более чем скромную зарплату. Что именно побудило Пифа так поступить со своей жизнью, не знал никто. А на прямой вопрос хван мрачно обронил: «Давно мечтал» и так посмотрел на начальника отдела кадров, что тот молча подписал необходимые бумаги, после чего сказался больным и неделю не появлялся в офисе.

Расспросы прекратились, но воображение творческого коллектива «Тиградком» разыгралось до неприличия. В одном углу шептались, что на отдыхе Пиф взял покататься истребитель пятого поколения и забыл вернуть. В другом утверждали, что неразговорчивый хван без спроса подписал слишком «горячий» контракт на устранение высшего человского политика и теперь отбывает ссылку за непослушание. В третьем намекали на крупные, но засекреченные неприятности, которые четырехрукий доставил Великому Дому Людь по контракту с Великим Домом Навь, что вызвало неудовольствие у Великого Дома Чудь, но правду, как легко догадаться, не знал никто. Как бы там ни было, с машинами Пиф управлялся великолепно, в случае необходимости, мог поддержать съемочную группу грубой силой, и считался важным членом коллектива. К тому же хван категорически отказался водить стандартный репортерский фургон, презрительно назвав его так, как запрещено повторять по соображениям морали, и предоставил в распоряжение группы личный «Кадиллак Escalade», чем сразу повысил свой рейтинг на тысячу с лишним пунктов.

Постепенно к Пифу привыкли, разговоры утихли, и внутри съемочной группы возникла нормальная рабочая атмосфера, хотя поначалу люд Белосвет – репортер, хвана задирал, а ко́нец Лакриций впадал в его присутствии в ступор.

Лакриций когда-то держал в Тайном Городе фотосалон. Затем, когда человская техника шагнула вперед, салон превратился в кинотеатр, где во время сеансов творились настоящие чудеса, поскольку морок успешно дополнял кинореальность. Лакриций гордился тем, что изобрел 3D раньше челов, однако применить свое открытие не сумел, продал кинотеатр, купил маленькое кафе с пафосным названием «Приют киномана», проскучал в нем несколько лет, после чего свалил дела на управляющего и устроился в «Тиградком» оператором.

И обрел себя. Лакриций не просто снимал хронику, стендапы и проходы – он создавал новости! Работа приводила ко́нца в восторг. Ведь пока его сородичи, воображавшие, что знают толк в развлечениях, изощрялись в чревоугодии и плотских утехах, он творил историю!

От такого кипения его творческой крови у Пифа и Белосвета множились неприятности и случались незапланированные поездки к эрлийцам, поскольку толстенький оператор бесстрашно лез в самую гущу событий.

– Держитесь!

«Кадиллак» резко свернул с Ленинградского проспекта вправо, ускорился, внатяг прошел скользкий поворот, но

выровнялся и с ревом помчался дальше.

– Мы уже приехали?

– Еще нет.

Ко́нец закрыл глаза руками и часто задышал.

– А сейчас?

– Нет! – хором ответили люд и хван.

– Ох…

Машина резко остановилась у обочины, несколько секунд Пиф внимательно разглядывал валяющиеся на поляне тела, после чего угрюмо сообщил:

– Опоздали.

– Вижу, – сухо ответил люд.

– Значит, приехали? – подал голос Лакриций, заметивший, что машина остановилась. – Отлично! Что снимаем, Бел? Ты продумал сюжет? Вы только посмотрите на этот… экспромт…

Ко́нец разглядел трупы и замолчал. Но оторопь не помешала ему опустить стекло и выставить в окно камеру.

Белосвет же выбрался из машины, окинул мрачным взглядом растерзанные тела, обернулся, посмотрел на Пифа и растерянно спросил:

– Что здесь произошло?

– Ты у меня спрашиваешь? – ровно поинтересовался хван, вставая рядом с репортером.

– Я… – Люд понял, что сглупил, и попытался объясниться: – Ты наверняка знаешь о таких вещах больше моего.

В отличие от собратьев Белосвет к военным игрищам относился с холодком, в дружине отслужил ровно столько, сколько требовала древняя традиция, ни часом больше, и полностью сосредоточился на любимой журналистике. Поэтому крови, которая пролилась в Петровском, он не испугался – насмотрелся за жизнь достаточно, но с трудом представлял, что могло вызвать такие потери.

Вечерний сумрак уже накрыл осенний парк, и в неясном свете фонарей разорванные тела рыцарей и дружинников казались залитыми черной навской кровью. Пятеро чудов против шести людов. У могучего балагура-десятника оказалось на одного друга больше, соответственно, потери Великого Дома Людь были чуть выше.

Зубчатая стена Путевого дворца возвышалась над полем боя могильной плитой.

– Надо найти «Глаз», – негромко произнес Пиф.

– Да, – согласился люд, но с места не сдвинулся.

– Все мертвы? – Лакриций наконец-то рискнул покинуть внедорожник и присоединиться к друзьям.

– Ага, – подтвердил хван. И вновь посмотрел на люда: – Как ты узнал, что здесь случится побоище?

– Что? – не понял тот.

– Как ты узнал, что сюда нужно направить «Глаз»? – повторил Пиф. – Мы ведь ехали снимать осеннюю распродажу в супермаркете Торговой Гильдии.

– Все слышали о проделках Марты, – не поворачиваясь к водителю, ответил Белосвет. – И я попросил Ярослава, двоюродного брата Данияра, сообщить мне, если начнется разборка. Надеялся продать сюжет в светскую хронику.

– А продадим в ЧП, – едва слышно пробурчал ко́нец.

– Когда пришла СМС – отправил сюда «Глаз», а Ярослав… – На лице люда на мгновение появилась гримаса боли. – Вон он лежит.

– Что будем делать?

– Надо сообщить, – высказал свое мнение Лакриций.

– Белосвет?

Но люд, судя по всему, продумывал другую версию.

– Белосвет? – повторил хван.

– О происшествии и без нас узнают, – прищурился репортер. – Цена вопроса – несколько минут, давайте используем их профессионально.

– Сделаем репортаж?

– Да. – Белосвет принял решение и стал раздавать приказы: – Пиф, пожалуйста, отыщи «Глаз».

– Хорошо.

– Лаки, дай мне прямой эфир через десять минут, как раз подгадаем к вечерним новостям.

– Сделаю!

Ко́нец вернулся к машине и принялся готовить аппаратуру.

Сам же Белосвет медленно прошел по краю поляны, не рискуя заходить за невидимую «линию смерти», но пересек ее, когда заметил слабое движение, и склонился над молодым чудом.

– Ты как?

Мальчишка приоткрыл залитый кровью глаз и прошептал:

– М-моряна… ч-ч…

– Моряна? Откуда? Зачем?

Но юноша, в котором люд опознал Евгения де Рю, уже потерял сознание.

Белосвет огляделся, мысленно согласился с рыжим: даже на его непрофессиональный взгляд, последствия страшной резни действительно напоминали «работу» оборотня, после чего бесцеремонно ощупал карманы раненого, отыскал «Дырку жизни»

и активировал ее, порталом отправляя де Рю в приемный покой Московской Обители. А сам отскочил, чтобы не провалиться следом.

– Бел, у меня все готово! – доложил Лакриций. – Нас пустят в эфир, как только захотим.

– Ты сделал панораму?

– Из окна машины, а что?

Ко́нец как раз устанавливал треногу, но люду пришла в голову другая идея:

– Хватай камеру и за мной!

– Куда? – Однако опыт есть опыт, и, задавая вопрос, Лакриций уже взваливал аппарат на плечо.

– Марта, скорее всего, еще в отеле, – скороговоркой ответил Белосвет. – Она наверняка что-то видела или слышала, и ее мы загоним в новости сразу после подводки. Включай семейную тайну на полную, Лаки, нам нужны ответы.

– Будут тебе ответы, – пообещал ко́нец.

Дверь в номер оказалась запертой, но люда это не остановило: может, он и недолюбливал «военные игрища», но силушкой, так же, как его сородичей, Спящий Белосвета не обидел. Но только репортер приготовился вышибить препятствие, как Лакриций прошептал:

– Ты слышишь? – и повис на люде, помешав открыть дверь одним ударом.

– Что слышу?

– Не ори.

– Что я должен слышать?

– Женский плач, идиот, – тут же ответил ко́нец. – Окна номера выходят на поляну.

Люд прислушался и нахмурился:

– Ничего не слышу.

– Я тоже.

– Вот и не мешай. – Белосвет вновь изготовился к удару, но вновь остановился, услышав:

– Почему вместе с Источником Спящий не подарил вам мозги?

Понял, что чего-то не понял, и вновь повернулся к другу:

– Да что случилось?

– Если мы не слышим рыданий, значит, тут что-то не так, – объяснил Лакриций. – Это же очевидно.

– И что это означает?

– Это означает, что нет нужды ломать дрова.

Оператор оттер плечистого репортера от двери, поднес к замку перстень с безымянного пальца левой руки и шепнул

короткое заклинание.

– Получилось? – тихо спросил Белосвет.

– Получилось, – подтвердил ко́нец. – Но замок сломан и заблокирован.

– Включи камеру.

– Хорошо.

Ко́нец встал справа от люда и включил запись. Белосвет открыл дверь, сделал пару шагов внутрь, остановился и поморщился: полуодетая Марта лежала поперек пребывающей в беспорядке кровати. Голова повернута под неестественным углом. Глаза широко распахнуты. В глазах – страх. Золотисто-рыжие волосы разметались по простыне.

– Снял?

– Да. – Лакриций вздохнул. – Жаль, что интервью не будет… – помолчал и добавил: – Бедная девочка.

– Бедная, – согласился люд. – Они все бедные.

Двенадцать трупов!

Тайный Город ожидал большой скандал.

Но… Кто убил Марту? В номере, как обратил внимание Белосвет, персиками не пахло, значит, оборотень, о котором рассказал ее несчастный брат, в отель не заходил. Или Евгению привиделось, и никакой моряны в действительности не было?

– Все готово, – сообщил ко́нец. – Я пускаю картинку, а ты озвучивай.

На планшете поползли смонтированные кадры, и люд принялся уверенно вещать:

– Мы ведем репортаж из Петровского парка, где только что произошла кровавая дуэль, больше похожая на массовое убийство. Судя по всему, сражение случилось между чудами и людами, но что стало его причиной, пока неизвестно… – Белосвет комментировал ужасные кадры, оставаясь за камерой, при этом они с Лакрицием вышли из отеля и направились на поляну, на которой как раз появились маги Великих Домов. – Прямо сейчас к месту трагедии прибывают следователи, и первый вопрос я адресую фате Мстиславе…

И только логотип «Тиградком» на микрофоне помешал дознавательнице Зеленого Дома сказать в эфир все, что она на самом деле думает о вездесущих журналистах, трагическом происшествии, его истинной подоплеке и благонравности чудских женщин.

– Скажите, фата, у вас уже есть версии случившегося?

Странный вопрос, если учесть, что Мстислава только прибыла в парк, но белокурая ведьма ответила на него достойно:

– К сожалению, и чуды, и люды, случается, теряют голову во

время ссор, повод для которых дает сама жизнь. – После чего непринужденно улыбнулась, жестом показала Лакрицию прекратить съемку и совсем другим тоном поинтересовалась: – Как вы здесь оказались?

– Я тоже хотел бы это знать, – добавил подошедший Кристиан ле Сейдж, следователь из Ордена. – Никто не сообщал в «Тиградком».

– Мы ехали на репортаж, засекли применение мощного морока и решили посмотреть, что здесь происходит, – сообщил Белосвет. – Обычное дело.

О «Крылатом глазе» он решил пока не распространяться.

– На какой репортаж вы ехали? – спросил ле Сейдж.

– Планировали сделать заказной сюжет о небывалой щедрости шасов в сезон осенних распродаж.

– Что видели?

– Только то, что вы видите сейчас. Кто бы это ни сделал, он убрался до нашего появления. – Белосвет помолчал и добавил: – К счастью.

– Почему вы думаете, что это «кто-то сделал»?

– Потому что в обычной схватке кто-нибудь одержал бы победу.

– Тоже верно…

– Мы можем ехать? У шасов, как вы знаете, кошмарные штрафы за опоздание на съемку.

Мстислава покосилась на Кристиана, тот пожал плечами, показывая, что пока не видит необходимости задерживать съемочную группу, после чего ведьма закончила:

– Можете.

– Но приготовьтесь давать показания, – добавил рыцарь.

– Обязательно.

К рыцарю и дружиннице Дочерей Журавля прибыло подкрепление: специалисты по магическому сканированию, врачи, предсказатели, криминалисты, в общем – профессионалы, способные восстановить полную картину произошедшего. Возможно, у кого-то из них были вопросы к Белосвету и его друзьям, но задать их они не успели – сборы и отъезд не заняли много времени.

– Куда теперь? – спросил Пиф, когда они подъехали к выезду на Ленинградский проспект.

– Давай на Большой Овчинниковский, – решил Белосвет.

– К Барраге?

– К Барраге. Возможно, мастеру удастся снять информацию с поврежденного голема.

– Меня уволят, – проныл с заднего сиденья Лакриций.

– Не волнуйся, – хмыкнул люд. – Нас всех уволят.

* * *

Москва, Гжельский переулок, 17 октября, понедельник, 18:37

Такси покрутилось по нескольким переулкам неподалеку от станции метро «Площадь Ильича», остановилось, и водитель не очень дружелюбно сообщил:

– Приехали.

– Я что-то должна? – поинтересовалась Тина.

– Уйти.

– Спасибо.

– Мне заплатили.

– Я поняла.

– Но ты можешь добавить.

– Не стану.

– Тогда уходи.

Девушка пожала плечами и вышла из машины. Как только дверь захлопнулась, водитель резко дал по газам, и такси умчалось прочь.

«Интересно, так велено или ты боишься тут оставаться?»

На улице быстро темнело и было по-осеннему зябко. И еще – мрачно. Двухэтажные дома, тянущиеся вдоль дороги, почему-то оказались не освещены – ни одно окно не светилось! – справа темнели железные ворота, запертые, похоже, еще перед нашествием французов, и даже уличные фонари не подавали признаков жизни.

«Интересно, кто меня сюда позвал?» – подумала девушка, сжимая в кармане «Дырку жизни», а через секунду услышала:

– Привет, Тина!

Повернулась и всплеснула руками:

– Млада?!

– Привет!

– Привет, дорогая.

Девушки поцеловались.

– К чему такая таинственность?

– Есть важное дело.

– Насколько важное?

– Настолько, что даже Харций не знает, кто написал записку, – ответила люда.

– Ого.

Тина подумала, что за подобной конспирацией должно

таиться нечто действительно неприятное, но подруга поспешила развеять ее сомнения:

– Ты не волнуйся: ничего такого, за что можно потерять голову, я тебе не предложу. Просто не хочу огласки.

Нельзя сказать, что дружба Млады и Тины была обычным для Тайного Города делом. Белокурые ведьмы Зеленого Дома традиционно относились к челам высокомерно, а к полукровкам – с оттенком презрения, ну, если очень повезет, то покровительственно. Но случались и исключения. Во время обучения в школе Солнечного озера Тина считалась кем-то вроде подшефной Млады: люда разъясняла девушке непонятные материи, объясняла те правила Тайного Города, которые по каким-то причинам не вошли в курс обучения, и следила за тем, чтобы полукровку не обижали. Взамен Тина оказалась у Млады кем-то вроде прислуги, но жаловаться не имело смысла, поскольку на точно таких же условиях старшие девушки работали и с совсем молоденькими людами.

Что же касается отношений, то расторопная полукровка Младе понравилась, и за то время, что Тина провела в школе, они с Младой не раз устраивали различные веселые каверзы, а после обучения провернули уже три весьма выгодных комбинации.

В конце концов, при всех противоречиях и национальных различиях никто не поймет ведьму так, как другая ведьма, будь она зеленая, рыжая или еще какая-нибудь.

Однако до сих пор Млада никогда не вела себя столь таинственно, и все комбинации, даже ту, которая была совсем незаконна, подруги обсуждали в уютном кафе. Соответственно, Тина насторожилась, несмотря на успокаивающее заявление подруги, но та сразу перешла к делу:

– У меня есть для тебя очень важное и деликатное поручение: нужно снять порчу с одной человской семьи. Сегодня ночью.

Настолько простое поручение никак не соответствовало таинственности, с которой фея организовала встречу, и Тина насторожилась еще больше:

– Снять порчу?

– Да, – легко подтвердила Млада. – Минут двадцать работы, не больше.

– С кого?

– С челов.

– С простых челов?

– Э-э… – Тут Млада наконец сообразила, в чем дала маху, вздохнула и взяла подругу за локоть: – Прогуляемся.

– Да холодновато для прогулок, – попыталась отговориться Тина.

Она еще не оставила мысль отыскать поблизости кафе и устроиться в нем. Однако люда была непреклонна:

– Холодно, зато безопасно.

– В смысле?

– Никто не подслушает.

– Надо было запустить навский оберег.

– Я запустила. Но нужно, чтобы нас и не заметили.

– Почему?

– Нас не должны видеть вместе.

– Почему? – повторила Тина.

– Ты хочешь уйти с холода?

– Очень!

– Тогда слушай и не перебивай.

И они неспешно пошли по темной улице.

– Некоторое время назад я узнала, что у моей бабушки по материнской линии – травницы Федосеи, когда-то давно простая человская девка увела мужа, – начала Млада. – Не знаю, что там была за красота неописуемая, но дед влюбился по уши, бросил Федосею с малолетней дочерью и ушел жить к челке.

Тина поморщилась – она терпеть не могла это уничижительное определение, и Млада извиняющимся тоном добавила:

– Ну, ты понимаешь, извини, это я из солидарности с бабушкой.

– Я понимаю.

– Вот и здорово.

– Только я не понимаю, почему Федосея не вернула мужа?

– Магией?

– Да.

– А какой смысл от куклы? – удивилась Млада. – Ну, станет он по вечерам домой являться, смотреть влюбленно, трахаться технично, но все это будет ненастоящим, ты же ведьма, разве не понимаешь? Это ваши женщины все время кого-нибудь присушить мечтают, все им кажется, что так лучше, а мы давно через это прошли.

Тина прикусила язык. В Великом Доме Людь магией владели исключительно женщины, и если бы они наперегонки присушивали и отсушивали друг у друга альфа-самцов, то вряд ли сумели бы построить свою цивилизацию.

– В общем, Федосея задумала отомстить, – продолжала Млада, цокая каблучками по асфальту. – Но как? Наслать бессилие? Вылечит. Убить? Как-то неприлично… Да и любила она деда, чего уж там врать, крепко любила.

– Но способ отомстить нашла.

– Федосея прокляла род разлучницы по мужской линии.

– Прокляла детей? – изумилась Тина.

– Ну… Не совсем так, – смутилась Млада. – Первенцев. И… Не совсем прокляла. Это я образно.

– Говори как есть.

С каждой минутой становилось холоднее, и пора было прекращать ходить вокруг да около.

– В общем, дед погиб во время Вторжения. Федосея же, выждав некоторое время, передала разлучнице послание о проклятии, а дальше стала являться к ним в дом, если первенцем становился мальчик, – выпалила Млада, не глядя на подругу.

– Бог ты мой, – прошептала Тина. – Правда?

– Я не знала, – вздохнула люда. – Да и никто не знал.

– И что?

– Федосея приходит, окуривает дом травками и… приносит беду.

Сказать «убивает младенцев» Млада не смогла. Даже при том, что речь шла о человских младенцах.

Жители Тайного Города привыкли и к жесткости, и к жестокости, но детей они старались не трогать. Убийство детей считалось позором, несмываемым пятном, и таких колдунов сторонились.

Тина передернула плечами.

– Ты хочешь остановить Федосею?

– На днях в той семье родилась двойня, – уныло сообщила Млада.

– Мальчики?

– Ага. Пока здоровенькие.

– Почему ты сама ее не остановишь?

– Решила дать тебе возможность заработать, – попыталась соврать люда, но провести подругу не сумела.

– Млада? – Тина вопросительно подняла брови.

Белобрысая печально вздохнула и прищурилась:

– Ты не возьмешься, если я не отвечу?

– Не возьмусь, поскольку хочу понять, что происходит. В твое человеколюбие я не поверю, и во вселенскую справедливость тоже…

– По-твоему, если я – людь, а не чел, то не могу пожалеть чужого младенца?

– Можешь. И я даже верю, что жалеешь, – честно ответила Тина. – Но ты могла решить эту проблему самостоятельно или же вообще закрыть на нее глаза: мало ли, что там бабушка вытворяет. Мама твоя наверняка…

– Маму не трогай! – перебила ее Млада.

– Извини.

Млада строго посмотрела на подругу, давая понять, что челка только что чуть не перешла важную черту, после чего продолжила:

– Маму не трогаем. Не забывай, что ее дед бросил тоже.

– Я поняла…

– Хоть и приходил потом, навещал, но он ее бросил, и мы с тобой не можем судить ни Федосею, ни тем более маму.

– Я попросила прощения.

– Да. – Млада помолчала. – Ты тоже извини за резкость. Но ситуация такая… Мы с тобой никогда это не обсуждали, но… Как думаешь, каков мой официальный магический уровень?

– Думаю, что высокий.

– «Возможно, жрица», – с заслуженной гордостью сообщила Млада. – А знаешь, когда ставят такой уровень? Когда на сто процентов уверены, что потенциал ведьмы позволяет ей стать высшим иерархом, но титулов мало, поэтому ставят «возможно». Мол, возможно, жрица, а возможно – нет. Но все это казуистика.

– То есть ты способна вырасти в великую колдунью?

– И даже стать королевой, – усмехнулась Млада. – Но для этого нужно правильно выстроить карьеру.

– Кажется, я понимаю, к чему ты ведешь.

– Даешь слово молчать о том, что услышишь?

– Безусловно, – кивнула сгорающая от любопытства Тина.

– Тогда слушай. Мне покровительствует жрица Снежана, я, можно так выразиться, в ее клане, – негромко продолжила Млада. – Достигнута договоренность, что я поступлю на службу в «секретный» полк, лет на пять, на очень хорошую должность. Это прекрасное предложение, которое поможет моей карьере. Однако должность, о которой договорилась Снежана, не только хорошая, но и серьезная. У меня будет власть, на мне будет ответственность, а значит…

– Тебя будут проверять.

– В ближайшее время «секретные» начнут изучать меня под микроскопом: родословная, родственники по обеим линиям… И обязательно докопаются до сбрендившей маньячки. Они докопаются, я знаю.

История выглядела более чем правдоподобной, а главное – более чем перспективной. По сути, Тине предлагалось оказать крупную услугу честолюбивой ведьме, твердо нацелившейся на одну из высших должностей Зеленого Дома. Понятно, что будущее вариативно, Младу могут убить, ее клан могут затоптать конкуренты, но в этом и заключается прелесть ставки в молодости: если она сыграет, выигрыш будет сказочным.

– Выходки Федосеи могут испортить мне всю жизнь, – закончила люда.

– Но ведь речь идет о челах, – напомнила Тина. – Разве вашим «секретным» не плевать на это?

– Не считай нас бездушными циниками, это не так. К тому же речь идет не о челах, а о детях. И… – Если бы она не продолжила, Тина бы ей не поверила, но люда сказала то, что ожидалось: – И должность, которую мне подобрали, очень важная, враждебные Снежане жрицы не прочь посадить на нее своих ставленниц, так что любой «минус» в личном деле будет раздут до вселенских масштабов.

– Вот это я понимаю лучше, – пробормотала Тина.

– В общем, я хочу прекратить выходки Федосеи. Сегодня. – Млада резко повернулась к собеседнице. – Берешься?

– Что ты имеешь в виду под словом «прекратить»?

– Что угодно.

– В том числе и смерть Федосеи?

– Надеюсь, у тебя хватит ума не оставить следов.

– Ты серьезно? – изумилась человская ведьма.

– Только не говори, что речь идет о моей бабушке. Она – убийца.

«Интересно, как давно ты об этом знаешь?»

В этом, наверное, и кроется суть дела: Млада боится не того, что «секретные» узнают о кровожадной бабушке. Они выяснят, что внучка с уровнем «возможно, жрица» знала об убийствах и, возможно, принимала в них участие. Вот что они выяснят. Только этим можно объяснить панику Млады.

Спрашивать об этом Тина не стала – не дура. Но поскольку нужно было объяснить задумчивый вид, задала другой, давно заготовленный вопрос:

– Откуда ты знаешь, что очередное убийство случится сегодня?

– Сегодня Протопопову Надежду Федоровну выписали из роддома.

– Федосея приходит по ночам?

– Да.

– Понятно… – Тина потерла лоб. – Еще вопрос: Надежда знает о семейном проклятии?

– Наверняка.

– А значит, она вполне могла обратиться за помощью к человской ведьме – то есть ко мне.

– Отличная мысль! – одобрила Млада. – Это станет твоей легендой.

– Именно.

– Я знала, что могу на тебя рассчитывать.

– Надеюсь, не в последний раз…

Но об этом – о том, что «не в последний раз», – следовало позаботиться.

Разобравшись в мотивах белокурой подруги, Тина поняла, что легко может стать следующей, после рехнувшейся Федосеи, жертвой. Это было бы самым логичным ходом со стороны Млады: чужими руками убрать спятившую бабку, а затем разделаться с исполнительницей. В этом случае она останется такой чистой, словно ее прокипятили с отбеливателем.

– Мой гонорар?

– Обещания дружбы недостаточно? – усмехнулась люда.

– Тогда назовем это подарком.

– А ведь я помню тебя совсем зелененькой… Впрочем, ты и тогда отличалась железной хваткой.

– Спасибо, дорогая.

– Не за что, дорогая.

– Что ты решила мне подарить?

– Артефакт «Иллюзион». Хотела, чтобы подарок получился необычным.

– Не слышала о таком.

– Это очень редкое и дорогое устройство. Он наводит морок высочайшего уровня, детализированный до мельчайших подробностей. Ты будешь довольна.

– Поверю на слово.

– Когда я тебя подводила?

– Никогда.

И это было правдой: до сих пор Млада ни разу – ни разу! – не обманывала подругу. Даже в магической школе, где многие старшие не упускали возможности грубо подшутить над начинающими ведьмами, Млада всегда держалась корректно.

Однако со временем все меняются, и люди, и нелюди.

– Нам придется заключить заклятие обещания, – негромко произнесла Тина. И увидела в глазах подруги веселый блеск: та все поняла правильно.

– Очень разумное предложение, – кивнула Млада, доставая из сумочки маленький бронзовый артефакт. – Возьмешь с меня клятву не причинять тебе зла?

– Да.

Заклятие было относительно простым, но апеллировало к высшим магическим сферам, и потому являлось неснимаемым и ненарушаемым. Клялись обыкновенно жизнью, и не было еще случая, чтобы отступник не погибал. Ни одного случая.

Колдуньи взялись за руки так, что артефакт оказался

зажатым между их ладонями, и Тина произнесла:

– Клянусь не позволить твоей бабушке, Федосее, совершить сегодня запланированное ею убийство детей. Клянусь сделать для этого все, что будет необходимо. – Тина помолчала, сочтя, что сказала достаточно, увидела, что Млада чуть покачала головой, вздохнула и закончила: – И в случае необходимости – убить Федосею.

– Клянусь не считать тебя виновной в смерти Федосеи, если тебе придется ее убить. Клянусь разделить с тобой ответственность, если ты будешь поймана и обвинена в убийстве. Клянусь не преследовать тебя лично и не просить об этом третьих лиц.

Бронзовый артефакт растворился в телах ведьм, и теперь их жизни были связаны обещаниями.

– Ты бы убила меня, не догадайся я предложить тебе заклятие? – тут же спросила Тина.

– Убила бы, – не стала отрицать Млада. – Не люблю дружить с идиотами.

– Но ты знала, что я предложу, раз у тебя в сумочке был артефакт.

– У меня нет привычки доверяться идиотам, дорогая.

– Спасибо, дорогая.

– Ты ведь понимаешь, что теперь мы начнем дружить по-настоящему? – поинтересовалась люда.

– Уверена: ко взаимной выгоде.

– Я еще в школе поняла, что ты всегда будешь рядом.

– Увидимся.

– Не сомневаюсь. Но подвезти тебя не смогу.

– Я помню: нас не должны видеть вместе.

– Именно.

Предусмотрительная Млада приехала на встречу на машине, и, прогуливаясь, ведьмы как раз дошли до нее. Там люда вручила подруге конверт, поцеловала на прощание и уехала.

Тина вызвала такси, которое, к счастью, приехало меньше чем через пять минут, и, сидя в теплой машине, вскрыла конверт.

В нем оказался обещанный артефакт – простенькое колечко, которое Тина надела на палец, листок с адресом Протопоповых и фотография старой колдуньи. Обычное лицо, обычные глаза, обычное выражение…

Если не знать, что эта бабуля последовательно убивает младенцев мужского пола, никогда и не подумаешь.

«Что же с тобой делать, Федосея?»

В данных обстоятельствах убийство было самым простым, понятным, а главное – устраивающим родственников выходом.

Млада не говорила прямо, но Тина прекрасно поняла, что подруга совсем не против смерти старой родственницы. Но что лучше для Тины? Если смотреть хладнокровно – то же самое. Но был один важный нюанс: до сих пор Тина никого не убивала. И не горела желанием начинать подобное.

«Спокойно, спокойно… Я дала слово помешать убийству младенцев. Я постараюсь это сделать. Что же касается Федосеи, то ее наверняка можно вылечить…»

Наверняка.

Но как?

Тина откинулась на мягкую спинку сиденья и невидяще уставилась в окно, за которым проплывала осенняя Москва.

* * *

Торговый центр «Мега»

Москва, 41-й км МКАД, 17 октября, понедельник, 19:02

В царящем вокруг бедламе Стамеска чувствовал себя весьма неуютно.

Отчего-то показалось, что он находится в центре внимания, что в него тычут пластиковыми пальцами разодетые манекены, что только на него таращатся охранники в черной форме и, разумеется, бесчисленные челы. Все челы: и продавцы, и увешанная пакетами толпа. Стамеска, облаченный в черные кожаные штаны, такую же куртку, футболку, «казаки» и красную бандану, понимал, что выглядит здесь чужеродным, но при этом сильно ошибался насчет челов. Те, конечно, изредка бросали в его сторону взгляды, отмечали эксцентричную внешность, но тут же отворачивались и забывали о бойце, поскольку это был далеко не первый и не последний байкер на их пути. Именно за байкера челы принимали Стамеску.

Ну, или за рокера.

А тот отвечал им угрюмым ответным взглядом и с удовольствием принюхивался к идущим из соседнего отдела ароматам. Там продавали косметику и царили такие запахи, которые даже всему клану Гниличей не испортить, сколько бы они ни старались. Из отдела пахло так, как никогда не пахло в Южном Форте, и бойцу не хотелось уходить, несмотря на то что давно пора было закончить разведку и вернуться к скучающим, а потому непредсказуемым сородичам.

Разведка же заключалась в поиске Главного Склада торгового центра, который бравый Стамеска уговорил друзей ограбить для пополнения запаса наличных. В смысле не пополнения, а обретения, поскольку с наличностью у десятки было не то чтобы хорошо, а совсем даже отвратительно. Так же плохо у будущей непобедимой частной армии было с оружием: ничем, кроме кривого ножа и трех кастетов, десятка, съежившаяся до четырех бойцов, похвастать не могла, в противном случае Шапки уже палили бы в потолок и хватали из касс наличность.

«А может, и хорошо, что без оружия остались, – неожиданно подумал Стамеска. – Надо не только силой действовать, но и хитростью, и этим… как его… умом!»

Гордый тем, что почти без запинки подумал столь сложную мысль, боец шумно вдохнул в себя чарующий аромат косметической лавки, вновь огляделся и… И вновь погрустнел.

Мысль мыслью, но указателей «К Главному Складу – туда!» не наблюдалось. И как его отыскать, Стамеска не представлял. Возможно, следовало поймать какого-нибудь чела и пытать его, пока не расскажет, но вокруг полным-полно свидетелей, и даже в туалете постоянно кто-нибудь толкался – боец проверил, так что чела поймать нельзя, а укрыться с ним для пыток – тем более. Поразмыслив еще чуть-чуть, Стамеска с грустью покинул «настоянное» место у косметической лавки и поплелся в гипермаркет электроники, отчего-то убедив себя, что уж там-то он точно выяснит местонахождение Главного Склада.

С трудом пройдя мимо касс – все естество Стамески требовало врезать кулаком ближайшей сотруднице, выхватить пачку купюр покрупнее и бежать, бежать, бежать… – боец просочился к дальним стендам и затравленно огляделся. Вокруг высились холодильники, чуть дальше виднелись стиральные машины, пылесосы и какие-то кухонные приспособления. Бубнили телевизоры. Маняще поблескивали мобильные телефоны. Задумчиво пережевывали время ноутбуки. И даже утюги выглядели здесь таинственно и чуточку высокомерно.

«Но откуда же вы беретесь?! – едва не прокричал несчастный дикарь. – Где ваше логово?»

Он сделал печальный круг по магазину, потрогал пальцем стереосистему, заглянул в посудомоечную машину, обнюхал мультиварку, больше похожую на квантовый двигатель, каким его представляли оформители голливудских фильмов прошлого века, и в конце концов был вознагражден.

– Я нашел! – крикнул поблизости какой-то менеджер, держа в руках коробку со щипцами для волос. – На складе было именно то, что вы хотели!

«На складе!»

Стамеска едва не расцеловал прекрасного чела, но сдержался, чтобы никто не подумал лишнего, и деловито направился к дверям, из которых тот вышел, но дорогу ему преградил дюжий охранник.

– Куда?

– Туда.

Вот и поговорили.

– Касса там. – Охранник указал в конец зала.

– Ага, – кивнул Стамеска, отметив про себя, что на Главном Складе хранится что-то очень ценное, раз ему не позволили в него войти.

Тем не менее он решил повторить попытку.

– Мне…

Отправляясь на разведку, боец придумал нечто очень важное, нечто такое, что должно было заставить челов сразу провести его к вожделенному хранилищу ценностей, но сейчас, нанюхавшись косметики и слегка растерявшись, Стамеска никак не мог припомнить, что именно он должен был сказать или на что сослаться.

Все-таки сложно, очень сложно обходиться без заряженного дробовика.

– Мля… Я должен попасть на склад, потому что…

– Потому что что? – не понял охранник.

– Бабло, – пискнул дикарь.

– Оформить доставку?

– Нет.

– Оплатить?

– Нет.

– Тогда что?

Тупизна челов достала настолько, что Стамеска против воли принялся нащупывать в кармане кастет.

– Бабло, – угрожающе повторил он, понимая, что вот-вот провалит разведку. – Бабло надо…

– Молодой человек интересуется работой! – неожиданно воскликнула дородная дама, которая до сих пор молча вертела блендер, прислушиваясь к бессмысленной беседе. – Ведь так?

– Не думаю, – протянул охранник.

Но в действительности дама не ошиблась.

– Работа! – воскликнул Стамеска и хлопнул себя по лбу. – Я хочу на склад! Работать!

– Анкету возьми на стойке администратора, – бросил охранник.

– Понял.

Но как только боец собрался спросить, где находится стойка, как дородная цепко схватила его за плечо и утащила за холодильник.

– У меня есть для вас отличная работа, просто отличная! Я как раз ищу сотрудников, как здорово, что мы встретились. У вас найдется несколько минут, чтобы выслушать невероятное предложение, которое изменит вашу жизнь?

Стамеска затряс головой и обернулся, в надежде, что охранник его спасет, но дама знала свое дело и не напрасно спрятала жертву в белых скалах: охранник потерял их из виду и ничем не мог помочь.

– Меня зовут Марианна, для своих просто Мэри. А вас?

– Стамеска, – сказал Стамеска. – Мне б на склад.

– Стас! – проникновенно произнесла Марианна. – Когда-то я так же, как вы, искала работу.

– Для чего? – не понял дикарь.

– А ты для чего? – растерялась дородная Мэри.

– Я – для склада.

– Для склада чего?

– Там бабло.

Дородная поняла, что вменяемого ответа она не добьется, и перешла к стандартной программе. Здоровенной левой рукой она облапила щуплого бойца, не позволяя ему вырваться, а правой стала помахивать, сопровождая свою речь жестикуляцией:

– И я когда-то вот так же одиноко ощущала себя в огромном чужом городе. Вокруг ни одного знакомого лица, в кармане ни копейки денег. Ужасно хотелось есть…

– И пить.

– И пить. На предыдущей работе все как-то не складывалось…

– Фюрер озверел… А как нас выгнали – уйбуй постоянно недоволен.

Стамеска рубанул ладонью воздух, но тут же испуганно огляделся: показалось, что Дрезина стоит за спиной и поигрывает ножом.

Марианна не поняла, что дикарь испугался, и продолжила в прежнем ключе:

– Начальник всегда действует в своих интересах. И как бы вы ни старались, дорогой Стас, удочка никогда не окажется в ваших руках. Но есть возможность работать на себя, крепко держать удилище и самому определять размер выуженной рыбки. Именно так я и поступила в свое время. Сделала решительный шаг… Посмотрите на меня!

– Да я смотрю, смотрю… – промямлил дикарь, почти

придавленный к холодильнику массивной и весьма разговорчивой тушей.

– Я предлагаю вам бизнес! – торжественно объявила Марианна.

О бизнесе Стамеска знал немного. Бизнес – это что-то такое, связанное с самогоноварением, стрельбой, поножовщиной и междоусобицей. Еще со словом «бизнес» у него ассоциировались слова «шас» и «налог». И только потом – деньги. С бизнесом надо держать ухо востро. Иначе стрельба будет, а деньги – нет.

– Деньги есть? – деловито спросил он у Марианны, вновь нащупывая кастет.

– У вас их будет сколько пожелаете!

И снова включилась человская торговая магия. Перед обалдевшим Стамеской замелькали цифры и бланки. Словно из рога изобилия, посыпались будущие регалии и бонусы. Стамеска кивал и поддакивал, наивно полагая, что ему удастся сбежать, но пока не получалось. Мэри подтащила дикаря к ближайшей стиральной машине и на ней, как на столе, стали одна за другой появляться и исчезать какие-то баночки, упаковки, брошюры и рекламные проспекты. Марианна жонглировала ими с ловкостью фокусника. Стоило завороженному Стамеске протянуть руку к чему-нибудь блестящему, оно тут же исчезало в сумке собеседницы, а на его месте возникал ядовито-розовый бланк.

– …На ступеньке «Яхонтовый генерал» можно создать свою команду и организовать собственный склад! – закончила Марианна. – Вы же к этому стремитесь, верно, Стас? Вы этого достойны?

– Эта самое… а ты точно чел? – подозрительно спросил Стамеска, чувствуя, что не в силах сопротивляться. Слова «яхонтовый генерал» так прочно засели у него в мозгу, где обычно ничего не держалось, что он забеспокоился, не замешаны ли здесь Великие Дома.

– Нет-нет, пока я – супервайзер. Но как только пройду курс мерчендайзинга и рекрутинга, я стану ап-менеджером компании «Глобал Ретайл чейн».

– М-н-наааа… – сказал Стамеска.

– О-о, я сейчас все объясню и повторю, что непонятно.

– Не надо!

– Тогда вот договор.

На столе опять материализовалась ядовито-розовая бумажка.

– Ух ты! – восхитился Стамеска.

Не забывая о том, что разведчик не должен раскрыть себя, в строчке, где стояла жирная галочка, он старательно вывел: «Стас Тыкфа». После чего деловито спросил:

– Где склад?

– Здесь, на первой странице, указан адрес. Едете туда самостоятельно, покупаете стартовый набор сотрудника, и дальше ваша жизнь в ваших руках. Спасибо, что выбрали компанию «ГРЧ».

Марианна умолкла. Ее бюст выглядел как нечто совершенно нереальное.

– Поздравляю с началом бизнеса мирового уровня! И не путайте нас, пожалуйста, с финансовыми пирамидами. Всегда помните: мы – не продавцы денег из воздуха. Мы обеспечиваем население качественными и необходимыми товарами категории «Велнесс»! Успехов в новом деле, Стас. Надеюсь увидеть вас на ближайшем платном семинаре: «Пути преодоления сложностей первого этапа».

Марианна поймала за руку уборщицу и проникновенно спросила:

– Девушка, неужели вас устраивает ваша работа? У меня есть для вас сногсшибательное предложение!

«Девушке» было хорошо за сорок, и она плохо понимала по-русски. Но противостоять бешеному напору маркетинга не мог никто: ни гастарбайтер, ни житель Тайного Города. Пока слабо отбивавшаяся уборщица отвлекла на себя внимание Марианны, Стамеска ушел через пылесосы.

Маленькая частная армия дожидалась разведчика на подземной парковке, пристроившись в слепом для видеокамер простенке, и мрачно жевала курицу из пластикового ведерка, которое утащил в ресторанном дворике шустрый Тыква. Ну, так он говорил: «Чел-дурак отвернулся, я и схватил!» А так оно было на самом деле, или же Тыква выудил добычу из какого-нибудь стыдного места, никто старался не думать.

Потому что хотелось жрать.

Еще больше хотелось выпить, но от виски дураки-челы не отворачивались, и Четвертый вернулся на парковку ни с чем.

– Ты не Четвертый, – ворчал уплетающий курицу Тыква. – Ты бесполезный.

– Может, так и будем его звать? – предложил Дрезина.

– Может, я не соглашусь? – высказался Четвертый.

– Вискарь не притащил? Не притащил. Значит, согласишься.

– Ты тоже не ходил, – заметил Четвертый.

– Я – уйбуй, – важно напомнил Дрезина, размышляя, не дать ли наглому бойцу в нос кастетом. Но пока решил не давать, потому что руки были перепачканы в курице и кастет мог соскользнуть.

– И что?

– А то. – Дрезина хотел этим ответом и ограничиться, но заметил внимательный взгляд Тыквы, и уточнил: – Я машину выбирал.

– Какую машину? – не понял Четвертый.

– На которой будем отступать.

– Откуда отступать?

– Мля, боец, ты по жизни такой тупой или у тебя от шишки в голове все перепуталось?

– Или от недостатка вискаря, – вздохнул Тыква. – Всем плохо.

– Да, – погрустнел уйбуй. Вздохнул и уточнил: – Сейчас Стамеска притащит наводку на Главный Склад, мы пойдем в него, заберем деньги и уедем на машине, которую я выбрал.

– Ловко придумал, – одобрил Тыква.

– А то!

– Только эта… Ты точно знаешь, что на Главном Складе деньги лежат?

– А что еще? – не понял Дрезина.

– Ну… Холодильники какие-нибудь.

– Или трусы. – Четвертый шмыгнул носом и уточнил: – Кружевные.

– Холодильники в зале стоят, дубина, чтобы тупые челы их покупали, – нравоучительно сообщил уйбуй. – А на Главный Склад торгаши деньги сносят, чтобы потом делить.

У Тыквы вспыхнули глаза:

– А тут мы!

– Точно!

– Чо мы? – подал голос говорливый.

– Мля, может, ты не Четвертый вовсе, а боец Дубина? – предположил Дрезина.

– Дубина Дурич? – уточнил Тыква. – Я о нем слышал. – И перевел взгляд на спутника. – Я сразу подумал, что ты – Дурич. Больше, мля, некому.

– Я точно не Четвертый, но и не дубина, – отрезал бедолага.

– Откуда знаешь? Ты же ни черта не помнишь.

– Заткнись!

– Оба заткнитесь. Давайте Стамеску послушаем. – И Дрезина указал на появившегося бойца. – Ну, что?

Тот радостно похлопал себя по карману и доложил:

– Раздобыл ценой этих… как их… усилий.

– Деньги?! – ахнул Тыква.

– Виски?! – ахнул Четвертый.

– Конкретнее, – потребовал уйбуй, прищуриваясь на разведчика. – Чего добыл?

– Вот. – Боец извлек из кармана скомканный розовый бланк, расправил и протянул начальнику: – Рисковал, мля.

– Что это? – грозно спросил уйбуй, держа бумагу вверх ногами.

– Накладная, – соврал Стамеска, преданно глядя на лидера.

– Адрес склада?

– Вверху страницы. То есть сейчас – внизу.

Дрезина перевернул бланк и внимательно изучил строчку: «Самостоятельная закупка товара на складе со скидкой 25 %». Жизненный опыт подсказывал уйбую, что раз Стамеска вернулся целым и невредимым, где-то скрыт подвох, и бойца неплохо бы отмутузить как следует. Но документ выглядел солидно, а значит, бить вроде не за что.

Стамеска шмыгнул носом.

– Можем под видом покупателей проникнуть на территорию склада.

Уйбуй Дрезина многозначительно почесался, окинул подчиненного пристальным взглядом, точно надеясь разглядеть, не перевербован ли его шпион, и нехотя обронил:

– Пошли. Машину возьмем.

Стамеска раздулся от гордости. Он ужом проскользнул мимо челов, которые регулярно рассовывали Шапок по кутузкам. Он улизнул от торговой ведьмы Марианны, не поддавшись ее чарам. Он провел уйбуя и выиграл время до того, как их четверка попадет на склад. Что будет дальше, Стамеска решил пока не загадывать.

Стезя разведчика и без того оказалась полна превратностей и скользких поворотов.

Глава 3

Московская Обитель, штаб-квартира семьи Эрли

Москва, Царицынский парк, за полвека до описываемых событий

Шаса скандалила. Громко и со вкусом.

Отчасти шасу можно было понять. Она собиралась разродиться первенцем и абсолютно серьезно считала предстоящий процесс главным событием Вселенной. Чудо деторождения ожидалось в ближайшие дни, шаса готовилась к нему почти год, измотала нервы мужу, родителям, консилиуму, наблюдавшему за ходом беременности, а теперь пришла пора страдать персоналу Московской Обители.

Гарита прикатила в Царицыно после обеда и заявила, что не покинет госпиталь до родов, но при этом не станет оплачивать свое пребывание в палате люкс. Нелепый аргумент брата Вынуса, главного акушера Обители, что рожать Гарите предстоит в лучшем случае через неделю, шаса сочла оскорбительным, а в ответ на последовавшее предложение ехать домой принялась рыдать. Теоретически рыдающая женщина могла растопить по-медицински холодные сердца эрлийцев – нужно было лишь добавить к слезам немного наличных, но стоило врачам заикнуться об оплате, прекрасные черные глаза будущей матери пересохли от обиды и гнева, и темные вассалы Темного Двора сошлись в безжалостной схватке за яркое золото.

– Вы видели, что здесь написано? – возмущенно спрашивала Гарита, тыча пальчиком в страховку. – Ведение беременности и родов! Родов! Я звоню мужу.

– Но, досточтимая шаса, роды еще не начались, – мягко возражал акушер.

– Это ничего не значит!

– Значит.

– Я звоню мужу.

– Если вы это сделаете, ему самому придется вынимать из вас первенца.

– Пошляк!

– В контракте указан перечень форс-мажорных обстоятельств, – едко сообщил брат Вынус. – Я лично придумал половину из них и с радостью применяю против вашей семейки

при каждом удобном случае.

– А как же знаменитая солидарность вассалов Темного Двора? – удивилась Гарита.

– Сказать, какой процент ваши соплеменники содрали с меня за простенькую ипотеку?

Шаса насупилась, раскрыла контракт в разделе «Форс-мажор», быстро просмотрела длинный перечень событий, которые эрлийцы сочли достойными разрыва договора, и слегка присмирела.

– Вся врачебная наука говорит о том, что я не останусь беременной, будучи на последнем месяце, – сообщила она приободрившемуся акушеру. – У меня есть страховка, включающая роды. Так предоставьте мне услугу, за которую мой муж заплатил деньги, и я не стану ему звонить!

Некоторые аргументы высокопоставленных шасов, а особенно – их беременных жен, могли поставить в тупик даже самого опытного врача.

– Э-э… – промямлил брат Вынус.

– Исполняйте, – великодушно разрешила Гарита и отвернулась.

Однако проще масану избавиться от щелевидного подсвистывателя, чем пациенту от врача, считающего, что ему недоплатили.

– Видите ли, в чем дело, – продолжил эрлиец. – Беременной вы, конечно, не останетесь, не смею спорить, но без предусмотренных контрактом показаний я могу оформить вас только в платную палату. Отдельный выход в живописный уголок двора включен в стоимость. По статистике, младенцы в платных палатах рождаются спокойными и веселыми, быстро начинают говорить и не умеют водить машину, поскольку с рождения и до смерти их сопровождает личный водитель. Оплата вперед, услуги сиделки включены.

– Нет, вы оставите меня бесплатно!

– Бесплатно я могу вас еще разик осмотреть.

– И разумеется, мне нужна сиделка!

– Не будем забывать, что привычная домашняя обстановка тоже благотворно сказывается на характере ребенка…

– Я не поеду домой! У меня кольнуло здесь! – Шаса соорудила на лице тревожное выражение и указала пальцем на живот. – И вот здесь. Если вы откажете мне в экстренной помощи, которая внесена в страховку отдельным пунктом, вам это с рук не сойдет. Адвокат Банам Турчи – двоюродный племянник моего мужа, а мой муж, чтоб вы знали, – не последний человек в «Шась Принт»! И если вы не прекратите надо мной измываться, он

подделает контракт, и выяснится, что Обитель должна мне крупную сумму, а вы вообще проданы в рабство!

– Сейчас вы договоритесь до того, что я откажусь принимать вашего первенца, – пригрозил Вынус.

– Это еще почему?

– Мне не понравилось замечание насчет рабства!

– Это была шутка!

– Мне не понравилась шутка насчет рабства!

Брат Вынус топнул ногой.

А шаса неожиданно умолкла, прекратила сыпать угрозами, и ее темные очи наполнились слезами. Гарита действительно боялась рожать, но воспитание и семейные традиции не позволяли ей переплачивать. Жадность шасов, слегка разбавленная таинством материнства, столкнулась с жадностью эрлийцев, слегка разбавленной врачебной этикой. Врач и пациентка с пониманием посмотрели друг на друга. Потом Гарита всхлипнула, и Вынус машинально предложил ей платок.

– Спасибо.

– Это бесплатно. – Эрлиец помолчал. – Но только это.

– Я никуда не уеду, – сообщила шаса, вытирая глаза.

– Где, вы говорите, у вас кольнуло? – поинтересовался акушер, понаблюдал, как пациентка пытается указать то ли на грудину, то ли на желудок, и, с облегчением вздохнув, вызвал брата Тинктуруса.

Если уж совсем нельзя избежать ненужных расходов, их всегда можно переложить на другое отделение.

К приходу Тинктуруса подоспел встревоженный муж, и события стали развиваться быстро и в правильном направлении. Муж узнал, что пребывание в терапевтическом отделении, если не брать люкс, обойдется почти вдвое дешевле, перечитал страховку, посмотрел на заплаканную жену, вздохнул и достал почти волшебную кредитную карточку.

Медицина в очередной раз справилась с острым приступом жадности. Не излечила совсем, но купировала.

Муж избавился от денег, эрлийцы избавили его от капризов беременной жены, Гарита оставалась в Обители, главному акушеру больше не грозили штрафами и претензиями со стороны многочисленных юридически подкованных родственников беременной скандалистки, а Тинктурус госпитализировал к себе платежеспособную пациентку, которой не требовалось никакого лечения. Не считать же серьезной терапией травяные настои, которые будут трижды в день подаваться ей под видом желудочных капель.

Что же касается капризов, их брат Тинктурус не боялся:

в юности он мечтал о карьере психолога и поднаторел в общении с самыми неадекватными персонажами Тайного Города. И персонал своего отделения натренировал отлично. В общем, Тинктурус – сама галантность – лично вел по коридору пациентку, вполуха слушал вопросы, сыпавшиеся, словно из рога изобилия, и не забывал вовремя ронять:

– Да-да, конечно, обязательно, только самое лучшее. Очень тепло. Очень свежо. Прекрасная библиотека. Меню лучших ресторанов…

А на пороге отделения остановился, изумленно уставившись на распростертое на полу тело. И глупо спросил:

– Что происходит?

А через секунду понял, что видит брата Гематуса.

Он очнулся один. Во мраке. Странные видения ушли, зато озноб сотрясает тело и боль гуляет по организму, проверяя его на прочность. Мышцы, кости, связки… Каждое движение едва не лишает сознания, каждое движение убивает, а кровь разносит по жилам жидкий огонь. Хотелось выть, но спазмы не позволяли.

Очнувшись, Гематус несколько секунд корчился на кровати, потом попытался завыть, надеясь, что придет помощь, понял, что не может издать ни звука, сполз с кровати, выбрался из палаты, цепляясь скрюченными пальцами за пол и ножки больничной мебели, и распластался в коридоре.

– Что происходит?

В этот момент Гарита сообразила, что ее не слушают, умолкла, проследила за взглядом Тинктуруса, увидела тело и только приготовилась издать душераздирающий вопль, как ткань морока скрыла от нее ужасную картину. Брат Тинктурус передал будущую мать в заботливые руки сбежавшихся подчиненных, и наутро она не могла с уверенностью утверждать, что юноша с бледным, искаженным жуткой гримасой лицом не приснился ей на фоне треволнений, вызванных неподобающим поведением брата Вынуса.

А Гематус страдал.

Тело выгибало дугой, кости ломало, сухожилия перекручивались, мышцы с треском рвались, а кожа покрылась отвратительными струпьями. Внутренности выгорали. Говорить несчастный мог едва-едва, почти бессвязно, зато в полной мере осознавал, что умирает в самом сердце Московской Обители в лучшей клинике Тайного Города, а значит – всей Земли, там, где столько раз видел чудеса исцеления.

Время от времени над Гематусом склонялись изумленные корифеи, но юноша не тешил себя иллюзиями. Он уже понял, что

помочь ему способен лишь тот, кто спит сейчас где-то между мирами.

– Прос-нись, – шептал Гематус непослушными губами. – Пож-жалуйста, прос-нись…

И вновь впадал в недолгое забытье.

В тело, разрывавшееся от бесчисленных кист, стремительно наполняющихся жидкостью, вгрызались иглы и безжалостно высасывали наружу естество, заставляя пустые оболочки рубцеваться, стягиваться, усыхать и скрючиваться вместе с подпаянными тканями. Мощнейшие заклятия прокатывались жаркими волнами. Он плавал в ванной из магических отваров…

Но продолжал умирать.

И Московская Обитель впала в мрачное оцепенение.

В истории эрлийцев случалось всякое, но такого, чтобы братья не могли помочь одному из своих, еще не было.

В Восточной башне ежедневно собирался консилиум из ведущих докторов Обители, однако научные споры и жаркие дискуссии не приносили результата. Единодушны братья были только в одном – дело нельзя предавать огласке. Сначала такое решение было принято потому, что никто не мог исключить инфекционный характер заболевания Гематуса, а затем светлые умы решили, что их профессиональное поражение плохо отразится на их профессиональной репутации, и взяли друг с друга слово молчать.

К тому же всех, кто мог бы помочь несчастному пациенту, Тинктурус ввел в курс дела в первую же ночь, а праздное любопытство с заглядыванием к пациентам в палату у эрлийцев не приветствовалось. Вот и получилось, что о происшествии знал лишь ограниченный круг лиц.

Изредка Гематуса навещали старые друзья, но состояние несчастного не улучшалось, он не приходил в себя, мучился, пребывая между жизнью и смертью, и постепенно коллеги стали заглядывать все реже. А брат Висцерус, который выделял Гематуса среди молодых врачей, и вовсе переселился в библиотеку, стал молчалив, рассеян и напоминал свою молчаливую тень. Почетная должность наставника, которой он так гордился, больше его не интересовала, и младое племя эрлийцев вздохнуло с облегчением.

Так продолжалось несколько месяцев.

И вот однажды брат Висцерус явился в кабинет отца настоятеля, выложил на стол толстую папку с собранными материалами, раскрыл, перебрал бумаги, словно выкладывая их на продажу, посмотрел на несколько удивленного Динамуса и сообщил:

– Генетическая память.

Настоятель важно кивнул, продемонстрировав, что ему это словосочетание относительно знакомо, но поднял брови, указывая, что сообщение должно быть полным.

– Не знаю, могли бы мы помочь несчастному Гематусу, даже если бы поняли это полгода назад, – продолжил старик. – Не знаю, поможет ли сейчас знание первопричины? Не знаю… Все зашло слишком далеко.

Сообщение стало полнее, но не яснее, поэтому Динамус кивнул:

– Садись, брат Висцерус, – и подпер голову рукой. – Расскажи о своей гипотезе.

– Земля не наш дом, отец Динамус.

– Я где-то об этом читал. – Настоятель позволил себе вежливую полуулыбку.

– И в этом кроется секрет бедственного состояния брата Гематуса, – со вздохом продолжил Висцерус. – Семья Эрли, так же, как все остальные разумные расы, зародилась не на Земле. Здесь мы гости. Мы оставили свои изначальные миры, а вместе с ними – самобытность, знания и… нечто большее. Нечто, заложенное в нас при создании.

– Какое отношение это имеет к генетической памяти? – мягко поинтересовался настоятель.

– Пожалуйста, дослушайте, – попросил старик. – Как вы помните, оказавшись на Земле, семья столкнулась с небывало высокой детской смертностью. Сначала предки решили, что так подействовало долгое путешествие по Большой дороге, но время шло, а дети продолжали умирать. Мы вырождались…

– То было страшное время, – угрюмо подтвердил Динамус.

– Но умирали не все, – продолжил Висцерус. – Челы, как вы знаете, обожают твердить про естественный отбор. Это наивная теория, но она достаточно наглядна. Наши дети умирали, а оставшиеся принимали Землю как свой мир. Теряли нечто, заложенное в нас при создании, но обретали другое. Не лучшее и не худшее – другое, позволяющее нам жить здесь, как дома. И я считаю, что Гематус – редкий пример опоздавшего естественного отбора. Кто-то из его далеких предков прошел сквозь ад бегства в материнской утробе, родился с врожденными уродствами, но выжил и оставил на Земле потомство. Дефектные гены дремали тысячи лет, рецессивный признак подавлялся от поколения к поколению, а сейчас вдруг проявился. Я не знаю, что стало причиной его активации, но это неважно. Важно то, что Гематус заново переходит на Землю из нашего мира, трансформируется, и на его примере мы наблюдаем процесс в миниатюре.

– Нашим предкам пришлось нелегко, – пробормотал Динамус.

– Совершенно согласен.

Настоятель помолчал, обдумывая услышанное, после чего покачал головой:

– Генетикой и естественным отбором увлекаются челы, это правда. Для них теория актуальна, если учесть короткие сроки жизни и хрупкость тел. Благодаря несовершенству челы обрели уникальную возможность проследить наследование признаков. Они заметили кое-какие закономерности и, естественно, бросились их изучать. Но не следует подходить с той же меркой к жителям Тайного Города, брат Висцерус. Согласно человской теории, мы, существуя в замкнутом социуме, давным-давно должны были выродиться, но основной фактор нашего выживания – магия…

– Вот именно – магия! – горячо подхватил старик. – На ней зиждется феномен брата Гематуса! Генетические изменения челов статичны на протяжении жизни отдельно взятой особи. А мы, под влиянием магии, получили, если так можно выразиться, динамический манифест заболевания, протекающий столь же бурно, как приступ выползня у ко́нца.

– Что могло спровоцировать кризис? – быстро спросил Динамус, сообразив, что страшный ген может оказаться и в нем.

– Да что угодно, – не стал скромничать Висцерус. – Переутомление. Переохлаждение. Волнение. Колебания энергии…

– Или сочетание факторов.

– Скорее всего. Я должен был обратить внимание, Динамус! Я единственный, кто видел преддверие приступа, его зловещую ауру.

– Не вини себя, брат Висцерус, – вздохнул настоятель и бросил быстрый взгляд в зеркало. – О каких признаках ты говоришь?

– Утром того дня Гематус невпопад ответил на простейший вопрос, я еще подумал, что ему стоит отдохнуть, и с той самой минуты не должен был упускать его из виду.

– Невпопад… – Динамус с трудом удержался от просьбы задать ему какой-нибудь вопрос. – Что ты предлагаешь, брат Висцерус?

– Соберите консилиум, отец Динамус, давайте обсудим эту теорию, и если «транзиторный феномен», как я его условно назвал, будет принят за основную гипотезу, нам останется лишь придумать, как с ним бороться.

– Ты хорошо потрудился, брат Висцерус.

– Вот список литературы. Здесь – ссылки на наши архивы, которые я использовал в работе. Если у того, кто будет тебе возражать на консилиуме, есть полгода свободного времени, он может перепроверить мои выводы.

Брат Висцерус извлек из вороха исписанных, заляпанных и разрезанных листов две машинописные распечатки в аккуратных картонных папках, вручил отцу настоятелю и шаркающей походкой вышел в коридор, на ходу одергивая давно не стиранную рясу.

* * *

«Баррага и К. Лаборатория функциональных скульптур»

Москва, Большой Овчинниковский переулок, 17 октября, понедельник, 20:00

– У меня конец рабочего дня, – желчно сообщил нав, едва увидев вошедших репортеров. – И я не намерен продлевать его ради вас ни на секунду!

– Почему?

– Потому что ленивый.

– Э-э… – Белосвет привык, что его подопечные попадают в нехитрые ловушки, и потому растерялся, услышав четкое, резкое и недвусмысленное заявление Барраги. – Как насчет небольшого интервью для «Тиградком»?

– Да никак.

Склочный нав попытался захлопнуть дверь, но люд, продолжая широко улыбаться, подставил ногу, вынудив хозяина общаться через широкую щель.

– А если подумать?

– Уходи и думай.

– О чем?

– О том, как легко у тебя получается наживать себе врагов.

– Я об этом часто думаю.

– Поздравляю.

– Но ведь на самом деле я милый. Просто непосредственный.

– Ах, вот в чем дело!

– Именно.

– Тогда входи.

Мастер големов неожиданно сделал шаг назад и распахнул дверь, приглашая настырного люда войти и… И испытать на себе

весь комплекс охранных систем лаборатории. Но на такие уловки Белосвет перестал попадаться давно, после того, как перетянутый магический «батут» едва не отправил его на орбиту. Тогда молодой репортер на пару дней стал героем шуток, а выражение «отправить в космос с помощью батута» вошло в лексикон и даже проникло к челам.

– Чего стоишь?

– Мы теряем время.

– Тогда убирайся, – велел нав, поняв, что его ловушка не сработала.

– Мастер, пожалуйста…

– Хватит доставать! Когда я давал свое первое интервью, вашей съемочной группы и вашего телевидения еще на свете не было… Готов спорить, тебя тоже, ко́нец!

Лакриций, выглянувший было из-за плеча люда, вновь спрятался.

– Если мне вдруг понадобится реклама, я позвоню Кариму Томбе лично.

– Тогда позвольте говорить честно? – вздохнул Белосвет, убирая микрофон.

– С этого и надо было начинать.

– Нам нужна ваша помощь.

– В чем?

– Возникли проблемы с вашим големом.

Баррага был самым старым и самым уважаемым мастером големов Тайного Города, намеревался оставаться таковым еще неопределенное количество лет, а потому нервно реагировал на любые замечания в профессиональной несостоятельности.

И первая его реакция на подобные обвинения всегда была одинаковой:

– Врешь! Мои големы совершенны.

– Но с одним из них возникли проблемы, – продолжил Белосвет, сообразив, что нащупал слабое место нава.

– Ты его купил?

– Э-э… Ну да.

– Значит, возникла проблема с твоим големом? – уточнил Баррага.

– Верно.

– Тебе нужно обратиться в сервисную службу.

– Вот я и приехал!

– И где ты увидел табличку «Круглосуточно»?

– Мастер, это очень важно. – Люд соорудил на лице уныло-тревожно-печальное выражение, а ко́нец поддержал из-за спины. – Вы слышали о побоище в Петровском парке?

– О нем весь Город слышал.

– Мы можем узнать, кто его устроил, но для этого нужно выудить информацию из этого «Глаза», – сказал Белосвет, доставая изуродованное устройство. – Помогите, мастер. Там погибли мои братья, и я прошу вас не как репортер и не ради очередной сенсации. Я хочу отыскать преступника. В первую очередь – это.

Несколько секунд старый нав смотрел на закопченный, растрескавшийся «Глаз», опутанный горелой проволокой, в которую превратились легкие стрекозиные крылья, после чего осведомился:

– Ты это назвал проблемами с моим големом? Удар «Эльфийской стрелой»?

– Ну… – смутился люд. – Нужно было привлечь ваше внимание.

– Ты горазд врать.

– Я журналист.

– Надо меньше общаться с шасами, – наставительно произнес нав. – Они тебя дурному научат.

И, не дожидаясь ответа, беззвучно прошептал формулу снятия защиты, повернулся к гостям спиной и направился вглубь лаборатории.

– Входите, безопасно. Только резких движений не делайте.

Миновав застывшего справа от двери «Лунатика» – сообразив, какой беды избежал на этот раз, Белосвет поежился, – репортеры дошли до зала, увидели заинтересованно облизнувшуюся «Ищейку» и поняли, что резких движений действительно лучшее не делать.

– Камера выключена? – не оборачиваясь, поинтересовался нав.

– Конечно, – кивнул Лакриций.

– Очень хорошо. – Баррага помолчал. – Располагайтесь.

После чего склонился над «Глазом».

Где именно располагаться, было понятно: у журнального столика стояли два кресла и небольшой диван, но осмотрительные репортеры для начала дружно посмотрели на смирно лежащую «Ищейку», та ответила им не очень долгим и не очень дружелюбным взглядом, после чего коротко кивнула, подтвердив слова хозяина.

Друзья расселись. Самый маленький из них – Лакриций, оказался на диване, положил камеру справа от себя, извлек из кармана салфетку и принялся протирать многочисленные перстни – как все ко́нцы, он не выходил из дому без украшений. Пиф сложил все четыре руки и замер, словно заснул, глядя прямо

перед собой. Моргал он редко и очень быстро, поэтому казалось, что его глаза постоянно открыты, и это обстоятельство нервировало тех, кто плохо знал хванов.

Что же касается Белосвета, то он задумался над тем, куда способны привести обида и амбиции.

Все началось с сущей ерунды: люду не позволили осветить королевский прием в родном Зеленом Доме. Зловредный Мавред Турчи, главный менеджер светского отдела «Тиградком», только посмеялся над просьбой Белосвета и отправил во дворец знаменитого Убация, нахально объяснив, что, мол: «Когда во дворце начнут кого-нибудь убивать, тогда и настанет твой час. А пока не мешай работать профессионалам». Дальше в дело вступили амбиции: люд возмутился и наговорил носатому светскому менеджеру немного лишнего, и тот, в отместку, отправил Белосвета на репортаж из Южного Форта, и вот эту пощечину люд не забыл до сих пор.

Белосвет решил при случае утереть нос Мавреду, а потому, прослышав об истории Марты де Рю и планируемой дуэли, не передал информацию светским хроникерам, а занялся ею сам. Однако скандал оказался совсем не того рода, на который рассчитывал люд, и вместо хорошенькой полуголой чуды и зрелищной дуэли получились свежие трупы и таинственный убийца.

Задумавшись, Белосвет совершенно «выпал» из реальности и очнулся, лишь почувствовав прикосновение к плечу. Вздрогнул, посмотрел на ко́нца – тот кивком указал на нава, поблагодарил, поднялся и подошел к мастеру големов. По всей видимости, Баррага позвал только его, потому что и хван, и Лакриций остались на своих местах, и их дисциплинированность очень понравилась зубастой «Ищейке».

– Управление осуществлялось с планшета, – произнес мастер с таким выражением лица, словно вынужденно объяснял взрослому собеседнику порядок букв в алфавите.

– Ах да! – Белосвет выложил устройство на стол.

Маги Тайного Города могли управлять «Глазом» и без техники, но давно перестали тратить время и собственные ресурсы на подобную ерунду, полностью переключившись на волшебно-технологические устройства. А Белосвет и вовсе был вынужден их использовать, поскольку магом не являлся.

– Старая программа, – проворчал нав, запустив на планшете нужное приложение. – Трудно было обновить?

– Времени мало.

– Много работы?

– Типа того.

– Разносишь сплетни?

– Обеспечиваю Тайный Город достоверной информацией.

– Угу.

Баррага точными, но скупыми, то есть продуманными, движениями освободил «Глаз» от паутины пережженных крыльев, накрыл закопченный шар ладонью, закрыл глаза, сосредотачиваясь на магическом сканировании, цокнул языком, давая понять, что все обстоит хуже, чем он надеялся, после чего щелчком пальцев приглушил верхний свет и негромко произнес:

– Смотрите.

Лакриций и Пиф подались вперед, но с мест не встали.

«Глаз» заискрился, отбрасывая на стены и потолок сетчатую тень, затем вокруг него сформировалась дрожащая сфера, похожая на тонкую пленку мыльного пузыря, а на ее поверхности появилось выгнутое изображение. Петровский парк, улыбающиеся и совершенно счастливые лица Марты и Данияра, отель, коридор, двери номера, двери закрываются… А затем – рябь.

– Это все? – тут же спросил Лакриций.

– «Глаз» не смог влететь в номер.

– Почему?

– Там стояла защита от проникновения.

– Проклятье!

– Правду говорят, что мозги ко́нцов тоже ушли в семейную тайну.

– Что ты… – «Ищейка» подняла голову, Лакриций понял, что вежливость является в лаборатории фетишем, и сбавил обороты: – Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, что вложил в «Глаз» отличную программу автономного слежения, и сейчас он ищет способ продолжить работу.

И через секунду на сфере вновь появилось изображение. Маленький шпион не сдался, вылетел на улицу, обогнул здание, нашел нужное окно и принялся искать щелочку в плотно задернутых шторах. К сожалению, безуспешно.

– Похоже, мы напрасно приехали.

– Давай досмотрим кино.

– Да, запись идет еще некоторое время.

Программа в големе действительно оказалась качественной. Потерпев неудачу с окном, он вернулся к двери, некоторое время дежурил у номера в «спящем» режиме, и включился при появлении Евгения де Рю. Сам скандал «Глаз» не зафиксировал – чуд влетел внутрь, куда голему хода не было, – зато потом крылатый шпион последовал за буянами, сумел оказаться внутри зоны действия морока, зафиксировал первый этап разборки, а

потом…

Потом сгорел.

– И вот на этом – все, – сообщил Баррага.

– Мы видим.

– Рад за вас.

Белосвет проверил планшет, убедился, что мастер сумел передать на него запись, и улыбнулся:

– Пожалуйста, не выбрасывайте пока «Глаз»…

– Я?! – Нав рассмеялся, сгреб остатки голема в пакет и небрежно бросил люду. – Все это – твоя собственность. Забирай и делай с ней что хочешь.

– Э-э… Да, конечно.

– Что-то еще?

– Маленькая услуга.

– Какая?

– Вы можете сохранить наш визит в тайне?

– Я не болтлив, – ответил Баррага. – Но если ко мне явятся дознаватели Великих Домов, я не стану тебя прикрывать.

– Это справедливо.

– Рад, что ты понимаешь. Счет я пришлю через десять минут.

– Счет за что?

– За ремонт.

– Вы же ничего не починили, – удивился люд.

– Но дал вам массу информации.

Это заявление мастера големов оспорить было невозможно – он действительно сделал все, что от него потребовалось.

– Это верно, – признал Белосвет. – Спасибо, мастер Баррага.

– В следующий раз звони перед тем, как явиться.

– Обязательно.

– Всего хорошего.

А чтобы незваные гости действительно ушли, до дверей их проводила улыбчивая «Ищейка». Ну, то есть это ей казалось, что она улыбается, а покидающие лабораторию друзья наблюдали оскаленную пасть с настолько серьезными клыками, что даже хван смотрел на них с уважением.

Покинув пристанище гостеприимного Барраги, репортеры остановились у «Кадиллака» и принялись обсуждать текущие дела.

– Что скажете? – Белосвет оглядел друзей.

– Надо сдаваться, – завел любимую песню ко́нец. – Мы много узнали и станем героями. Но ссориться с Великими Домами я не хочу.

– Никто не хочет, – не стал врать люд.

– Кому предлагаешь сдаваться? – полюбопытствовал Пиф.

– Давайте вернемся в Петровский парк, там наверняка продолжается расследование, отдадим запись, расскажем все как есть и поедем по своим делам, – прикинул план действий оператор. – Это самое умное, что мы можем сделать.

– Почему?

– Потому что там десять с лишним трупов, и я не хочу быть двадцатым.

– Тринадцатым.

– Тем более, – взвился Лакриций. – Я суеверен.

– Я тоже не хочу умирать… – мягко продолжил Пиф. – Но…

– Не заметно, – перебил хвана ко́нец.

– Это потому что ты не оглядываешься по сторонам.

– Я полностью погружен в свой богатый внутренний мир, – сообщил оператор. – Возможно, я с ним прощаюсь.

– Не говори глупости.

– Я еще раз предлагаю сдаться!

– А я хочу продолжить расследование, – заявил Пиф.

– Почему? – тут же спросил Белосвет.

– Мне интересно.

– Самоубийца, – не сдержался Лакриций.

– Будь мужчиной, – посоветовал хван.

И услышал в ответ ожидаемое:

– Ни одна женщина еще не пожаловалась!

– Я имел в виду – в бою.

– В бою ничего особо мужского нет, я видел, как в бой ходили и женщины, и големы, и даже собаки.

– Я то же самое видел в фильмах для взрослых, – рассмеялся четырехрукий.

– Пошляк.

– Ты первый начал.

Люд понял, что друзья могут спорить до бесконечности, и решил помочь им остановиться:

– Давайте перестанем резвиться и проголосуем.

– Я против расследования, – твердо заявил ко́нец. – И нас большинство.

– Кого «вас»? – не понял Белосвет.

– Тех, кто против!

– Я за расследование, – вставил свое слово хван. – Но все и так это поняли.

И они с Лакрицием вопросительно уставились на люда.

– А я… – Белосвет оглядел друзей. – Давайте попробуем?

– Купи мне «панцирь», – заявил оператор, сообразив, что остался в меньшинстве.

– Обязательно.

– Считай себя под моей защитой, – хмыкнул хван.

– Так я вообще спать перестану, – буркнул в ответ ко́нец. И вздохнул: – С чего начнем?

– Э-э…

– А главное: для чего мы это начнем?

– Врать не буду: профессиональное тоже присутствует, – честно признался Белосвет. – Я не против того, чтобы раскрыть дело и прославиться как репортер.

– Надоело быть на вторых ролях?

– И еще хочу утереть кое-кому нос.

– А я буду снимать, как ты это делаешь, – поддержал друга Лакриций. – До тех пор, пока мне не оторвут голову.

– Не оторвут, – пообещал Пиф.

– Откуда ты знаешь?

– Тебя начнут рвать с другой части тела.

– Завидно?

– Люблю точность. – Хван приятно улыбнулся оператору и перевел взгляд на люда: – Теперь серьезно: почему девчонка не ушла из номера? Что ее заставило остаться?

– А что ей было делать? – не понял Белосвет.

– Могла хотя бы позвонить.

– Кому? Отцу? Так он ведь и натравил на них Евгения… – Люд покачал головой: – Нет, она вела себя логично.

– Марта должна была отправиться к месту боя, – не согласился четырехрукий. – Во всяком случае, наша женщина поступила бы именно так.

– Ваша женщина еще и расшвыряла бы драчунов, – проворчал ко́нец.

– Ну, не расшвыряла бы, а велела расходиться, но в целом ты прав.

– Да уж, с вашими лучше не связываться.

– Ты пробовал?

– До сих пор вздрагиваю.

Хван приятно улыбнулся.

– Допустим, Марту заперли, – прищурился Белосвет. – Но что нам это дает?

– Пока это просто непонятный момент, – ответил хван. – Но ее поведение нужно держать в уме.

– Согласен.

– Что-нибудь еще?

– Сейчас… Когда мы смотрели запись, мне показалось… Сейчас. – Пиф взялся за планшет и вновь запустил файл. – В самом конце, когда началось мельтешение…

За несколько секунд до окончания записи «Глаз» словно

почувствовал угрозу и завертел камерой, пытаясь понять, откуда она исходит. Затем его накрыло, и голем полетел вниз, продолжая снимать до тех пор, пока не сгорел. В поле его зрения несколько раз попал парк, автомобильные дорожки, кусты, здание отеля, и все – в дрожащей пелене.

– Вот здесь!

Пиф поставил запись на паузу, и друзья уставились на полуразмытое изображение белого фургона. Он подъезжал к поляне, и голем снял его с очень удачного ракурса: надпись на борту хорошо читалась.

– «PRODAM.RU». – Белосвет ухватил себя за подбородок. – Это наши.

– Служба утилизации, – подтвердил ко́нец. – И что?

– Как же они узнали? – коротко спросил Пиф.

– А как рыцари и дружинники Данияра узнали, что нужна их помощь? – подал голос Белосвет. – Службу вызвали дуэлянты. Наверное.

– Фургон Службы утилизации подъехал со стороны Ленинградского проспекта как раз тогда, когда вы разбирались с Мстиславой и Кристианом, – произнес Пиф. – А этот фургон появился со стороны Верхней Масловки.

– К чему ты ведешь?

– Это не тот фургон, который сейчас работает в парке.

– Интересно.

– Убийца работает в Службе утилизации? – поднял брови Белосвет.

– Или убийца пользуется фургоном Службы. Сделал липовый.

– Ты сам в это веришь?

– Нет. Но у нас появилась зацепка.

– Учитывая, как этот тип расправился с десятком бойцов, у нас не зацепка, а указатель на неприятности, – проныл ко́нец, которому вновь захотелось проинформировать обо всем Великие Дома и навсегда позабыть эту страшную историю.

– Едем в Службу утилизации? – У хвана загорелись глаза.

– Для начала давайте сделаем репортаж, на который нас посылали, – ответил Белосвет. – Снимем сюжет о ярмарке в супермаркете Гильдии, а заодно приведем мысли в порядок. Может, что и придумаем.

– Договорились.

* * *

Москва, Волгоградский проспект, 17 октября, понедельник,

– Машина какая-то левая, – осторожно произнес Тыква, не сводя глаз с уйбуя.

Боец пытался изобразить выражение почтения и почитания, но в действительности опасался, что Дрезина вспылит и врежет ему снова. Кастетом. А кастетом было больно и не очень полезно для головы.

Но на этот раз обошлось, по голове не прилетело, и уйбуй ограничился коротким:

– Нормальная машина… Только кабина маловата.

И поморщился.

Замечание было оправданным, поскольку никому из дикарей не хотелось ехать в кузове, едва прикрытом дырявым брезентовым пологом, и они набились внутрь. Сжались, как сумели, и старались дышать по очереди, чтобы хлипкая дверь случайно не открылась.

– И не налево машина едет, а направо, – влез в разговор Стамеска.

– Да, направо ведет, – не стал спорить вожак, которому приходилось то и дело выравнивать курс. – Приноровиться надо.

– А вообще она очень хорошая, – продолжил лебезить Стамеска. – Лучшая!

Тыква вздохнул и покосился на Четвертого. Четвертый, которому по голове прилетало чаще других, демонстративно отвернулся и уставился в окно, словно никогда в жизни не видел ночных московских улиц.

Вот и поговорили.

«Газель», которую украл для десятки Дрезина, оказалась настолько древней рухлядью, что даже «Черный квадрат» выглядел на ее фоне относительно молодым произведением искусства. В гараже ее оставили за ненадобностью, и именно поэтому «Газель» приглянулась бравому уйбую – он понял, что ее не будут искать. Машина еле завелась и пыхтела так, словно где-то внутри у нее пеклась пицца, но при этом ехала. Тряслась, пыхтела, воняла, но ехала.

– Ничего, вот финансирование получим, новую машину купим, – мечтательно произнес Четвертый. – Может, даже танк.

– Зачем нам танк? – удивился Дрезина.

– Денежную башню снесем.

– Зачем?

– Там, наверное, денег много.

Неожиданная, но такая очевидная мысль, поразила дикарей в самое сердце. Шапки задумались, после чего Тыква осторожно

предположил:

– Может, и снесем.

И вновь задумался, представляя себя купающимся в крупных купюрах.

– Да, танк – это сила, – протянул Дрезина, представляя примерно то же, что и Тыква.

– На складе бабла в натуре возьмем много, – произнес Стамеска, обидевшись на то, что все задумались о штаб-квартире шасов. – Как в Денежной башне.

– Как мы его возьмем без оружия? – неожиданно спросил Четвертый.

– Что?

– Как без оружия возьмем? Кто даст?

Это действительно была проблема: оружия у изгоев не было и до сих пор не появилось. Но самое плохое заключалось в том, что они понятия не имели, где его взять.

– Склад и так подрежем, – с уверенностью, которой на самом деле не было, произнес уйбуй. – А после склада деньги заведутся – на них и купим оружие.

И почесал под банданой.

* * *

Супермаркет Торговой Гильдии

Москва, улица Большая Лубянка, 17 октября, понедельник, 23:12

Объявив распродажу, шасы распространили ее не только на товары Тайного Города, но вообще – на все товары. И потому в торговом зале самого большого супермаркета Гильдии царила суета, несмотря на довольно позднее время. Покупатели метались от полок с бытовой химией к колбасам, от них – к апельсинам, бутылкам, сметане, кашам быстрого приготовления и одноразовой посуде. Пестрели перечеркнутые ценники. К кассам выстраивались длинные очереди. Сотрудники не успевали подносить к полкам товар, а живые карпы неспокойно кружили по аквариуму, не понимая, с чего вдруг эти странные существа принялись вести себя так импульсивно.

Карпов вытаскивали из воды и бросали на весы.

Этого они тоже не понимали.

– До чего интересно! – Лакриций не удержался – остановился

и снял общий план.

Белосвет обернулся на щелчок фотоаппарата.

– Зачем тебе эти кадры? Здесь только челы.

– Ты посмотри, какое шоу! – улыбнулся ко́нец и прицелился объективом в девчонку в мини-юбке, снимавшую с верхней полки белоснежный кремовый торт.

Тр-р-щелк!

– Какое шоу?

Лакриций взглянул в жидкокристаллический дисплей фотоаппарата, удовлетворенно хмыкнул и поднял глаза на люда.

– Ты не понимаешь?

– Нет.

– Тогда не важно! Лучше помоги придумать название.

– Для этой фотографии? – уточнил Белосвет.

– Для серии, – отозвался Лакриций. – «Праздник потребления»? Гм… По́шло. Может, «День удачи»?

– Мы ведь говорим о распродаже.

– Зато они счастливы!

– Разве? – Люд оглядел покупателей, на лицах которых постепенно проявлялось выражение сосредоточенного напряжения, и покачал головой:

– Вряд ли.

– Приглядись, – предложил ко́нец.

– Перестань маяться дурью. У нас заказ.

– Это стрит! Великое искусство репортажной съемки!

– Это потеря времени.

– Ладно. Когда смонтируем, увидим, кто был прав.

Обиженный оператор опустил фотоаппарат и заспешил к неприметной металлической двери с надписью «Служебный вход». Белосвет намеренно пропустил его вперед, ухмыльнулся и зашагал следом, готовый пресечь любые попытки ко́нца вновь увлечься искусством фотографии в рабочее время.

За табличкой скрывался небольшой холл, в который выходили двери лифтов. Прямо у двери расположился маленький столик, за которым скучал молодой чуд в форме службы безопасности.

– Служебный вход! – пробормотал он, среагировав на открывающуюся дверь. – Посторонним вход запрещен.

А сам продолжил переписываться с кем-то в мессенджере.

– «Тиградком», – сообщил Белосвет.

– За покупками?

– По работе.

– Репортаж, – добавил Лакриций, который уже нажал кнопку вызова лифта.

– Смотрите, чтобы вас там не затоптали.

– Зрители?

– Покупатели.

– Не в первый раз.

Поднявшись на второй этаж, посетители попадали под дизайнерские своды совсем другого супермаркета – в волшебное царство Биджара Хамзи. Клиентов встречали вышколенные девушки, об очередях здесь не слышали, в процессе изучения каталогов можно было побаловать себя чашечкой кофе, или бокалом коньяка, или просто посидеть в широком кресле – все зависело от суммы заказа.

На втором этаже правила бал сдержанная роскошь.

Но сегодня оживление, вызванное щедрой распродажей, проникло и сюда. Разумеется, стойки с персоналом не сменили жужжащие кассовые аппараты. И девушки на входе все так же приветливо улыбались, предлагая посетителям помощь. Но менеджеры передвигались между клиентами в два раза быстрее, все кресла были заняты, то здесь, то там, точно на великосветском приеме, виднелись кучки беседующих друг с другом нелюдей, порхали официанты, а у демонстрационного зала толпились покупатели.

Каким-то чудом шасы удерживали возбужденных клиентов на самой грани безумия, искусно лавировали между спросом и предложением, ценой и качеством, скидками и прибылью и не забывали успешно избавляться от лежалого товара, сбывая его представителям всех рас и семей.

– Мы по договоренности с Селиной Хамзи, – сообщил Белосвет девушке за стойкой и окинул взглядом тщательно срежессированный хаос.

– Оптовые закупки для «Тиградком»?

– Съемочная группа.

– Одну минутку… – Администратор взялась за телефон.

Племянница Биджара Хамзи, запыхавшаяся и ужасно озабоченная, появилась через несколько минут. Но оказалась не только симпатичной, но и деловой: Селина выстреливала требования короткими пулеметными очередями, успевала говорить по телефону, улыбаться знакомым и что-то отмечать в планшете, пока мчалась к нужному отделу, чудом удерживаясь на виражах на каблуках-шпильках.

Купить в супермаркетах Гильдии можно было все что угодно, от зубочисток до ядерного оружия, но в сезон распродаж хозяева делали ставку на ширпотреб, меха и ювелирные украшения.

Репортажи о счастливицах-чудах, которые щеголяли в норковых манто перед гвардейскими капитанами, самодовольно

подкручивающими ус, о модельных ведьмах Зеленого Дома, наряженных в дизайнерские шмотки, и расфуфыренных ко́нцах, купавшихся в женском обожании, повторялись в том или ином варианте из года в год. Такие репортажи всем давно надоели, но консервативные шасы продолжали платить, а «Тиградком» – снимать.

Повинуясь указующему персту Селины, Белосвет и ко́нец свернули к отделам косметики, парфюмерии и женского белья. Несмотря на старания менеджеров, здесь скопилась небольшая очередь, было шумно и пестро. Такое количество прекрасных дам не снилось даже владельцам популярного женского клуба «Кастрюля».

Лакриций сделал такой глубокий вдох, точно собирался прыгнуть в воду с пятиметровой вышки, а через секунду – еще один, на сей раз – печальный, потому что услышал прохладное напоминание от Белосвета:

– Не накосячь, как в прошлый раз.

– Помню я, помню.

В прошлый раз ко́нец поддался царящему вокруг возбуждению и бросился в пучину любовных утех, едва не сорвав Белосвету репортаж, а шасам – распродажу. Тогда скандал удалось замять, но люд не хотел повторения.

– Все будет нормально, – пообещал Лакриций. И поднял камеру. – Поехали.

Белосвет отработал короткое вступление, взял несколько интервью, поулыбался дамам, постоял рядом с командором войны, выгуливающим на распродажу молодую подругу, затем велел Лакрицию «наснимать всякого», а сам отошел в сторону и открыл на смартфоне записную книжку.

Примерно полгода назад люд снимал репортаж о тяжелых буднях агентов Службы и почти неделю мотался с одним из них по Тайному Городу, отвечая на все приходящие вызовы, начиная с внезапного отключения артефакта морока, из-за чего перепуганные челы увидели пролетающего над Сити дракона, и заканчивая уборкой трупов. Сопровождающего звали Тахас Томба, и они с Белосветом, можно сказать, сдружились.

– Тахас, привет, можешь говорить?

– Бел, дружище, конечно, – жизнерадостно отозвался шас. – Чем дышит медийная составляющая Тайного Города?

– Скандалами и грязным бельем.

– Потерял розовые очки?

– В том числе и с твоей помощью.

– Обратись в нашу Службу, Бел, мы можем вернуть все, – Тахас усмехнулся и добавил: – Согласно действующим тарифам,

разумеется.

– Вот я и звоню.

– Что случилось? – насторожился Томба.

– Нужна кое-какая информация.

– Ты ведь знаешь, что нам запрещено давать интервью, – тут же напомнил шас. – Корпоративные правила и все такое. Жизнь клиентов не обсуждается и не выставляется на всеобщее обозрение. Кто именно тебя интересует и сколько ты готов заплатить?

– У меня один маленький вопрос, который не приведет к скандалу и никак не отразится на твоей репутации, – мягко произнес люд. – Я мог бы позвонить оператору, но не хочу тратить время на бюрократические формальности.

– Похоже, ты решил сэкономить на старом друге, – протянул Тахас.

Однако отделаться от Белосвета было трудно – он хорошо продумал атаку и позвонил старому другу не просто так.

– Кстати, знаешь, где я сейчас нахожусь? Делаю репортаж о распродаже в супермаркете Биджара.

Шас засопел.

– И совершенно случайно увидел тут Клариссу с подругами…

Сопение стало сильнее.

– Хочешь, мы снимем твою подружку в рекламе нижнего белья? Вижу, там есть что снимать…

– Держись от Клариссы подальше, – нервно попросил Тахас.

Однако Белосвет сделал вид, что не услышал:

– Тут как раз Лакриций…

– Только не надо мне угрожать.

– А ему нравятся брюнетки… Ты помнишь Лаки?

Если даже Тахас и не помнил Лаки, он совершенно точно понимал, на что способен лысый оператор, и сдался:

– Свяжи своего ко́нца и не подпускай его к Клариссе на пушечный выстрел, – проворчал он. – За это я, так уж и быть, отвечу на твой вопрос, если он действительно окажется простым.

– Бесплатно ответишь, – уточнил Белосвет.

– Разумеется.

– Сегодня в Петровском парке была большая буза.

– Скорее, резня.

– Увы.

– И, кстати, ты там был, – припомнил шас.

– Мне до сих пор снятся кошмары.

– Ты еще не ложился спать, – поморщился Тахас.

– Неважно, – рассмеялся люд. И снова стал серьезным: – Я хочу повертеть эту историю. Она тянет на отличный репортаж.

– Она тянула бы на сногсшибательный репортаж, если бы не была засекречена Великими Домами, – отозвался Тахас. – Что тебя интересует?

– Кто из ваших там побывал?

– Погоди… – Белосвет услышал, как пальцы шаса забегали по клавишам. – Седьмая оперативная группа. Они прибыли грузовым порталом вскоре после дознавателей Великих Домов.

– Их я видел.

– А чего не подошел?

– Кто приехал первым?

– Ты с приятелями.

– А после нас?

– Дознаватели.

– А из ваших?

– Я же сказал: седьмая группа, – в голосе Тахаса послышались раздраженные нотки. – Ты что, надышался распродажей?

– Я видел там еще один фургон, – твердо ответил Белосвет. – Он стоял на аллее до того, как появились дознаватели.

– Подожди… – Клавиши вновь застучали. – Ты ошибаешься.

– У меня есть фото.

– А у меня нет записи о выезде, – огрызнулся шас. – В Петровском парке была только седьмая группа.

– Кто ее вызвал?

– Эрлийцы. Сразу после того, как ты отправил к ним молодого де Рю.

– Я отправил тебе фото фургона.

– Вижу… – Снова стук клавиш. – Это «Газель», «ГАЗ 27–05», старая модель, мы обновили парк, и теперь их донашивают индивидуалы.

– Внештатные сотрудники?

– Контрактники, – подтвердил Тахас. – Это ребята с опытом работы, которые не желают работать в команде.

– Сколько их?

– Десятка два.

– Я имел в виду фургонов.

– Я понял, что ты имел в виду.

– Скинешь список контрактников?

– Без бюрократической процедуры – никак, – тут же ответил Тахас. – Это правило нерушимо.

– Я без претензий.

– А что случилось? – перешел в атаку шас. – Утечка информации?

– Нет, с этим все нормально, – медленно ответил люд. – Я просто увидел на записи вторую машину и решил проверить,

откуда она взялась.

– Может, случайно мимо проезжала, – предположил Тахас. – Контрактник решил подзаработать, позвонил нам, но в парк уже отправилась «семерка», и ему отказали.

– Возможно.

– Ага.

– Ты на дежурстве?

– Да.

– Позвонишь, если появится что-нибудь интересное?

– Ты очень много от меня хочешь, – проворчал шас. – Да к тому же – бесплатно.

– Тебе все равно скучно, – усмехнулся Белосвет.

– С деньгами мне будет веселее.

– Хочешь, вставим Клариссу в репортаж?

– Мы, кажется, договорились! – вмиг разъярился Тахас. – Не смей к ней приближаться!

– Я лично прослежу за тем, чтобы Лакриций не натворил глупостей, – твердо пообещал люд. – Клянусь: все пройдет без каких-либо эксцессов. А твоя подруга появится на экранах «Тиградком» и наверняка отблагодарит тебя за это чем-то особенным.

Шас вновь засопел.

– Бесплатно появится, – уточнил Белосвет.

И это решило все:

– Точно без эксцессов?

– Мое слово.

– Ладно.

– Тебе понравится, – пообещал люд. – Ей – тем более.

– Этого я и боюсь…

* * *

Муниципальный жилой дом

Москва, Большая Филевская улица, 17 октября, понедельник, 23:59

Еще в детстве Надя узнала от мамы о семейном проклятии, но, конечно же, не поверила. Потом и вовсе забыла – было не до того: школа, учеба в институте, вышла замуж, работа, забеременела, сделала УЗИ, услышала, что будут мальчишки-близнецы, и поспешила к матери – обрадовать. Но когда увидела

ее моментально побелевшее лицо, остановившийся взгляд и страх… Даже не страх – ужас, предшествующий горю. Вот тогда вспомнила, а главное – поверила.

«Так ты не шутила?»

«Нет, родная, ни в коем случае. Такими вещами не шутят».

«Да, пожалуй… Но что нам делать теперь?»

«Сражаться».

«Как?»

«Я не знаю, – расплакалась мать. – Не знаю, доченька, прости…»

И пока будущие мамочки ходили по детским отделам, трепетно разглядывая чепчики, ползунки и пеленки, Надя ездила по знахаркам и церквям, пытаясь отыскать того, кто снимет порчу. Подружки на сносях – румяные, полненькие и счастливые, – увлеченно вязали пинетки, а Надя приглядела в антикварной лавке нож из чистого серебра.

Знала – ведьма придет. Чувствовала обостренным до предела инстинктом беременной женщины и готовилась драться до последнего вздоха. Она ничего не знала о Тайном Городе, не владела магией, у нее не было даже элементарного «различителя» – только слепая материнская любовь.

Но иногда эта любовь творит чудеса.

Тем или иным способом.

Кому-то материнская любовь позволяет сдвигать с дороги громоздкие, неподъемные шкафы, другие прыгают с пятого этажа и остаются невредимыми, а у врагов третьих появляются честолюбивые внучки, незаинтересованные в совершении очередного преступления. И эти внучки нанимают профессиональных ведьм для решения проблемы.

«Ну, Федосея, посмотрим, как далеко ты рискнешь зайти…»

Разумеется, Тина не сообщила молодому семейству о своем прибытии. Вошла в квартиру, набросив плотный морок, огляделась и тяжело вздохнула, подумав, что в царящем бедламе ее визит остался бы незамеченным и без отвода глаз. Младенцы, чувствуя нервозность мамочки, орали то в унисон, то по очереди. Отец бегал по квартире то с одним, то с другим на руках, а Надя «принимала меры»: для чего-то сыпала соль вокруг детской кроватки, шептала идиотские четверостишия, которые считала «защитными» заклинаниями, и развешивала по углам пучки трав разной степени вонючести. Горели свечи, полочки ломились от икон и «амулетов», а на поясе молодой мамаши висел нож.

– Обалдеть! – не сдержалась Тина. – Ну ты даешь!

Девушка, конечно, ожидала, что молодая женщина примет меры, но не такой же степени дремучести! Зачем соль? Зачем

бормотать чушь? От отчаяния? Наверное…

«А вот серебряный нож – это хорошо. Такой клинок способен пройти через слабую защиту, а значит, ты, Наденька, запросто могла бы разделаться со старой ведьмой…»

Тина улыбнулась, прошла в детскую и уселась на широкий подоконник, продолжая обдумывать возникшую идею.

Нож – это хорошо, но как заставить Протопопову его применить? И сможет ли она совершить подобное? Сдюжит ли? Не каждый способен вонзить клинок в человека… Ну, в данном случае, не в человека, но ведь Надя об этом не знает.

«Допустим, я сниму морок, который наведет Федосея, и Надя увидит перед собой старуху. Что дальше? Хватит ли у нее решимости убить?»

В кармане завибрировал телефон. Морок, разумеется, скрывал от молодой семьи и звуки, поэтому ведьма просто достала его, посмотрела на экран и ответила:

– Привет, Даниил!

– Привет! Что делаешь?

– Как раз подумала, что давно с тобой не виделись, – соврала ведьма. Просто для того, чтобы сделать другу приятное. И по голосу поняла, что не ошиблась.

– Врешь, – протянул Даниил с явным удовольствием.

– Зачем мне врать?

– Не знаю.

– Значит, не вру.

– Женщины врут только в двух случаях: по необходимости и просто так.

– Все ты знаешь.

– Приходится.

Даниил нравился Тине. Тина очень-очень нравилась Даниилу. Пока отношения парочки не достигли «серьезной» стадии, но уверенно к ней приближались, поскольку их связывало не только деловое партнерство, но и несколько совместных и весьма приятных путешествий на отдых. А самое главное заключалось в том, что мужчина знал о Тайном Городе, и их отношениям не грозили недомолвки, секреты и порожденные ими подозрения.

Способностей к магии у Даниила не было, работал он психотерапевтом, а в Тайный Город попал случайно, благодаря раздолбайству школьного друга, оказавшегося человским колдуном. Друг получил нагоняй от Службы утилизации, а Даниил – доступ к секретам нелюдей, некоторые из которых разрешалось применять и на обычных челах.

До сих пор проблем у него не возникало, однако сейчас, как поняла девушка, случилась неприятная накладка.

– Мне нужна помощь!

– Что-то серьезное? – насторожилась ведьма.

– Еще не знаю.

Однако печальный тон не оставлял сомнений в том, что произошедшее не тянет на пустячок.

– Рассказывай!

И Даниил не заставил себя упрашивать:

– Ты ведь знаешь, что я использую «Кольцо сна»?

– Конечно.

Это был простенький, если не сказать – примитивный, артефакт, с помощью которого Даниил погружал в транс стойких к гипнозу клиентов. Особой мощности в «кольце» не было, и оно лишь усиливало воздействие, которое оказывал сам психотерапевт.

– Я не могу вывести клиента из транса, – расстроенно сообщил Даниил. – Приезжай, а?

– Прямо сейчас не могу, Дань.

– Работа?

– Работа.

– Ч-черт. Хреново…

– Ты торопишься?

– Не особенно, – тут же ответил психотерапевт.

– Пару часов подождешь?

– В принципе, да.

– Тогда жди. – Тина уже хотела отключиться, но неожиданно подумала, что любовник позвонил на удивление вовремя, словно специально подгадал, и продолжила разговор: – Мне тоже нужен совет.

– От меня? – удивился Даниил.

– Ага, – подтвердила ведьма. – У меня на руках зеленая бабушка, спятившая от несчастной любви…

– Давно?

– Что давно?

– Бабушка давно рехнулась?

– Прилично. – Тина припомнила детали рассказа и хмыкнула: – Еще до войны.

– Ведьма?

– Травница.

– Не принципиально. Что делает?

– Мы ведь говорим профессионально? – замялась Тина.

Отношения отношениями, но нужно сразу показать, что рассказ конфиденциальный. К счастью, Даниил прекрасно знал правила:

– Мы с тобой сейчас говорим предельно профессионально, –

подтвердил он. – Ты выступаешь в качестве опекуна рехнувшейся бабушки, а я – консультант. То есть все, что я услышу, попадает под определение врачебной тайны.

– Бабушка убивает, – сообщила Тина. – И это хотелось бы прекратить. По возможности, не убивая бабушку.

– Гм… – Чувствовалось, что врач оказался в некотором затруднении. – Великие Дома знают?

– Знали бы – давно прекратили.

– Но ты не можешь им рассказать, – догадался Даниил.

– У меня тоже есть тайны.

– Профессиональные?

– Клиент настоял на полной секретности.

– Гм… – Было видно, что Даниилу очень хотелось высказать свое мнение о подобных клиентах, но воспитание не позволило. – Итак, мы имеем зеленую бабушку-травницу, рехнувшуюся лет семьдесят назад и с тех пор периодически убивающую. Готова услышать профессиональный совет?

– Похоже, он мне не понравится.

– Бабушку надо усыпить.

– Уверен? – тихо спросила Тина, глядя на то, как измученная усталостью Надя закутывается в плед. Молодая мама подтащила к кроваткам кресло и, судя по всему, намеревалась провести в нем всю ночь.

– Сто сорок шесть процентов. Мне очень жаль, Тинка, но такое не лечится.

– Действительно, жаль.

– Приехать к тебе?

Толку от мирного психотерапевта, да к тому же не мага, в предстоящей операции было бы немного, поэтому девушка отказалась:

– Спасибо, Дань, я справлюсь. – И свернула разговор: – Позвоню, как только смогу.

Потому что «Крылатый глаз», который она повесила у подъезда, доложил о приближении подозрительной женщины. Слабенький артефакт не мог определить расу приближающегося объекта и его магический статус, но возраст и внешность более-менее подходили под описание и потому последовал доклад.

Тина зябко передернула плечами.

Старуха вот-вот появится, а она до сих пор не решила, что будет делать.

Продолжая размышлять, ведьма почистила следы ауры: хоть она и договорилась с Младой, но если можно не оставлять лишних улик, то лучше их не оставлять, затем легко просканировала подъезд, почувствовала сотворенный морок и

чуть задрожала в предвкушении схватки.

Еще через пару секунд дверь детской распахнулась, и на пороге возникла бабушка Зло, принявшая облик высокой, статной женщины в красивом зеленом платье. В платиновых волосах, уложенных в гладкую прическу, пробивалась благородная седина. На бледном лице, едва подернутом сеточкой морщин, ярко горели зеленые глаза, будто изнутри их кто-то подсвечивал. И запах! По комнате поплыл тот самый страшный горьковатый запах скошенных трав с примесью горелой мяты, о котором Тина столько слышала.

– Нет! Пожалуйста… – жалобно пролепетала вскочившая на ноги Надя. – Не трогайте их!

Поскольку ничего более умного Тина не придумала, она развеяла наведенный травницей морок, но при этом замаскировала всю комнату, не позволяя дремлющему у телевизора мужу услышать происходящее в детской.

– Ты кто такая? – резко и в то же время чуть растерянно спросила ведьма, посмотрев за плечо Надежды.

– Кто? – растерялась молодая женщина.

– Что ты здесь делаешь?

– Я их мать!

– Заткнись! – Травница прошипела грубое ругательство и злобно посмотрела на Тину. – Ведьма!

– Кто? – окончательно растерялась Надя.

Изумление матери близнецов было тем более полным из-за того, что наложенный на себя морок Тина не сняла, и молодая женщина ее по-прежнему не видела и не слышала.

– Здравствуйте, Федосея, – произнесла Тина. – Я к вам.

– Кто тебя послал?

– Да с кем вы говорите?! – воскликнула Надя.

– Отойди и заткнись! – распорядилась травница. – Или я убью еще и тебя.

– Лучше убейте меня!

– Какая патетика!

– Она от души.

– Знаю.

Тина поняла, что игра в прятки затянулась, сменила морок с невидимости на заранее подготовленный образ приятной молодой брюнетки в платье положительного белого цвета, и мягко улыбнулась молодой женщине:

– Милая Надя, пожалуйста, дай мне возможность поговорить с этой дамой.

– О чем?

– О том, как снять наведенную на твой род порчу.

В глазах Надежды засветилась надежда.

– Вы спасете моих детей?

– Я постараюсь.

– Придется убить вас всех, – пообещала Федосея.

Надя всхлипнула и крепко сжала серебряный нож.

– Бабушка у нас мечтательница, – попробовала успокоить молодую женщину Тина.

– А ты – дура! – рявкнула старуха так, что Надежда вздрогнула. – Кто тебя нанял?

– Я живу неподалеку, – без запинки соврала ведьма. – Узнала о наведенной порче и решила проверить.

– Проверила?

– Да.

– Теперь убирайся!

– Теперь как раз не могу, – твердо произнесла Тина. – Не люблю, когда убивают детей.

– Она тебе не заплатит.

– Плевать.

– Решила заняться благотворительностью?

– Вроде того.

Тем не менее старуха остановилась – ей требовалось время просчитать свои действия, – и завела разговор:

– Почему не донесла Великим Домам?

– Была бы уверена, что ее рассказ – правда, донесла бы, – спокойно ответила Тина.

– Челам надо верить, – осклабилась травница.

– Учту на будущее.

– Будущего у тебя нет, – брякнула Федосея. – Я – старая женщина, но проживу дольше тебя.

– Для этого тебе придется сильно постараться.

– Неужели?

– Ты и сама это знаешь, иначе бы не болтала так долго.

Травница заткнулась.

Разумеется, глупую курицу, сжимающую в руке жалкий ножичек, Федосея ничуть не опасалась. А вот вторая челка – молодая ведьма, держащая наготове парочку «подогретых» артефактов, была серьезным противником. И даже обезумевшая от досады травница это поняла.

– Для чего все это? – поинтересовалась Тина, стараясь вызвать убийцу на разговор. – Почему мстишь?

– Тебе не понять.

– Считаешь, что никого, кроме тебя, не бросали?

– Откуда ты знаешь? – прищурилась старуха.

– Она рассказала. – Тина кивнула на Надежду, молясь про

себя, чтобы молодая женщина не подвела. И та, к счастью, промолчала. – Старинное семейное предание о ведьме, которая прокляла ушедшего мужа.

– Я сказала: тебе не понять.

– Я росла без отца, если тебе интересно. – Тина сделала еще одну попытку «разговорить» травницу, но напрасно.

– Неинтересно, – отрезала старуха.

Пришлось ответить в ее тоне – агрессивно:

– Или слушай, или убирайся, – предложила ведьма.

– Третий вариант есть?

– Я тебя убью.

Старуха засопела.

Надя смотрела на Тину широко раскрытыми глазами, но по-прежнему молчала.

– Итак: для чего все это? – повторила ведьма, тяжело глядя на травницу.

– Ты знаешь, для чего, – буркнула Федосея.

– Твой муж умер и похоронен, – жестко напомнила ведьма. – Его внук умер и похоронен. И его правнук. Ты счастлива?

– При чем тут счастье? – не поняла люда.

– А для чего ты это делаешь? – притворно удивилась Тина.

– Я поклялась.

– Перед кем?

– Ты все мне испортила, все испортила! – прошептала Федосея и закрыла лицо руками. – Дрянная девчонка.

– Кому ты поклялась? – продолжила давить ведьма.

– Себе!

– Сколько крови тебе нужно, чтобы насытиться?

– Они должны платить!

– За то, что ты сочла себя оскорбленной?

– Я не сочла! Я была оскорблена! – взвилась старуха и нацелила на отшатнувшуюся Надежду указательный палец. – Он променял меня на сопливую челку! На смазливую тварь, которой отмерено меньше сотни лет! На глупую…

– Что ты испытываешь, убивая беззащитных детей? – оборвала безумную старуху Тина. – Радость?

– Зачем тебе?

– Хочу понять, больна ты или просто дура?

– Какая тебе разница?

– У дуры хватит мозгов убраться отсюда, а вот больную волчицу придется усыпить, – честно ответила ведьма. – Лично я думаю, ты дура. Больная сука уже пошла бы в атаку, но тебе, гадине, хватило ума понять, что связываться со мной не то же самое, что с беззащитными детьми. Сработал инстинкт

самосохранения, а значит, ты не больна. Ты – убийца детей.

– Мы говорим всего лишь о челах, – хрипло напомнила старуха.

– За убийства детей, пусть даже челов, тебя любой Великий Дом в порошок сотрет, – мрачно отчеканила Тина. – И твой, Зеленый, постарается стать первым – чтобы смыть позор.

Федосея опустила голову. Она знала, что ведьма права.

– Ты заигралась со своей местью.

– Что ты в этом понимаешь?

– Я понимаю, что ты должна остановиться.

– Донесешь на меня?

Тонкий вопрос, поскольку именно так должна была поступить любая законопослушная ведьма в данном случае. Но Тина донести не могла. И промолчать не могла.

– Я тебе не судья, – отчеканила она, глядя в ярко-зеленые глаза старухи. – Но им – я покровительница. Так понятно?

– Понятно. – Федосея, пятясь, шагнула к дверям. Остановилась. Перевела взгляд на Надежду и скривилась: – Повезло тебе, челка.

Следующий взгляд – полный злобы, – на детей. Все-таки она была больна и едва сдерживалась… Но сдержалась. Однако Тина не испытывала никаких иллюзий насчет того, что кто-то сможет справиться с ее недугом.

– Уходи, Федосея.

Старуха ощерилась, но промолчала. Пятясь, вышла из комнаты, там развернулась и исчезла в коридоре. Хлопнула входная дверь.

Надя, продолжая держать бесполезный серебряный нож, растерянно посмотрела на Тину.

– А… Как вы здесь оказались?

– Вошла через дверь, – ответила ведьма, отметив, что молодая женщина на удивление быстро пришла в себя.

– Почему я вас не видела?

– Потому что я этого не хотела.

– Вы… кто? – прищурилась Надежда.

– Ведьма, – не стала скрывать Тина.

– Белая?

– Угу, – подтвердила Тина, а про себя добавила: «Как невеста».

– Вы говорили, что знаете меня, но это не так.

– Хорошо, что ты не полезла с уточнениями.

– Я ничего не понимаю в происходящем, но я не дура.

– Так я и сказала, – кивнула Тина. – На самом деле ты молодчина. Вряд ли кто-нибудь смог бы продержаться лучше.

– Тогда скажите, почему вы здесь оказались? – продолжила Надежда.

– Скажем так: то, что делала эта старуха…

– Вы назвали ее Федосеей.

Нет, ТАКОЕ внимание к деталям Тину категорически не устраивало: если в результате ее действий Надежда узнает о Тайном Городе, тайна Млады будет раскрыта. Чего никак нельзя допустить.

– Забудь это имя, – попросила ведьма.

И что-то в ее тоне подсказало Надежде, что спорить не следует.

– Хорошо, – кивнула молодая женщина. – Но объясните, пожалуйста, хоть что-нибудь.

– То, что творила эта старуха – тягчайшее преступление, – твердо произнесла Тина, глядя Надежде в глаза. – Долгое время об убийствах никто не знал, поскольку она принимала меры предосторожности, но теперь ее шалостям пришел конец.

– Вы ее отпустили, – заметила Надя.

– Я не хотела затевать драку здесь, рядом с детьми, – ответила Тина настолько искренне, что сама себе поверила. – Внизу ее ждут.

– Спасибо.

– Не за что.

– Спасибо… – Надю наконец прорвало. Она выронила дурацкую серебряную заточку и разрыдалась в голос. – Получается, если бы не вы… Если бы… Только вы спасли, а я… Значит, все это зря! Все зря… Я все равно не смогла бы их защитить. Все зря!

– Что зря? – не поняла Тина.

Надя вытерла нос и обвела рукой комнату с расставленными подставками для ароматических палочек, пучками сушеной травы, развешенными по гардинам, по церковным свечкам, ладанкам и нарисованным значкам, как ей казалось, – энергетической защиты. В каждом углу комнаты лежал такой лист, изрисованный черными и красными символами, похожими на китайские иероглифы или какие-то марсианские руны.

Тина уже набрала в легкие воздух, чтобы презрительно фыркнуть в сторону человской женщины и с высоты своей чудской половины объявить: «Конечно, дорогуша! Ты не представляешь, какая это на самом деле чушь и дребедень», но сдулась.

Не смогла.

Потому что невозможно честно ответить, по какой причине она оказалась в детской комнате в роли победительницы темных

сил. Почему именно сейчас жрица Снежана договорилась о солидной должности для своей протеже? И не получилось ли так, что именно жалкие усилия Надежды запустили ту цепочку событий, которая связала обычную человскую семью и Тайный Город?

– Я не знаю, Надюша. Никто из моих учителей так и не объяснил мне, что такое магия. Может быть, твоя фанатичная борьба за близняшек и стала тем маленьким камешком, незаметной взгляду вибрацией, которая обрушила лавину и заставила двух ведьм не на жизнь, а на смерть схлестнуться. Хотя то, что магии в тебе ноль, также как в твоих безделушках, – это факт.

Тина поднялась.

– Вы уходите?! – ахнула хозяйка, и кто-то из мальчишек жалобно захныкал во сне. – А как же мы?.. Что мне делать, если она вернется?

И столько ужаса было в ее взгляде, что Тина поняла: «Я это сделаю. Обязательно сделаю. Сегодня же».

– Не волнуйся, не вернется.

Ведьма вышла из подъезда, постояла, с наслаждением втягивая ноздрями холодный воздух, и негромко произнесла:

– Ну и куда ты отправилась, травница?

Если села в машину и поехала домой – это плохо. К счастью, аура показала, что Федосея перешла дорогу – Тина последовала за ней – и двинулась по пешеходной дорожке вдоль Филевского парка. В воздухе пахло влажной осенью, мокрые листья блестели в свете фонарей и фар. Мимо промчался припозднившийся велосипедист. Тина повернулась спиной к шумной улице и быстро зашагала вглубь парка, подальше от городского шума.

Здесь было прохладно и относительно тихо. В воздухе висела мелкая водяная пыль. Навстречу прошла под ручку пожилая пара, укутанная в разноцветные полиэтиленовые дождевики. Тина сбавила шаг, оглянулась на всепогодного бегуна, ритмично прошлепавшего кроссовками по мокрому асфальту, и в изумлении уставилась на часы. Ей казалось, что с момента, когда она проникла в дом Надежды Протопоповой, прошла целая вечность, но в действительности даже не было часа ночи.

Ведьма заставила себя остановиться, оценить ситуацию и шансы на повторную встречу с травницей. Вывод обескуражил: вероятность оказалась нулевой. И это при том, что отпечаток ауры на дорожке был настолько отчетливым, будто Федосея специально распыляла частички себя.

«Что происходит?»

Следы отчетливые, а вероятность встречи нулевая. Почему?

Травница собирается убраться из парка порталом и ищет безлюдную площадку? Возможно, но с тем же успехом Федосея могла накинуть морок и под его прикрытием построить магический переход. Нет! Старуха отправилась вглубь парка в надежде, что Тина последует за ней. Старуха искала боя, готовилась к нему, но тогда…

«Почему встречи не будет?»

Ведьма вновь подготовила артефакт и двинулась дальше.

Вечерний парк затихал. Припозднившиеся любители прогулок спешили домой. С деревьев с ленивым шепотом осыпались жухлые листья. Со стороны Москвы-реки потянуло промозглой сыростью. Где-то неподалеку истошно залаяла собака, и в следующий миг прямо перед занятой невеселыми мыслями Тиной на дорожку с треском выломилось нечто страшное, черное и глухо ворчащее.

Выбравшись на дорожку задом, существо выволокло из мокрых кустов безжизненное тело, разомкнуло челюсти и хищно уставилось на ведьму рыжими глазами. Странно, но оторопевшей Тине показалось, что они разной величины и немного косят, а правый ярче левого и отливает красным. От этой несоразмерности ей стало еще страшнее, от взгляда существа ее обдало не жаром, а леденящим холодом.

«Какой прекрасный вечер для охоты на все, что движется», – сказал ей обжигающий взгляд.

Может, тварь и не умела выражать свои намерения так, как подсказывала Тине разыгравшаяся фантазия, но то, что одним трупом вечер в парке не завершится, не вызывало сомнений. Сердце застучало часто-часто. Этот дурацкий день начался с черной собаки, ею и закончится, если Тина поддастся панике и будет вспоминать испуганную девочку Алису вместо того, чтобы действовать.

В неверном электрическом свете фонаря, точно облитая лунным сиянием, блеснула черная шкура чудовища, клочковатая грива, мощные суставчатые лапы и пасть…

«Эльфийская стрела»!

У Тины было чем защищаться, и едва она подумала об оружии, как «Стрела», упакованная в тонкий серебряный браслет, соскользнула с запястья и молнией прошила темноту, едва разбавленную электрическим светом. Вспыхнула малиновым, забурлила и погасла полоса расплавленного асфальта. Обожженное чудище оттолкнулось от земли всеми четырьмя лапами. Оно прыгнуло вбок, точно персонаж компьютерной игры, послушный движению джойстика. Неестественно быстро и невероятно высоко для своих размеров. А в следующий миг

растворилось в темноте, исчезло, приглушив глухое хриплое урчание. Растаяли кровавые сполохи. Слева от дорожки качнулась молодая рябинка. Стало тихо, и лишь собака где-то неподалеку по-прежнему заходилась истошным лаем.

Прямо перед Тиной, распространяя восхитительный горьковатый аромат костра, дымилась проплешина. В воздухе повисла такая смесь запахов, словно возле костерка туристического лагеря каким-то гастарбайтерам приспичило топить углем паровоз или заниматься сложным ремонтом.

А Тина, все еще ослепленная собственным выстрелом, подскочила к телу, валявшемуся поперек парковой дорожки, подскочила, хотя неестественная поза ясно указывала на то, что жертве не поможет ни эрлийская медицина, ни тем более человская. Что же касается личности несчастной, то Тина определила ее по старомодной юбке и, переворачивая жертву на спину, уже знала, кого увидит. Федосея посмотрела на нее широко открытыми глазищами. От нижнего угла рта до самой груди шею распороли острые клыки. Левая рука от плеча висела на кожном лоскуте. В скудном искусственном освещении кровь, заполнявшая страшные раны, казалась черной, как стоячая вода.

Тина рефлекторно отдернула руку и перевернула ладонь. Нет, красная кровь людов, еще теплая. Никаких чудес, за исключением того, что неведомое «нечто», не похожее ни на одну из тварей, которых Тина видела в Тайном Городе или хотя бы в книгах о Тайном Городе, убило подданную Великого Дома Людь. Просто убило. Не съело, не выпило кровь, не вырвало сердце. Такое впечатление, что тварь не знала, что делать со своей добычей, не собиралась ее сожрать, не умела с ней играть и вряд ли собиралась утащить в логово своим детям.

Левой рукой Тина достала из кармана салфетку со словами «Такси у входа», тщательно вытерла об нее испачканные пальцы, скомкала и сунула обратно.

«Интересно, я убила тварь?»

Нет. Это очевидно. И даже ранила слабо. А значит, нужно убираться, и как можно быстрее. Страх перед зверем объяснит любые глупости, которые она сейчас натворит, и главную из них – бегство с места преступления. А бежать надо, чтобы спокойно обдумать случившееся.

В общем, решено.

Она торопливо покинула парк, выскочила на дорогу, увидела медленно движущееся такси – «Спящий любит меня!» – тормознула его и плюхнулась на задний диванчик.

«Домой? Нет, там быстро найдут. А куда?»

– Девушка, вам куда?

– Давайте пока на Маяковскую.

– Хорошо.

В салоне застучал счетчик.

Куда податься, в самом деле? К Младе? Глупо. В гостиницу? А смысл? К Даниилу?

«Точно!»

Во-первых, у него проблемы, а значит, он не удивится ее появлению. Во-вторых, в квартире любовника Тина держала небольшой аварийный запас, который сейчас ей здорово пригодится.

«Решено!»

Тина набрала телефонный номер:

– Даня! Я освободилась и еду к тебе. Нет, не благодари… – Навстречу такси неспешно проехал фургон Службы утилизации с логотипом «PRODAM.RU» во весь борт.

«Быстро же они работают!»

– Да, буду минут через двадцать. – Девушка убрала телефон и улыбнулась водителю: – Я передумала. Едем по другому адресу…

Глава 4

Московская обитель, штаб-квартира семьи Эрли

Москва, Царицынский парк, за полвека до описываемых событий

Примерно через полгода брат Гематус снова научился говорить.

Сначала получалось плохо: нечленораздельно и шепеляво, как бывает у детей, но губами и языком в отличие от высохшего скрюченного тела несчастный еще мог управлять, поэтому старался, занимался словно одержимый и в конце концов вернул себе речь. Окружающие думали – для того, чтобы общаться с братьями, но сам Гематус считал иначе.

Они не знали, в каких глубинах побывал бедолага, через какую тьму прошел. Смешной старик Висцерус, не отходивший от Гематуса весь период выздоровления, наивно полагал, что сопровождал его, но в действительности не ведал и сотой доли того кошмара, в котором пребывал несчастный. И тоже не понимал, что язык понадобился Гематусу вовсе не для того, чтобы просить у бывших братьев есть и пить.

Где они были – эрлийцы, со всеми своими знаниями и магией, когда он умирал той ночью? Что они могли сделать? Ничего. Вот и получалось, что единственный, к кому имеет смысл обращаться, был Спящий – тот самый, который рано или поздно откроет глаза, чтобы посмотреть на Вселенную.

Брат Гематус заново учился говорить для того, чтобы рассказать Спящему, как ужасен и несправедлив созданный им мир.

– Здравствуй, Гематус, посмотри, кто пришел тебя навестить.

Суетливый и говорливый старик Висцерус теперь прикидывался мудрым, словно претендовал на роль первосвященника.

– Доброе утро, – сказал нав, худощавый и черноволосый, как все навы. – Рад видеть.

– Баррага, – с придыханием представил важного гостя брат Висцерус. – Присаживайтесь, уважаемый мастер, прошу вас.

Тот медленно, с достоинством, опустился на стул.

Гематус повернул голову. Она плохо держалась на шее с атрофированными мышцами, но, высоко лежа на подушках,

калека все же мог поворачиваться к собеседнику, демонстрируя, что не полностью парализован.

Повернул, помолчал, разглядывая старого нава, и уточнил:

– Мастер чего?

– Мастер по изготовлению функциональных кукол, – ответил Баррага. – Странно, что ты обо мне не слышал.

– Лучший мастер Тайного Города по изготовлению големов! – пояснил Висцерус, с трудом скрывая возбужденное волнение.

– Вы… вы что, пересадите меня в тело голема?!

– Г-хм, – многозначительно произнес мастер Баррага, увидев в глазах Гематуса нездоровый блеск. – Насколько я знаю, технологии пересадки сознания мага в тело голема не существует, брат Гематус. Но думаю, я смогу вам помочь.

– Вы изготовите мне помощника? – не скрывая разочарования, спросил Гематус.

– Да! Но не простого, – подтвердил брат Висцерус, возбужденно прохаживаясь по палате. – Мы планируем перенести тебя в голема!

– Как это?

– Целиком!

– Как? – Гематусу показалось, что помощь тут требуется не только ему, однако следующие вопросы развеяли это впечатление.

– У тебя когда-нибудь были големы? – поинтересовался Баррага.

– Нет.

– Но ты видел их в деле?

– Разумеется.

– А теперь представь лучшую куклу, которую только можешь: совершенную в движениях и точности, красивую и сильную. И представь…

– Что эта кукла – я?

– Что ты ею управляешь, – уточнил нав. – Как самим собой. Как привычным костюмом, который на тебя надет.

– Зачем?

– Разве тебе не надоело лежать?

Это был запрещенный удар. Жестокий удар. Но Гематус понял, куда клонит Баррага, и не разозлился. Ну, разозлился, конечно, но скрыл это и ответил:

– Надоело.

– Твой друг, брат Висцерус, отчаянно искал способ помочь и, как мне кажется, придумал хороший выход из положения, – продолжил нав. – Я сделал для тебя голема…

– Нет!

– …Который станет твоим новым телом.

– Нет. – Гематус с ужасом представил себя внутри голема, возможно – боевой модели, возможно, с клыками и когтями, и едва заметно мотнул головой, что в его положении означало агрессивную жестикуляцию: – Нет!

– Не надо отказываться от того, о чем не имеешь представления, – попытался успокоить его Висцерус.

– Но если я войду в голема, то перестану быть собой, – удивляясь их тупости, ответил несчастный.

– А сейчас ты кто? – вдруг спросил нав.

И брат Гематус замолчал.

«Кто?»

И кем останется, если не примет щедрое предложение? Неужели ему суждено быть вечно прикованным к постели?

– Я хотел бы отыскать иной выход, но пока, увы, бессилен справиться с твоим недугом, – прошептал старый Висцерус.

И горько вздохнул, увидев скатившуюся по щеке Гематуса слезу.

Управлять големом изнутри оказалось непросто. Высохшее до состояния мумии тело Гематуса почти не слушалось, и точно так же первое время не слушалась кукла, в которую его помещали на несколько часов в день. Но искусство Барраги, сверхчувствительные усилители движения, магия и упорство Гематуса сделали свое дело. Сидеть он научился быстро, доносить до рта зажатую в кулаке ложку – тоже. Стоять и тем более ходить, заставляя тяжелую куклу удерживать равновесие, оказалось намного сложнее, но постепенно справился и с этим. Кукла с сидящим внутри эрлийцем сравнялась ростом с навами, и поначалу невысокий от природы Гематус никак не мог понять, где у него теперь находится центр тяжести, однако через полгода освоился так, что мог не только ходить, но даже бегать и прыгать.

Через полгода брат Гематус навсегда переселился в искусственное тело.

А вот работы ему в Московской Обители не нашлось. Для санитара он был чересчур массивен, для врача – чересчур неуклюж, поскольку не мог достичь необходимого уровня мелкой моторики. А его необычный внешний вид отвлекал братьев и настораживал пациентов.

Монахи Обители привыкли обсуждать пациентов – у Гематуса не было пациентов. Эрлийцы не прочь поговорить и посплетничать о своих приключениях в миру – у Гематуса не было таких приключений. С его появлением темы для разговоров исчерпывались и воцарялось тягостное молчание. Кроме того, все,

кто был знаком с Гематусом до болезни, подмечали, что и для психики юноши страшные события не прошли бесследно.

Нет-нет, когда-то подававший большие надежды, он не превратился в идиота. Наоборот! Теперь Гематус, не знавший, чем себя занять, целыми днями пропадал в библиотеке, и знания его умножались. Но это был уже не тот Гематус, которого все знали и любили. Он постепенно отдалялся от семьи и через два года после переселения в искусственное тело сам завел разговор об уходе из Обители.

– Здесь твой дом, Гематус, – сказал отец Динамус, подняв глаза на высоченного полуголема. – Здесь сердце нашей семьи. Хорошо ли ты обдумал свое решение?

Глупый вопрос. За последние два года у него было время, чтобы обдумать миллионы решений. Он знал, кого за это благодарить. Он знал, кто может все исправить.

Спящий создал несовершенный мир, а значит, ему придется проснуться и кое-что переделать…

– Да, отец Динамус, я хорошо подумал, – со всем возможным почтением ответил Гематус. – Мой путь лежит за пределы Обители.

– Я верю, что ты справишься с любыми трудностями.

– О да, справлюсь. Обязательно справлюсь!

Массивный кулак гулко ударил в бронированную грудь, словно в насмешку затянутую в рясу.

Баррага действительно был лучшим в Тайном Городе мастером по изготовлению големов. Боевых големов. Их модели зачастую не менялись веками, лишь совершенствовались материалы и элементы управления. Когда же наву осторожно намекали на несколько избыточный консерватизм в этом вопросе, он осведомлялся, чем не устраивают заказчика традиционные модели и какую войну тот проиграл по их вине. Далее выяснялось, что никаких претензий к грозным куклам в общем-то нет, и все возвращалось на круги своя.

Работа над необычным заказом эрлийцев пробудила в Барраге задремавшее было творческое начало, и голем брата Гематуса получился близким к совершенству. Атлетическое тело обладало правильными пропорциями, движения были плавными и точными, пальцы без труда листали страницы книг. Систему управления Баррага проработал детально и скрупулезно, а материалы взял трижды проверенные. Из боевых образцов.

– Я не вправе тебя удерживать, брат Гематус, но я хочу, чтобы ты знал, что двери Московской Обители для тебя всегда открыты, – торжественно объявил Динамус, поднявшись на ноги.

– Спасибо, настоятель, – склонил голову Гематус. – Вы

позволите мне приходить иногда в Обитель, чтобы отдохнуть от суеты и посидеть в библиотеке в тишине и уединении?

– В любое время дня и ночи! – горячо воскликнул отец Динамус. – Мы всегда рады тебя видеть.

В этот момент настоятель и сам верил в то, что говорил.

– Прощайте, отец Динамус.

– До свидания, брат.

Когда за Гематусом закрылась дверь кабинета, настоятель Московской Обители вздохнул с видимым облегчением и несколько долгих минут позволил себе не отвечать на телефонные звонки.

* * *

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Авиамоторная, 18 октября, вторник, 00:58

Тина познакомилась с Даниилом, когда искала помещение под офис. В те дни голова девушки кружилась от открывающихся перспектив, в мечтах рисовалось не какое-то абстрактное помещение, а целый особняк, в котором можно беспрепятственно заниматься ворожбой под прикрытием рекламной фирмы, и еще мерещилась длинная вереница лимузинов у входа, в которых спешили на встречу с ней богатые клиенты.

В мечтах…

На деле же оказалось, что плотность колдунов на квадратный дюйм Тайного Города огромна, люды ломят запредельные тарифы на энергию Колодца Дождей, челы жестко конкурируют друг с другом и с магами Великих Домов, и от мысли отгрохать собственный бизнес-центр, наподобие «Чудь Inc.», Тине пришлось отказаться.

Тем не менее в день первой встречи с Даниилом, то есть тогда еще с Даниилом Григорьевичем, Тина с энтузиазмом осматривала помещение в дальнем крыле небольшого офисного здания. Оно показалось ей просторным, в то же время уютным и светлым, а еще – достаточно уединенным, поскольку располагалось в тупичке, которым оканчивался коридор.

Но не успела девушка порадоваться тишине, царившей в этом городском оазисе, как в дверях появилась конкурирующая пара: еще один клиент и еще один риелтор. За ними вбежал замотанный менеджер, перепутавший время, а следом охранник –

для предотвращения возможных конфликтных ситуаций. Конфликтную ситуацию в итоге разрешил Даниил, пригласив Тину на чашечку кофе и мягко уговорив девушку оставить помещение ему. В итоге Тина не влезла в долги, риелторы не подрались, и в неспокойном мире добавилось немного взаимопонимания, любви и хорошего секса.

Однако клиента, о котором психотерапевт упомянул в телефонном разговоре, Даниил принимал не в офисе, а дома. Клиент был дорогим, выгодным до чрезвычайности, задержался на работе, но наотрез отказался переносить сеанс и решил остаться у психотерапевта до утра.

– А что утром? – рассеянно спросила Тина, проходя в гостиную и усаживаясь в кресло.

Даниил развел руками:

– Утром у него самолет.

– У него же аэрофобия.

– Поэтому он здесь. – Даниил вздохнул и плеснул себе коньяка. – Завтра ему позарез нужно быть в Лондоне. Рейс в 8:00, в пять утра за ним придет машина. На деловой встрече он должен думать о бизнесе, а не о том, как страшно ему было лететь, и уж точно не о предстоящем перелете обратно.

– И ты проводишь с ним сеансы перед каждым путешествием?

– Ага.

– Но сегодня что-то пошло не так…

Непростой клиент возлежал на широкой кушетке в кабинете, и сквозь приоткрытую дверь Тина видела лишь его среднюю часть: большущий живот, обтянутый расстегнутой на три пуговицы рубашкой, подтяжки и брюки.

К счастью, «Кольцо сна» блокировало храп, и мерзких звуков тело не издавало, лишь мерное посапывание.

– Одно к одному, – вздохнула Тина.

– У тебя все в порядке? – участливо поинтересовался Даниил.

– Относительно, – махнула рукой ведьма.

– Относительно чего?

– Безумный день, словно вырезанный из череды остальных, ровных, серых и как две капли воды похожих друг на друга. А этот вытащили, нафаршировали всякой заковыристой дрянью и вернули в календарь. А я не заметила и стала его жить.

– Образно.

– Спасибо. – Тина вздохнула. – Давай посмотрим на твоего спящего.

– Было бы, наверное, неплохо завести себе настоящего персонального Спящего, – пошутил психотерапевт.

– Такого? – улыбнулась девушка.

– Нет, настоящего.

– Какая разница, где он будет спать: где-то во Вселенной или у тебя на кухне?

– Я бы постарался его разбудить.

– Зачем?

– Разве тебе не было бы интересно это проделать?

Вопрос неожиданно заставил Тину задуматься. Некий Спящий, которого нелюди почитали Создателем, не оказывал какого-либо серьезного влияния на жизнь Тайного Города, а ранее – на жизнь империй. Нелюди твердо знали, что Спящий спит, значит, храмов и соборов в свою честь не увидит, а следовательно, и строить их нет необходимости. Так же, как содержать жрецов.

Тем не менее его признавали и о нем периодически думали.

– Некоторые считают, что все вокруг – его сон, – медленно произнесла ведьма. – И если Спящий проснется, Вселенная исчезнет.

– Можно было бы проверить.

– Ты серьезно?

– Хотел бы я видеть его лицо в тот момент, когда он открывает глаза, оглядывается и видит все это… – Даниил повел правой рукой, показывая на все вокруг. Не на свою гостиную, разумеется, а на весь мир. – Но в первую очередь мне интересна сама задача: разбудить Спящего.

– Потренируйся на клиенте.

– С клиентом, увы, ничего не получается.

– Вижу…

Сергей Сергеевич лежал спокойно, дышал ровно, и ничто в его внешнем виде не указывало на проблемы. Он действительно обладал лишним весом, но выглядел так, словно он от него не страдал, а им наслаждался. Лицо у клиента было круглое и приятное, улыбчивое, судя по морщинкам. Тело полное, но не обвисшее, не рыхлое, а еще собранное: он явно следил за собой, просто был толстым. Артефакт же притаился на мизинце правой руки и выглядел возмутительно дешево по сравнению с дорогим перстнем на безымянном пальце.

– Пробовал снять «Кольцо»?

– Да.

– И что?

– Как только я потянул артефакт по пальцу, Сергей Сергеевич захрапел, завозился, и понес какую-то ахинею про подземных чудовищ и конец света.

– Бредил?

– Очень похоже, но… – Психотерапевт неожиданно замолчал.

– Что «но»? – поинтересовалась Тина.

– Он не знает о Тайном Городе.

– Ага.

– Вот так, – закончил Даниил, посчитав, что сказал все, что нужно.

Но ошибся.

– Не знает, и что? – потребовала уточнений ведьма. – Я ничего не поняла.

– Ах, извини… – Врач потер виски. Обычно он не отличался подобной заторможенностью, но ситуация, похоже, здорово его нервировала, и он явно пребывал не в своей тарелке. – Тот бред, который он нес, был не стандартной человской ерундой, которую можно подцепить в желтой прессе или программе «Экстрасенсы против вампиров», а имел отношение к Тайному Городу.

– С чего ты взял?

– Сергей Сергеевич упоминал Спящего.

– Ага, – повторила Тина.

– Вижу, ты заинтересовалась.

– Почему не вызвал Службу утилизации?

– Вызову, если у тебя ничего не получится.

– Почему не вызвал? – подняла брови девушка. Она поняла, что друг чего-то недоговаривает.

– Услуги Службы довольно дороги…

– Даниил! Что ты натворил?

И врач сдался.

– Ты ведь знаешь, я не маг…

– Знаю.

– Но я имею право использовать артефакты, и сегодня решил попробовать новый – «Гипнодинамик С»…

– Что это?

– Тот же сон, но с элементом «Заговора Слуа».

– Что?!

– В общем, я купил его не там, где положено, – быстро закончил врач, мечтая провалиться сквозь землю.

– У контрабандистов? – угрюмо уточнила Тина.

– Да.

– Ты идиот.

– Знаю. – Даниил вздохнул. – Кто еще продал бы мне такую штуку?

– Никто бы не продал и правильно сделал! – взорвалась девушка. – «Заговор Слуа» – это сильнейший аркан…

– Знаю.

– Я, например, не в состоянии его использовать. У меня не хватит способностей. А ты вообще не маг!

– Знаю… – Психотерапевт втянул голову в плечи.

– Так какого черта ты рискнул проверить его на челе?

– Хотел попробовать навсегда излечить его от аэрофобии.

– И навсегда потерять источник постоянного дохода? – изумилась ведьма.

– У него полно других проблем, – махнул рукой Даниил. – Но с другими проблемами он ко мне по ночам не врывается, а со своей аэрофобией – запросто. В любое время, когда ему приспичит куда-нибудь лететь.

– Понятно… – Тина, в общем, понимала желание друга, однако способ достижения цели Даниил выбрал самый идиотский. То есть способ был правильным: «Заговор Слуа» прекрасно подходил для мощного гипнотического вторжения, однако безошибочно «вести» это заклинание могли лишь самые сильные маги Тайного Города. И даже у них оно отнимало множество сил. Даниил рискнул и проиграл.

– Для чего в таком случае ты добавил ему еще и «Кольцо сна»? – устало спросила девушка.

– Машинально, – признался врач. – И думаю, именно в этом все дело: я использовал два артефакта, и какой-то из них «заглючил».

– Где «гипнодинамик»?

– Вот.

Он ткнул пальцем в медальон на груди Сергея Сергеевича.

– Может, применить его на тебе? Просто попробовать, как он работает.

– Лучше не надо.

– Знаю, что лучше.

Тина вздохнула.

Психотерапевт и ведьма склонились над телом клиента, точно два экзорциста, которые никак не решатся приступить к проведению обряда.

– Что будем делать?

– Для начала – думать. У кого ты купил «гипнодинамик»?

– У Штара Томбы.

– Он сам его собрал?

– Вряд ли.

– Перепродал тебе чью-то экспериментальную разработку?

– Не экспериментальную, – уточнил Даниил. – Нелицензированную.

– Час от часу не легче, – простонала Тина. – Ты знал, что артефакт не лицензирован?

– Да.

– Это плохо.

– Иначе бы он не стоил так дешево.

– Зато теперь все возможные последствия – на твоей совести! Тебя предупредили об опасности, но ты все равно применил артефакт, а значит – взял на себя всю ответственность.

Ответить врач не успел.

– Грядет Пустошь! – неожиданно прохрипел Сергей Сергеевич.

– Что? – Ведьма резко повернулась к телу.

– Опять началось, – промямлил психотерапевт.

– Ты же ничего не делал.

– Значит, он «включается» сам по себе.

– Тихо! – Тина выхватила телефон и запустила диктофон.

– Из близкого подземелья вырвется пес, не знающий жизни, – продолжил Сергей Сергеевич, не открывая глаз и не шевелясь. – И будет он неприкаян. И призовет Пустошь. Она явится – жадная и голодная. Плоть – пища ее, и плоть ее хозяина – пища ее, и моя плоть – пища ее. И станут камни на земле и под землей. И станут подземелья пустые, и небо пустое, и земля пустая, и не будет жизни, нигде. Иссякнут источники и Внешние миры…

Дальше речь бизнесмена стала неразборчивой, но, судя по четким обрывкам, он в разных вариантах повторял пророчество. Прозвучало оно жутко, но при этом довольно бессмысленно.

– Что такое Пустошь? – негромко спросил Данил.

– Понятия не имею.

– А Внешние миры?

– Другие планеты.

– Обитаемые?

– Да, – кивнула ведьма. – Выражаясь современным языком, при навах, чудах и людах Земля была центром межзвездных империй, но потом технология перемещения между мирами была утеряна.

– Круто.

– Круто было бы, если бы технология до сих пор действовала. А пока это просто крутая легенда.

– Все равно круто.

– Как скажешь.

Сергей Сергеевич тем временем затих, дыхание его выровнялось, и теперь ничего не напоминало о внезапной вспышке активности.

– Даниил, в прошлый раз он говорил то же самое? – поинтересовалась Тина.

– Примерно, – подтвердил врач. – Только тогда больше про мертвую собаку из подземелий вещал, а сейчас – акцент сместился на конец света.

Мертвая собака. Тот монстр в парке, что разорвал Федосею, а еще раньше до смерти напугал девушку Алису, был похож на собаку… Что, если толстяк-бизнесмен говорит о нем?

– Тина, может, он ваш?

Девушка чуть не подпрыгнула.

– Кто наш?! Пес?

– Сергей Сергеевич, – поправился Даниил. – Возможно, он маг, который до поры до времени не знал о своих способностях, а эти артефакты их пробудили? И это вовсе никакое не пророчество, а, например, заклинание.

– Нет, это не заклинание.

– Жаль.

– И у него точно отсутствуют магические способности.

– Понятно.

– Но ты все равно молодец, Даня.

– Почему? – удивился врач.

– Потому что подкинул мне интересную идею, которая может объяснить происходящее…

– То есть дело не только в Сергее Сергеевиче? В смысле – не только в бракованном артефакте?

– Увы, Даня, проблема твоего клиента связана с артефактом. Но, будучи в трансе, он почему-то занялся прорицанием… Такое случается даже у челов без способностей – рудиментарные всплески.

– Я знаю.

– Вот и хорошо.

– Мне что делать? В пять за ним приедут.

Даниил пребывал в отчаянии, но помочь ему Тина не могла.

– Я в «Заговор Слуа» не полезу – у меня нет опыта работы с этим арканом, да я его и не потяну, – мягко произнесла она, прикоснувшись к плечу друга. – Тебе рекомендую поступить так: сними «Кольцо сновидений» и попробуй вновь отправить клиента в транс.

– Он уже в трансе.

– Он в плохом трансе, а ты попробуй заново, – объяснила ведьма. – И когда он там окажется – выводи обычными методами.

– Перезапустить систему?

– Мои друзья из IT рекомендуют начинать с этого, – улыбнулась Тина.

Врач немного расслабился, но через секунду вновь нахмурился:

– А если не получится?

– Если не получится – вызывай Штара и требуй помощи, – жестко ответила ведьма. – Только сначала сними «Кольцо

сновидений», чтобы Штар ни о чем не догадался.

– А если и у него не получится?

– Звони в Службу утилизации.

Поразмыслив, психотерапевт пришел к выводу, что получил отличный совет, и кивнул:

– Спасибо.

– Не за что. Короче, держись! – Девушка быстро поцеловала его в щеку. – Где мой рюкзачок?

– У тебя неприятности? – опомнился Даниил.

Он только сейчас сообразил, что подруга выглядит на удивление грустной, и устыдился того, что говорили они в основном о его неприятностях.

– Пока не знаю, насколько серьезные, – ответила девушка.

– Продолжается нафаршированный проблемами день?

– Нафаршированный проблемами день плавно перешел в нафаршированную проблемами ночь.

– Я могу помочь?

– Справляйся со своими трудностями. – Тина еще раз поцеловала врача, на этот раз в губы, и провела рукой по его щеке: – Увидимся.

А выйдя из подъезда, остановилась, уставившись на осенние деревья.

Итак.

«Из близкого подземелья вырвется пес, не знающий жизни».

«Близкое подземелье» – подвал, метро, цокольный этаж? Скорее всего – Лабиринт. А если страшная псина приходит из Лабиринта, о ней должны знать осы. Осы знают все, что творится на их территории, но связываться с ними довольно опасно, поскольку невысокие охотники, ловко управляющиеся с гигантскими крысами, не всегда понимали, чего от них хотят, а говоря точнее – были несколько ограниченны. Но если договориться с ними до того, как тебя сожрут, осы окажутся прекрасными друзьями и помощниками.

Рискнуть?

Придется.

Тина присела на скамейку, раскрыла рюкзак и занялась ревизией содержимого. Первым под руку попался «ПМ» – холодный, вороненый, тяжелый и в большинстве случаев абсолютно бесполезный против нелюдей, особенно в неопытных девичьих руках. Жаль, Тина этого не знала, когда бойкий шас несколько лет назад втюхал ей «макаров» под видом абсолютного оружия. Кошелек с приличной суммой наличными – на всякий случай. «Различитель» – темные очки, позволяющие смотреть сквозь морок, не тратя драгоценную внутреннюю энергию, сим-

карта на чужое имя, две склянки «разрыв-травы», браслет с «Эльфийскими стрелами», пудреница с «Пыльцой Морфея» и целая россыпь «Дверей», замаскированных под сувенирные томики стихов, размером в половину ладони. Тина никогда бы не обратила на них внимания, если бы фея, стоявшая у прилавка в магазине Генбека Хамзи, не раскапризничалась, что они слишком тяжелые. А Тине, наоборот – идея спрятать аркан в книгу поначалу понравилась, но когда девушка узнала, что артефакты одноразовые и после применения исчезают, расстроилась. Ее огорчало, что придется уничтожать ради мгновенного перехода томик Пушкина или Есенина, но было поздно – Генбек отказался принять товар.

Еще на дне рюкзака отыскались дефектный усмиряющий «поводок», вызывавший у некоторых клиентов парадоксальную реакцию возбуждения, и четыре «батарейки» с энергией Колодца Дождей, а в кармашке под молнией прятался железный значок, изображающий хищно оскалившуюся акулу – артефакт с заклинанием «Рыбацкая сеть». Вот это ценная вещица! Тина совсем забыла, что у нее есть артефакт, способный блокировать любого мага, запирая его силу внутри.

Она надела заряженный браслет, сменила в телефоне сим-карту, встала и накинула рюкзак на одно плечо. Подержала на ладони томик Жуковского, тихо выругалась, проклиная собственную сентиментальность, убрала томик в карман и побрела искать такси.

* * *

Складские помещения за бетонным забором

Москва, Звенигородское шоссе, 18 октября, вторник, 01:07

Маленькая частная армия, печальная, безденежная и трезвая, сидела в возмутительно пустом кузове «Газели» и внимательно прислушивалась к завывающему снаружи ветру. Через многочисленные щели под тент проникал холодный, как договоры шасов, воздух, который заставлял дикарей ежиться и недвусмысленно давал понять, что на улице еще хуже.

Но все понимали, что идти необходимо.

– Пора? – в очередной раз спросил Тыква.

Дрезина взглянул на часы, поскреб указательным пальцем под банданой и отрицательно покачал головой.

– Время нехорошее. Одни нули сплошные, видишь? Не к добру это. Без добычи останемся.

– И тринадцать тоже не к добру, – почему-то сказал Четвертый.

– Откуда ты знаешь?

– Все знают.

– Если все знают, то почему я не знаю? – удивился уйбуй.

– Не знаю.

– Я знаю, что не знаю. Я спрашиваю, почему не знаю?

Четвертый задумался.

Дрезина открыл рот, собираясь продолжить скандал, но Стамеска неожиданно сообщил:

– Двадцать три – тоже так себе число.

И высморкался, показывая, что против такого аргумента мало кто устоит. Дрезине показалось, что у него с числом 23 что-то связано, но что именно, он пока вспомнить не мог, поэтому осведомился:

– Почему? – В надежде, что ответ бойца даст ему подсказку.

Но не получилось.

– Я тогда родился, – ответил Стамеска.

– Э-э…

– Ты такой старый? – изумился Тыква. – Как Сантьяга?

– Сантьяга совсем дряхлый, – отмахнулся Стамеска.

– Ты дурак? – испуганно прошипел Четвертый. – Вдруг услышит! А ты о нем непочтительно. Из-за тебя пострадаем мы.

– Я страдать не хочу, – сообщил Дрезина, натягивая на руку кастет.

– Мля… Я не то ляпнул, – заныл Стамеска. – Я хотел сказать, что Сантьяга дряхлый, но бодрый.

Оправдание получилось так себе.

– Ты лучше заткнись, – посоветовал Тыква.

– Уже молчу.

Конфликт, в общем, следовало признать исчерпанным, но Дрезине показалось обидным, что кастет натянулся на руку просто так, без продолжения, и он мрачно поинтересовался:

– А ты почему такой старый, Стамеска? Тоже нав?

– Мля, я двадцать третьего числа родился, – отозвался боец.

– А-а…

– А месяца какого? – въедливо уточнил Четвертый.

– Какая разница?

– Тоже верно.

И все задумались, каждый над своей судьбой. Над тем, какое влияние оказывает на нее дата рождения и вообще – цифры, о том, что цифры, которые они чаще всего видят, нарисованы на

деньгах, и о том, что денег с этими цифрами у них нет.

– Ну что, идем грабить? – нехотя спросил Тыква, отвлекаясь от тягостных размышлений.

– Без оружия? – уныло спросил Четвертый.

– А если бумагу сторожу покажем и прорвемся через центральный вход? – спросил измаявшийся Стамеска, у которого живот сводило от голода, ноги от холода, а мозг – от недостатка алкоголя.

– Операцию мне сорвать вздумал?! – рявкнул уйбуй.

– Так ведь документ есть! С адресом, с печатью. И склад прямо там, где написано! Стоящая бумага.

– Стоящие бумаги только в «Шась-принт» клепают. Ты эту свою накладную у шасов брал?

Стамеска задумался, вызвав в памяти массивный образ Марианны. Эта женщина весомых достоинств пугала и манила его одновременно, но на черноглазую шасу, увы, походила мало.

– Может, ты за эту бумагу еще и денег заплатил?

Стамеска отчаянно замотал головой.

– Не платил, стало быть.

– Нет.

– Тогда тем более верить твоей бумаге нельзя. Мало ли почему там адрес правильный, – назидательно закончил Дрезина. – Не будет вам проникновения на территорию под видом погрузки и прочих этих заумных штучек. Как сторожа перепьются и уснут, ломаем стену – и забираем все, что понравится.

– А если не перепьются?

– Как это? – растерялся уйбуй.

Стамеска замялся, понимая, что сморозил глупость.

– В смысле, если перепьются, но не заснут, как стену ломать будем?

– Заснут.

– Мы от них с другой стороны подъехали, откуда не слышно, – поддержал командира Тыква. – Я когда на воротах Форта в ночь стоял, враз отрубился. Из наших тогда вообще никто до рассвета не дотянул.

– Часовых чаще менять, пойло отбирать, разводящего обыскивать, – пробормотал Четвертый.

Уйбуй выразительно покрутил пальцем у виска, но промолчал.

– А когда они перепьются? – спросил Стамеска. – А то холодно в кузове сидеть… Или пошли в кабину греться.

– В тепле уснем, – предсказал Тыква, и спорить с ним никто не стал.

– Думаю, перепились уже, – решительно произнес уйбуй.

– Откуда знаешь?

– А чего тянуть? Ты бы стал?

– Нет.

– Вот и они нет. Пошли!

Соблюдая конспирацию, Шапки подогнали «Газель» задом почти вплотную к забору и теперь испытывали некоторые затруднения при десантировании, по очереди прыгая прямо в бетонную секцию, натыкаясь друг на друга, ругаясь и потирая ушибленные места.

Тыква и Стамеска вооружились ломами. Четвертому, как самому исполнительному, вследствие черепно-мозговой травмы вручили тяжелую кувалду, а уйбуй с важным видом достал из кармана ярко-красный пластиковый браслет, похожий на те, что выдают в отелях или раздевалках фитнес-центров.

– Грабить будем тайно. Под мороком, – важно объявил он и застегнул браслет на левом запястье.

– Артефакт! – благоговейно выдохнул Четвертый и взял в руки кувалду.

Судя по тому, как часто он начал принимать участие в разговоре, боец шел на поправку и мог в любой момент вспомнить себя. Стамеска и Тыква с ломами на изготовку встали с двух сторон от него.

– Готовы? – громким шепотом спросил уйбуй.

– Готовы, – дружным шепотом подтвердили бойцы.

– Батарейка дохлая, морока надолго не хватит, – предупредил подчиненных Дрезина. – Начинайте!

И дикари обрушились на бетон всей нечеловеческой мощью. Забор поддался, крошась и содрогаясь. Дрезина заглянул в образовавшийся лаз и уперся глазами в стену складского помещения, возведенную практически вплотную к забору, в нарушение всех строительных норм и правил техники безопасности. После чего озадаченно почесал под лопаткой – наличие второй стены он почему-то не предполагал.

– Ломайте дальше! – приказал он, покосившись на Четвертого, по инерции махавшего кувалдой, пока Тыква со Стамеской оттаскивали его от проделанной дыры. – Нечего тут вхолостую, мля. Сразу здесь на склад и зайдем.

Так и получилось.

Разогнавшиеся подчиненные ухитрились быстро проломить и следующую стену, но когда обрадованные дикари оказались внутри, то выяснили, что склад забит не пачками наличных или, скажем, золотыми слитками, а банками с краской, рулонами утеплителя и прочими строительными и отделочными

материалами. Шапки, искусно направляя вошедшего в раж Четвертого, прошли через хранилище по кратчайшему пути, пробили противоположную стену и оказались перед следующим ангаром.

– Обойдем? – неуверенно предложил Стамеска.

– Зачем? – искренне удивился Тыква.

– Так там двери с торца.

Оставшийся без присмотра Четвертый подошел к новому препятствию, размахнулся и нанес сокрушительный удар.

– Так пойдем, – сказал уйбуй. – Разговариваешь много, Стамеска. То к сторожам ему надо с бумагами. То перед дверьми светиться… Подозрительно. Ты у меня, часом, не перевербованный?

– Никак нет! – отчеканил Стамеска, вытянулся и выпучил глаза, словно и в самом деле разговаривал с генералом.

– Тогда стену ломай. Помогай Четвертому, пока мне не пришло в голову, что ты насчет склада не только со своим командованием договорился, но и с вражеским.

Дрезина соображал слишком быстро. Его параноидальная подозрительность наводила на мысль о заначке, к которой уйбуй время от времени прикладывался. Противостоять такому противнику в интеллектуальном поединке – дело гиблое. Не произнеся ни слова, чтобы не навлечь на себя еще больших подозрений, Стамеска с удвоенной энергией кинулся ломать стены.

Но и на втором складе наличных не оказалось, и вместо дождя из купюр проломивших стену дикарей засыпало пачками стирального порошка. Некоторые из них порвались, и белая химическая пыль опустилась на дикарей. Злые, кашляющие и ругающиеся, они без приказа прорвались через склад и принялись за следующую стену.

Трое Шапок – голодных, злых и трезвых, а потому мало что соображавших, представляли собой неудержимое стенобитное орудие. Уйбуй Дрезина посмотрел на часы и остался доволен темпами проведения операции. Маленькая частная армия уверенно продвигалась вглубь территории, сметая на своем пути одно препятствие за другим, но при этом оставалась невидимой – артефакт морока уверенно работал, скрывая шалости дикарей от челов. Что же касается текущих неудач, то есть обнаружения то стройтоваров, то бытовой химии, то уйбуй не расстраивался, по опыту зная, что если грабить долго, обязательно наткнешься на что-нибудь ценное.

И опыт не подвел.

Пройдя насквозь два кирпичных здания и пять небольших

ангаров, маленький отряд действительно наткнулся на нечто ценное – продовольственный склад. И на этом рубеже мечты уйбуя Дрезины о непобедимой частной армии рассыпались в прах.

– Виски… Мля! – зачарованно выдохнул Четвертый и выронил тяжелую кувалду.

– Жратва и анархия! – завопил политически неблагонадежный Тыква, бросаясь к стеллажам с алкоголем.

– За фюрера! – заревел Дрезина, перехватывая инициативу.

Первоначальный план отыскать штабели наличных, закупить снаряжение и оружие, найти заказчика и начать героическую карьеру был забыт. Оказавшись в сокровищнице халявы, среди паленой водки, шотландского виски из Польши, коробок консервов и пластиковых ведер с красной икрой, дикари поняли, что жизнь прекрасна и без создания рискованного ЧВК. Пока есть великий фюрер, мощь Южного Форта и неиссякаемый Источник, источающий магическую энергию из самых недр Тайного Города, дикарям вредно думать о завтрашнем дне. Думать лучше о том, как все-таки остаться десятником, когда бойцы окончательно перепьются. Но попозже. Пока, не обращая внимания на подозрительно косо наклеенную на ведро этикетку, Дрезина, давясь от жадности, заедал виски красной икрой.

* * *

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Энергетическая, 18 октября, вторник, 01:29

Добраться до Лабиринта не составляло никакого труда: достаточно было набрать это слово в поисковой строке «Тиградком», и на карте сразу появлялись ближайшие или наиболее удобные проходы под землю. Указывались даже специальные магические пути, если не было желания или возможности таскаться по человским коридорам.

Но у каждого прохода обязательно появлялось предупреждение: «Администрация сайта не несет ответственности за путешествия по территории осов!» Предупреждение появилось после того, как веселые ко́нцы устроили «необычную» вечеринку в одной из пещер, недосчитались парочки моделей и не нашли ничего лучше, чем подать в суд на «Тиградком». Шасы юридического колена азартно взялись за дело, но отсудить у

корпорации ничего не удалось – на ее сторону встали все три Великих Дома, что было названо «циничным притеснением свободы», но не более, поскольку связываться с ведущими расами Тайного Города не рисковали даже носатые. Ну, то есть рисковали, но не ради ко́нцов.

Что же касается Тины, то она подготовилась к встрече с осами: накупила сыра, сосисок и сахара, после чего направилась к ближайшему «магическому» проходу.

«Я не боюсь, – сказала себе девушка, чувствуя, что машинально замедляет шаги. – Я совсем не боюсь крыс и подземных охотников. И собаку из близких подземелий – тоже. И я… Я обязательно переживу эту ночь!»

Она смахнула слезинку с угла глаза. Темный двор жилого дома словно всплакнул вместе с ней, на секунду деформировались окружавшие его многоэтажки, разбился на сотни искр свет фар проезжавших по улице автомобилей. И не успев сообразить, что происходит, Тина по инерции шагнула сквозь пленку чужого морока.

В нее словно выстрелили облаком мелких ледяных игл, каждая из которых стремилась высосать душу.

И в следующий миг пришел страх.

Подсознательный.

Вызывающий только одно желание – бежать! Бежать как можно скорее и как можно дальше.

И девушка поняла, сквозь чей морок прошла и кого сейчас увидит.

Только одна раса Тайного Города настолько чужеродна остальным, что их омерзительная, выстроенная на крови магия повергает в инстинктивный ужас. Единственные из нелюдей, с чьим существованием Тина никак не могла примириться, не признавала за ними права на извращенную полужизнь и не понимала, почему Великие Дома не истребили кровососов. Только от них тянуло таким холодом, что все тело покрылось мурашками, а сердце едва не выпрыгнуло из груди.

Масаны – подданные Темного Двора. Вампиры, рыщущие в поисках жертв. И не похоже, чтобы те ночные охотники, что окружили сейчас ведьму, действовали в соответствии с наложенными на них Догмами Покорности.

Леденящая завеса морока сомкнулась за спиной, отрезая от окружающего мира, и Тине ничего не оставалось как посмотреть вперед. А впереди стоял старый деревянный дом, обнесенный металлической сеткой и со всех сторон окруженный многоэтажками. Гадать, почему он до сих пор не попал под снос, зачем челы или нелюди сберегли его, времени не осталось.

Времени не оставалось ни на что.

Девушка скользнула взглядом по захламленному дворику, по металлическому почтовому ящику, по деревянному забору, на котором корчилась чья-то распятая тень, а в следующий миг возле нее возник бледный парень:

– Это ведьма!

– Чья?

– Человская.

А Тина никак не могла сообразить, с кем из вампиров имеет дело. Глаза у парнишки были посажены так неестественно глубоко, что почти провалились внутрь черепа, на них падала жидкая белесая челка, но жидкие волосы не могли прикрыть крупную лобастую башку с оттопыренными ушами. Очень характерные признаки вампиров из клана… из клана…

– Чего молчишь?

– А что… – Язык не слушался, и Тина с огромным трудом пролепетала: – Что я должна сказать?

Упырей было не менее семи, определить точнее напуганная девушка не могла, и все они толпились у прибитой к забору жертвы. И Тина могла поклясться, что там распят не чел, а кто-то из нелюдей. Потому что чел бы на его месте уже умер…

Нав! Это был нав!

И он страшно мучился.

А масаны весело смеялись. Они тщательно приготовили западню и теперь наслаждались победой.

– Я случайно… – пролепетала Тина. – Извините, что помешала…

Она сделала шажок назад. И вздрогнула, увидев вышедшую из толпы кровососов женщину.

– Мне очень жаль, детка.

В глубине ее широко расставленных глаз, точно два лазерных прицела, горели пронзительно-красные зрачки.

– Я никому не скажу, – прошептала похолодевшая Тина.

Неестественно тонкие губы растянулись в подобие улыбки, исказив бледное лицо так, что оно практически утратило человеческие черты.

– Конечно, не скажешь, дорогая.

– Честное слово…

– Ты оказалась не в том месте и не в то время, так бывает. Цезарь, освободи нашу гостью от ноши.

Масан сорвал с девушки рюкзак.

Теперь из оружия у нее только «Эльфийские стрелы» в браслете и… Соскальзывая, лямка рюкзака на секунду зацепилась за простенькое колечко, и ведьма вспомнила об

«Иллюзионе».

«Ну, хоть что-то…»

– Цезарь, ты слишком неуклюж, – улыбнулась женщина.

И Тина увидела иглы… Страшные, острые клыки, которыми вампиры впивались в свои жертвы.

– Мамочка, можно я буду первым?

– Конечно, дорогой.

– А я – второй.

– А я – третий!

– Девочка маленькая, на третьего может не хватить.

– Тогда я высушу кого-нибудь еще!

– Кого угодно…

– Нет! – обезумевшая от страха Тина активировала «Иллюзион» и заорала: – Солнечный свет!!!

И представила, как двор заливают яркие утренние лучи.

И они залили – тут же, как только «Иллюзион» понял задачу.

Перепуганные масаны заметались вокруг, не сообразив, что убийственный для них свет – всего лишь иллюзия, а Тина бросилась к пленнику. Освободить…

Но чем?!

Темный прибит гвоздями, а у нее ничего нет! Рюкзак отобрали… Магией? Но как?

Опыта в таких делах у девушки не было. Она запаниковала, начала терять время, но, на ее счастье, а точнее – на их счастье, нав держал происходящее под контролем и понял, что за чудо примчалось к нему на помощь.

– «Рыбацкая сеть», – прохрипел он, указывая глазами вниз.

Девушка проследила за его взглядом и против воли вскрикнула, разглядев изображающий акулу значок, который кровососы вбили темному в грудь.

– Это морок! – завопила тем временем атаманша.

А в следующее мгновение Тина вырвала из тела нава блокирующий магическую энергию артефакт.

– Отлично! – Темному было плохо, очень плохо, но магия и возможность поквитаться с обидчиками придали ему сил. – Теперь поговорим!

Гвозди, которыми нав был прибит к забору, вылетели, развернулись, мгновение повисели в воздухе, а затем устремились к вампирам.

– Это же просто железо…

– Они в моей крови!

– Ах да!

А навская кровь была для масанов худшей отравой, и вопли упырей подтвердили эту нехитрую истину. Острые гвозди рвали

кровососов, доставляя им жуткую боль, и позволили ведьме и темному перевести дух.

– Почему твои раны не затягиваются? – спросила Тина.

– Они резали меня обсидианом.

А это была самая страшная отрава для темных.

Нав опустился на одно колено и пошарил в траве рукой.

– Ты его видишь?

– Кого?

– Меч.

– Сейчас, сейчас… – Ведьма огляделась, заметила оружие и подала его темному. – Вот.

– Стой у забора.

Нав вздохнул, переложил катану в левую руку – она меньше пострадала, медленно поднялся на ноги, а затем… А затем девушка ничего не увидела. Вообще ничего, даже «стремительную тень», как любят писать в книгах. Ничего.

Только слетела голова у одного масана.

Затем – у Цезаря.

– Мама! – воскликнул молодой вампир, глядя на атаманшу.

И та взвыла:

– Трус!

В ответ раздался смешок:

– И это мне говоришь ты? Вас было десять.

– Ты сам видишь, что этого мало.

– Пожалуй… – Нав остановился. Или сбросил морок. Или появился тут… В общем, нав стал виден. – Так лучше?

– Будь ты проклят! – с чувством произнесла масана. – Будь ты проклят за все страдания, которые причинил моей семье. Будь ты проклят за то, что натворил.

В ответ темный поднял указательный палец левой руки и внятно произнес:

– Догмы Покорности.

И прежде чем масана ответила, взмахнул катаной, снося ей голову.

Драка закончилась за явным преимуществом одной из сторон.

– Ох! – прокомментировала финал девушка. – Ну ты даешь!

Ничего более умного ей в голову не пришло.

– Я должен был это сделать быстро, – с трудом ответил нав. И вновь опустился на колено, на этот раз – от слабости. – Я потерял много сил.

– Вижу. У тебя есть «Дырка жизни»?

– Забрали.

– Хочешь, я позвоню твоим?

Но у темного, оказывается, были иные планы:

– У тебя есть «Дверь»? – спросил он ведьму.

– Сейчас… – Она подняла с земли рюкзак. – Да, есть. – И мрачно посмотрела на въехавшую во двор полицейскую машину. – Как долго продержится морок?

– Еще пару минут. «Дверь» давай.

– Держи. – Тина протянула темному томик Жуковского.

– Тургеневская девушка?

– Откуда тебе известно такое понятие?

– Много читаю. – Нав сжал книжку-артефакт в кулаке, закрыл глаза, видимо, управляя переходом, и вызвал черный вихрь: – Пошли.

– А здесь…

– Здесь приберутся. Пошли.

И Тина шагнула в портал.

Глава 5

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Авиамоторная, 18 октября, вторник, 01:56

Расставшись с Тиной, Даниил некоторое время сидел на кухне, бездумно уставившись в беспросветно черный мрак за окном и попивая такой же беспросветно черный кофе. И «наслаждаясь» таким же мраком в душе.

Будущее виделось отвратительным. С одной стороны, назревают неприятности от подчиненных Сергея Сергеевича или, что гораздо хуже, от его деловых партнеров. Нравы в среде крупных бизнесменов царят волчьи, сожрать кусок чужого пирога или закопать компаньона там почитается обыденным, однако сейчас пациент, что называется «на коне», нужен всем, и за него могут крепко наказать. С другой стороны, признавшись в случившемся Службе утилизации, врач, скорее всего, решит проблему «возвращения» спящего бизнесмена, но обретет крупные неприятности по линии Великих Домов, которые недолюбливали угрозы режиму секретности. Да к тому же порожденные челами. Вот и получалось, что наиболее перспективным выходом из создавшегося положения был путь, подсказанный Тиной – надавить на Штара Томбу и попытаться разрешить ситуацию с его помощью. Но сказать это было проще, чем сделать, потому что Штар был шасом.

И не просто шасом – Штар был контрабандистом.

Несмотря на то, что люди давным-давно отказались от магии в пользу технологий и создали уникальную цивилизацию, не опирающуюся на древние силы, среди них по-прежнему рождалось большое количество магов… Точнее, не магов, а тех, кто обладает магическими способностями. В большинстве случаев они проживали самую обыкновенную жизнь, лишь изредка удивляя окружающих неконтролируемыми проявлениями сверхспособностей: почувствуют опасность и остановятся за мгновение до упавшего с пятого этажа рояля, не сядут в обреченный самолет, пробудут пятнадцать-двадцать минут без воздуха, ответят на удар молнией, предскажут будущее… Все эти «чудеса» творились неосознанно, в те моменты, когда нераскрывшийся маг накапливал достаточное количество рассеянной по миру энергии, и повторить их бедолаги не могли,

как бы ни старались.

Но некоторым везло.

Предприимчивые шасы давным-давно поняли, что такое положение вещей сулит им огромные прибыли, и занялись контрабандой магической энергии и даже артефактов, помогая челам раскрыться и обрести себя. Великие Дома этот бизнес не приветствовали, но поскольку противодействие ему требовало огромных затрат, был достигнут компромисс: контрабандистов обложили колоссальным налогом и предельно жестко предупредили насчет возможных нарушений режима секретности. Шасы поскрипели, пожаловались друг другу, но условия приняли. В итоге сложилась устраивающая всех ситуация: носатые торговали, Великие Дома зарабатывали на получаемых от них налогах, человские маги обретали возможность творить чудеса, но при этом не узнавали о Тайном Городе, искренне веря в ту чушь, что придумывали для них торговцы.

При этом контрабандисты считались самыми жесткими представителями семьи, неудобными переговорщиками и вообще тяжелыми парнями. Честно говоря, Даниил ни за что не обратился бы к ним, но Штара он знал много лет, доверял, и теперь надеялся, что тот не оставит его в беде.

– Привет.

– Вообще-то ночь на дворе, – сварливо отозвался шас.

– А чего не спишь? – хмыкнул врач.

– Ты меня разбудил.

– А что это за звуки на заднем плане? – ехидно поинтересовался Даниил. – Диджей надрывается?

– Забыл выключить телевизор.

– Ты в клубе.

– Это тебе снится, – однако ответил шас неохотно, понимая, что обвинить чела в ночном звонке не удалось, а значит, преимущества в разговоре не будет. – Чего звонишь?

– Штар, мне нужна помощь, – не стал скрывать психотерапевт.

– Продать тебе что-нибудь? – оживился шас.

– У нас большие проблемы.

– Если ты мне звонишь, то проблемы у тебя.

– Ты продал мне бракованный артефакт.

– Какой?

– «Гипнодинамик С».

Контрабандист помолчал, после чего измененным голосом поинтересовался:

– Как тебя зовут? Кто ты? Вы ошиблись номером.

– Штар, хватит паясничать! – резанул Даниил, чувствуя, что

их диалог переживает переломный момент: если сейчас торговец «спрыгнет», у него не останется выхода. – Ты ведь понимаешь, что у меня было два телефонных номера перед глазами и то, что я позвонил тебе, а не в Службу утилизации, показывает, как хорошо я к тебе отношусь.

– Я буду все отрицать, – предупредил Томба.

– Из-за твоего артефакта я не могу вывести пациента из транса.

– Чел?

– Чел.

– Отвези его за город и брось в лесу.

– Это очень крутой чел, и в пять утра за ним приедут телохранители.

– Вооруженные?

– До зубов.

– Почему ты не опробовал артефакт на каком-нибудь другом челе? – простонал Штар так, что впервые с начала разговора заглушил грохочущую в клубе музыку.

– А почему ты не сказал, что артефакт бракованный? – вопросом на вопрос ответил врач.

– Не бракованный, а экспериментальный.

– А я как сказал?

– Проклятье! – Контрабандист лихорадочно просчитывал сложившуюся ситуацию, пришел к выводу, что отвертеться не получится, и велел: – Ладно, посмотрю, что можно сделать. Сиди дома, никуда не уходи. Я скоро приеду.

– В пять часов клиент должен быть как огурец.

– Лежать в бочке?

– Выходить из моей квартиры в обнимку с телохранителями.

– Выйдет он, выйдет, – пробормотал Штар. – В крайнем случае я вместо него выйду: морок еще никто не отменял.

Даниил уныло вздохнул.

* * *

Москва, улица Красная Пресня, 18 октября, вторник, 02:02

Стандартный артефакт «Дверь» собственными мозгами не обладал, решение о перемещении не принимал и, как правило, строил портал по заранее заданным координатам или на стационарные маяки, проводя стандартную проверку безопасности. Однако нав не собирался следовать проторенной дорожкой и, сжав томик Жуковского в кулаке, не только

активировал артефакт, но и перепрограммировал его, на что девушке потребовалась бы пара дней времени и помощь опытного мага. В результате они оказались не в безопасном осеннем парке, куда нацелилась бежать девушка, а в аптеке брата Висцеруса. Днем в ней посменно трудились племянники старика, а ночью за прилавок становился сам Висцерус, обожающий долгие разговоры с клиентами, которые никуда не торопятся, и неожиданные повороты сюжета, которых ночная жизнь подбрасывала ему достаточно.

Нельзя сказать, что внезапное явление раненых сильно удивило эрлийца, но появились они достаточно эффектно.

Перемазанная кровью Тина вывалилась из портала первой, потеряла равновесие и едва устояла, схватившись обеими руками за прилавок. Тяжелый рюкзак долбанул в витрину, стекло выдержало, но с соседней полки посыпались многочисленные флакончики и упаковки. Нав со стоном рухнул следом и прикрыл глаза, словно собираясь вздремнуть. Висцерус же покосился на гостей поверх очков, пососал карамельку на палочке, к которым пристрастился на старости лет, подумал и ехидно произнес:

– Когда я писал на дверях «Круглосуточно», я имел в виду совсем другое.

– Неужели? – осведомилась Тина.

– Ага.

– И что же вы имели в виду?

– Мне представлялись интеллигентные клиенты, милые, болезненные и платежеспособные, которые чинно поднимаются по главному крыльцу…

– Кх-м-м… – неразборчиво высказался нав.

– Он что, ругается? – поинтересовался эрлиец.

– Думаю, он умирает, – не стала скрывать ведьма.

– Этого трудно добиться… – Однако черная кровь, тягуче выливающаяся из незаживающих ран, подсказала старику, в чем дело. – Обсидиан?

– Да.

Висцерус покопался в столе и бросил девушке ампулу с красной жидкостью:

– Сломай у него под носом.

– Просто сломать?

– Да.

– Это же стекло.

– Знаю.

– А если я порежусь?

– Я тебя вылечу.

Противостоять железной медицинской логике не было

никакой возможности. Тина вздохнула, послушно поднесла ампулу к лицу нава и переломила пополам. Не порезавшись.

Жидкость, к удивлению девушки, не разлилась, а испарилась, едва смешавшись с воздухом, обратилась в алое облачко, которое следующим вздохом втянул в себя темный.

– Это успокоит его на какое-то время, – хмыкнул подошедший эрлиец. Присел рядом с ведьмой и принялся споро срезать с нава остатки одежды.

– Кто его так?

– Масаны.

– Дикие.

– Какие еще?

– В Службу утилизации звонила?

– Забыла.

– Позвони.

– Да, сейчас… – На девушку стал накатывать отходняк, но старый врач хорошо знал свое дело и ловким движением приложил к лицу ведьмы марлевый тампон, смоченный горько пахнущей жидкостью.

– Вдыхай!

Ошеломленная Тина подчинилась, на мгновение замерла, чувствуя, что ее вот-вот вырвет, а еще через пару секунд с изумлением поняла, что в голове прояснилось, руки больше не дрожат, и в целом ощущается некая бодрость.

– Стимуляторы?

– Совсем чуть-чуть, – не стал врать старик. – Но в основе – натуральные травы.

– Спасибо.

– Звони в Службу.

Девушка кивнула, отошла к стойке и взялась за телефон, наблюдая за тем, как эрлиец обрабатывает раны темного густой мазью. Только сейчас, при ярком свете, Тина поняла, как жестоко обошлись вампиры с навом, и призналась, что не понимает, каким чудом темный ухитрился их победить. Потому что сейчас она видела не раненого воина, а изрезанное тело, плавающее в луже натекшей крови. Черной и густой, как битум.

– Служба утилизации. – Тина позвонила со стационарного телефона аптеки, поэтому оператор пренебрег конспирацией. – Чем могу помочь?

– Хочу донести о незаконных действиях масанов Носферату. Совершено покушение на нава…

– На нава?

– Морок исчезнет примерно через три минуты, записывайте адрес, нужно прибраться.

Девушка объяснила, где искать тела, и сразу же, не дожидаясь дополнительных расспросов, повесила трубку. Телефон тут же ожил, но ответить оказалось некому: эрлиец продолжал заниматься раненым, а девушка сочла свой долг выполненным.

– Как он?

– Нас всех переживет.

– В этом я не сомневалась.

– Но правую руку ему здорово покалечили. Скорее всего, без хирурга не обойтись.

– Зарастет, – сообщил нав, открывая глаза.

Присутствующие вздрогнули. Не то чтобы темных боялись, просто в их присутствии всем становилось чуточку не по себе. Даже подданным князя.

– Привет, – на всякий случай поздоровался старик.

– Висцерус, я знал, что на тебя можно положиться, – улыбнулся нав.

– Почему не отправился в Обитель?

– Там бы меня надолго задержали, а Сантьяга не позволил бы заняться моими новыми друзьями так, как этого они заслуживают.

– Разве вы не всех… ну… – Тина замялась, не зная, как продолжить.

Однако темный прекрасно понял, что имела в виду девушка, и объяснил:

– Мамочка, которую ты видела, это половина организаторов. Есть еще дедушка. Нужно его найти и вывернуть наизнанку.

В его устах это прозвучало обещанием, а не красивым речевым оборотом.

– Висцерус, представь нас.

– Тина, перед тобой Лега, – сообщил эрлиец, продолжая заниматься ранами пациента. – Лега, твою спасительницу зовут Тина.

– Очень приятно.

– Очень приятно.

Ведьма не раз забегала в заведение Висцеруса за всевозможными материалами, и они были знакомы уже четыре года. Но откуда об этом узнал нав?

Впрочем, подумать об этом девушка не успела.

– Не думал, что когда-нибудь скажу такое челу, но: если бы не ты, я был бы мертв, – произнес Лега. – Спасибо.

– Не за что.

Темный улыбнулся.

– За что они тебя? – не удержалась девушка, не особенно

рассчитывая на ответ.

Но, как это ни странно, услышала его:

– Не так давно у масанов намечалась свадьба. Роскошная свадьба дочери самого кардинала Носферату.

– На свадьбе случилось что-то очень плохое?

– Настолько плохое, что вызвали нас: дикие масаны испортили праздник. Ворвались и начали сводить счеты с кардиналом и со всеми подряд. А гости – как званые, так и не очень, открыли стрельбу. Мы навели порядок, но нас, разумеется, запомнили. И ты стала свидетелем попытки мести со стороны тех, кто выжил в «Специальном приглашении».

– Тщательно спланированная ловушка.

– Я часто бывал в этом районе, меня выследили.

– Такое случается.

– Ага… Возьми. – Нав извлек на свет маленький амулет на тонкой цепочке, похожий на серебряный свисток. Вещица была изящной, невесомой и скорее походила на шутку ювелира, чем на рабочий артефакт. – Он настроен на меня и, несмотря на размеры, в действительности очень мощный. Если ты дунешь, я услышу и приду на помощь.

– Сколько у меня попыток? Три? – лукаво сощурилась Тина, надевая подарок на шею.

– Две.

– Почему так мало?

– За то, что спасла, и за то, что доставила сюда.

Удивительное чувство: иметь в должниках темного воина, одного из самых опасных обитателей Тайного Города.

Ведьма подумала, что в предстоящем деле такое знакомство может здорово пригодиться, и приободрилась:

– Спасибо.

– Не за что.

– Выздоравливай.

– Я постараюсь.

Перед тем как покинуть аптеку, Тина переложила в карманы ветровки томик Лермонтова, брошь-акулу и мобильник. «Поводок» зазмеился рядом с брючным ремнем, а «ПМ», обратившийся в пластиковую карточку, оказался в заднем кармане джинсов. Затем девушка достала салфетку, о которую вытирала испачканные в крови Федосеи руки, аккуратно развернула, осмотрела и улыбнулась: внутри скомканной бумажки обнаружился жесткий черный волос!

«Ну что, собачка, вот мы и стали ближе друг другу…»

Тине очень хотелось запустить поиск по генетическому коду с компьютера Висцеруса, но она сдержалась.

Нет, не при них…

– Зачем здесь эти камешки? – громко спросил Дрезина у Мироздания.

Мироздание вежливо промолчало.

– Зачем?

Тот же ответ.

Уйбуй крякнул и сделал еще один глоток виски.

Активируя артефакт морока, купленный по случаю у Урбека Кумара и до сих пор ни разу «не надеванный», точнее, не использованный, Дрезина заметил на ремешке два маленьких, крепко приклеенных камешка: красный и голубой. Для чего их прилепили к браслету, уйбуй не знал, а если и знал, то есть спросил у Урбека, то забыл. И теперь, под влиянием удивительной победы и захвата нескончаемого склада виски, в нем проснулся интерес естествоиспытателя.

– Зачем?

– Лучше не трогай, – посоветовал Стамеска.

Тыква, наверное, тоже хотел что-то посоветовать, но говорить уже не мог и просто высморкался. Четвертый давно спал, обнимая кувалду. Другими словами, отговорить любопытного уйбуя от глупости никто не мог.

– Я проверю! – Дрезина с силой надавил на красный камень и принялся ждать результата.

Стамеска посмотрел на уйбуя, улыбнулся тонкой улыбкой разведчика, сокрушившего непобедимую военную машину, сравнимую по мощи с вермахтом, откупорил бутылку и с наслаждением приложился к горлышку.

Но прежде провозгласил:

– За Марианну!

Сожалея, что не уговорил прелестницу отправиться с ним на склад.

После чего впился в бутылку, и даже когда стена склада содрогнулась от удара, боец не оторвался от источника радости, а лишь громко и выразительно замычал, что должно было означать: «Какого черта? Кто еще мог догадаться грабить складские помещения, пробивая стены самоходным тараном? Я и не подозревал, что на этом поприще нам придется столкнуться с жесткой конкуренцией. Наш отряд безоружен и преступно беспечен. Надо быть начеку и обязательно предупредить командира!»

После чего Стамеска ткнул в бок Дрезину, а когда тот потянулся за кастетом – указал на стену.

– Что?

Ответить боец не успел: следующий тяжкий удар пришелся в запертые металлические двери, которые прогнулись, но выстояли. Снаружи что-то мерно рычало и скреблось, обходя склад по периметру и время от времени испытывая его на прочность. Дрезина вскочил, схватил два ведра красной икры и помчался к пролому, крикнув на ходу:

– Валим!

Подав храбрым воинам пример.

Просветленные алкоголем бойцы рассовали штучные бутылки по карманам, затем Тыква и Стамеска подхватили ящик виски и рванули за уйбуем. Дезориентированный Четвертый, пошатываясь, побежал следом, волоча за собой кувалду и усугубляя бардак. В узкое пространство между двумя соседними складами он выбрался последним, и это его сгубило.

– Кто это?! – выкрикнул несчастный боец, увидев перед собой гигантского черного пса. – Ребята, на помощь!

Но ребята, разумеется, вприпрыжку неслись подальше от страшного зверя.

– Уходи!

Рыжие глаза пса смотрели в разные стороны, одно ухо стояло торчком, второе, точно залитое оплавленным пластиком, прилипло к несуразно большой голове, и вид у черной зверюги был одновременно злобный и слегка дебильный.

– Пошел прочь! – ничего другого Четвертому не оставалось, и он храбро шагнул на тварь, совершив первый в своей жизни подвиг.

И последний.

Пес нагнул голову, распахнул пасть и вместо того, чтобы настороженно припасть на передние лапы, присел, подогнув под брюхо все четыре конечности. Четвертый и странное создание несколько секунд смотрели друг на друга, после чего боец сказал:

– Хорошая собачка…

А псина пружинисто выпрямилась, и ее мощные челюсти нацелились, чтобы сомкнуться чуть выше локтя несчастного…

Должны были сомкнуться, но за мгновение до этого Четвертый подхватил кувалду и мощно, но при этом почти без замаха, двинул псине по морде. Челюсти клацнули впустую. От неожиданности зверь пошатнулся и осел на задние лапы. Четвертый вновь размахнулся, бросился на тварь и сбил ее на землю. Но сам не устоял на ногах, и рычащий, визжащий клубок покатился меж складских помещений.

– Кранты, – пробормотал оглянувшийся Тыква.

– О себе думай, – посоветовал Стамеска.

А уйбуй промолчал, потому что мчался далеко впереди и

ничего не видел.

Он выскочил из пролома, бросился к кабине спасительной «Газели», но замер, увидев странный отблеск в давно немытом зеркале на левой дверце. Замер, похлопал глазами, а затем развернулся и пискнул от страха: склады горели. Это было настолько неожиданно и дико, что Дрезина на несколько секунд оцепенел, не понимая происходящего, а затем пролепетал:

– Как?

Но ответа не было: ангары и другие постройки комплекса пылали так, словно на них плеснули бензином.

– Это не я! – завизжал уйбуй, после чего сорвал с запястья браслет артефакта, швырнул его в пролом, прыгнул в кабину, повернул ключ и выжал педаль газа. Над окутанной черным дымом «Газелью» танцевали рыжие сполохи пламени.

– Стой! – хором заорали Тыква со Стамеской.

Вид ящика виски, который тащили бойцы, заставил уйбуя согласиться с крайне спорным утверждением, что негоже бросать подчиненных на поле боя. Дрезина ударил по тормозам, Шапки прыгнули в кузов, и машина вновь стартовала.

Где-то неподалеку тревожно завыла сирена.

– Мы горим! – завопил Тыква, который тоже видел пламя над тентом и отчаянно замолотил по кабине водителя.

– Нет! – схватил его за руку Стамеска. – Это морок.

– Какой?

– Наш!

– Почему?

– Я не знаю!

«Газель» стремительно удалялась от пылающего склада.

Столб густого дыма и набиравший силу огонь, языками взвивавшийся над складскими помещениями, выглядели со стороны по-настоящему.

– Натурально пожар! – восхищенно воскликнул Тыква. – Челы в штаны наложат.

Судя по действиям спецслужб, челы и в самом деле встревожились не на шутку. Они не догадывались, что пожар на складах – всего лишь искусная инсценировка и продлится она ровно до тех пор, пока не разрядится маленький красный артефакт, брошенный перепуганным уйбуем возле забора. Пожарные расчеты продолжали прибывать. Красные Шапки – драпать.

Но не проехав и половины мили, уйбуй Дрезина снова врезал по тормозам и мрачно сообщил:

– Приехали!

Дорогу дикарям преградил тяжелый джип с логотипом

«Тиградком» и хваном за рулем.

– Интервью, мля! – обреченно произнес Стамеска, выглянув сквозь щели тента.

Интервью – это нехорошо. То есть не так нехорошо, как пьяный уйбуй с дробовиком, но при виде камеры у Стамески, несмотря на полное брюхо, противно засосало под ложечкой. Все дикари знали, что стоило им попасться в поле зрения черного глазка, как жди беды: почти всегда вскоре после этого в Южный Форт приезжали дружинники Великого Дома Людь, а потом по приказу великого фюрера кого-нибудь вешали.

– Может, сбежим? – предложил Тыква.

– Как? – Дрезина обреченно положил голову на руль. – У них четырехрукий…

И почти заплакал.

– Убийство в Филевском парке, – прочитал пришедшую информацию Белосвет. – Травница Федосея найдена мертвой и… гм… разорванной.

– Ого! – не сдержался ко́нец. – Давайте туда не поедем. Хватит расчлененки на ночь.

– Есть такая профессия, друг: снимать по ночам расчлененку, – твердо напомнил люд. – Мы за это деньги получаем.

Лакриций съежился, но промолчал.

– Думаешь, смерть травницы связана с нашим убийством? – негромко спросил хван.

– Тоже разорванное тело, – объяснил Белосвет.

– Но зачем убийце снова идти на преступление? Это ведь опасно.

– А вдруг он не может не убивать?

– Это плохое предположение, – вновь подал голос ко́нец. – Давайте донесем Великим Домам и уймемся.

– Предположение плохое, но в этом случае долго он не протянет, – усмехнулся люд. – Дознаватели тоже не дураки, проведут параллель, как это сделали мы, и начнут искать преступника уже за все убийства.

– И быстро его поймают, – повеселел Лакриций, которому очень не хотелось гоняться за тварью, разорвавшей десяток людов и чудов.

– Или ее… – протянул Пиф.

– Неважно.

Вновь зазвонил телефон. Белосвет посмотрел на высветившегося абонента и покачал головой:

– Ого!

– Неужели Сантьяга?

– Нет, Тахас. Что очень неожиданно… – И нажал на кнопку ответа: – Да?

– Ты был прав: Клариссе понравилось, – без всякого вступления произнес шас. – И она сказала, что ко́нец вел себя на удивление смирно.

– Я же обещал!

– Просила передать вам спасибо.

– Пожалуйста.

– И я тоже благодарен.

– Ты? – А вот теперь Белосвет по-настоящему удивился.

– Ты мне сэкономил, – объяснил шас. – Во-первых, Кларисса так увлеклась съемкой, что начисто позабыла о шопинге: сначала фотографировалась, а потом звонила подругам и рассказывала, что появится в новостях. А во-вторых, Биджар подарил ей тот комплект, в котором она снималась.

– Друг мой, для тебя – все что угодно, – пообещал люд.

– Ладно, ладно, я тоже помню свои обещания, – усмехнулся Тахас. – Короче, есть интересный вызов: срабатывание артефакта морока с имитацией пожара. Предположительно спонтанное. Челы в панике.

– Где?

– На Звенигородском шоссе.

– Спасибо, дорогой.

– Обращайся.

– На Звенигородское!

Белосвет ткнул пальцем в навигатор, устанавливая плавающий маяк, после чего запустил режим проверки зоны: нужно было убедиться, что место свободно, и накрыть его мороком.

– Опять портал, – проворчал Лакриций.

– Иначе не успеем.

Проверка завершилась. С легким хлопком сработал артефакт, открывающий грузовой магический переход, внедорожник прыгнул в небытие и вернулся в реальность на другом конце Москвы. Вновь подпрыгнул, слетая из не очень качественно наведенного портала, но уверенно встал на четыре колеса и покатил к фальшивому зареву. Справа замелькал бетонный забор, а навстречу, виляя из стороны в сторону, выехал потрепанный грузовичок, затянутый рваным тентом.

– Шапки!

– Так и знал, что это они! – рявкнул Пиф. – Кретины!

– Идиоты.

– Похоже, Тахас над нами подшутил, – протянул

разочарованный Белосвет.

– Раз уж приехали, давай работать, – предложил ко́нец.

– Согласен.

– Как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Пиф поставил «Кадиллак» поперек дороги, перекрыв дикарям проезд, и выдернул из дверцы короткий автомат – самый действенный и самый бюджетный аргумент при общении с Шапками. Белосвет вышел на дорогу и взялся за микрофон, а Лакриций – за камеру.

– Три, два, один! Мотор!

– Добрый вечер, уважаемые зрители «Тиградком»! Я веду свой репортаж со Звенигородского шоссе, где несколько секунд назад десятка Красных Шапок учинила очередную выходку, способную поставить крест на режиме секретности Тайного Города. Пожар, который вы видите за моей спиной…

– Убирайтесь с дороги! – завопил Стамеска.

– Прочь! – выкрикнул стоящий рядом с ним Тыква. – Прочь пошли!

– Задавлю! – добавил высунувшийся из окна Дрезина.

«Газель» продолжала мчаться на работающих репортеров. Белосвет даже ухом не повел, а вот у Лакриция задрожали руки, но он мужественно продолжил работу.

– Как видите, добыча столь велика, что дикари готовы пойти на самоубийство…

– Прочь!

До разогнавшейся «Газели» было примерно сотня ярдов. Останавливаться она не собиралась, поэтому Пиф вышел из машины и дал короткую очередь над фургоном. Шапки спрятались. Все. Но если Тыква и Стамеска находились в кузове, то Дрезина – за рулем, и на несколько секунд грузовичок стал абсолютно неуправляем.

И продолжал нестись на репортеров.

– Твой «Кадиллак» застрахован? – дрожащим голосом спросил ко́нец.

– Да, – кивнул хван. – Но если они его хоть поцарапают, я их убью.

– С пониманием.

К счастью, претворять угрозу в жизнь Пифу не пришлось: уйбуй опомнился, вновь появился за рулем и резко остановил машину. Из кузова донеслись невнятные вопли помятых сородичей.

– Вы чего тут растопырились? – плача, поинтересовался Дрезина. – Зачем над головой палите?

– Скажите, что именно вы украли у челов на этот раз? –

Белосвет сунул дикарю микрофон под нос. – Картины старых мастеров? Коллекцию виски?

– Какая разница, что украли? Там – оно!

– Что «оно»?

– Большое!

– Что большое?

– Черное! – взвизгнул высунувшийся в прореху тента Стамеска.

– Идет за нами! – добавил Тыква.

– Уйдите с дороги!

Было видно, что Шапки готовы бежать, но понимают, что «оно» обязательно их догонит, и не хотят расставаться с машиной.

– С дороги!

– Что «оно»? – не унимался Белосвет.

– Четвертого сожрало!

– Дайте ехать!

– Думаю, они специально выдумывают, чтобы слинять, – произнес хван.

– Они не умеют выдумывать, – сообщил Лакриций, но не был услышан.

– Вы чего натворили, придурки? – осведомился Белосвет. – Отвечайте скорее, у меня время дорого.

– Чего мы натворили? – прикинулся дурачком Дрезина.

Напрягаться для этого ему не пришлось.

– Зачем морок пожара активировали?

– Мы случайно.

– Мы не хотели.

– Это вообще не мы.

– Шасы, гады, продали сломанный артефакт, – закончил уйбуй, вспомнив, что обязательно нужно на кого-то переложить вину. Тогда, может быть, не повесят.

– Вот это уже дело, – одобрил Белосвет. – Кто из вас главный?

Дикари замолчали.

Пиф поднял автомат, после чего Тыква и Стамеска выпихнули вперед уйбуя.

– Добрый вечер, дамы и господа, мы с вами находимся на месте событий. Вот здесь, прямо за стеной, работает сейчас команда утилизаторов, имитируя борьбу с огнем для человских экстренных служб. И пока морок медленно рассеивают специалисты, а растерянные пожарные дают интервью человским СМИ, я обращаюсь с вопросом к истинным виновникам происшествия. – Белосвет ткнул микрофоном в сторону Дрезины. – Представьтесь, пожалуйста.

– Дрезина, – нехотя буркнул десятник.

– Это вы активировали артефакт морока над складскими помещениями?

– Ну, мы.

– С какой целью?

– С целью сохранения режима секретности.

– А что угрожало режиму секретности?

– Если бы артефакт сработал так, как положено, то ничего. Но шасы продали нам бракованный девайс…

– До чего интересно.

– Да! Мы ни в чем не виноваты! Мы хотели сделать все тихо! А эти шасы…

Хван усмехнулся и покачал головой: он никому не советовал так говорить о главных торговцах Тайного Города. Но глупый дикарь продолжал выкрикивать невнятные ругательства, и остановить его не было никакой возможности.

И никто из присутствующих не обратил внимания на старый белый фургон с надписью «PRODAM.RU», который неспешно проехал мимо них во время интервью.

Тина вышла из аптеки, остановилась, раздумывая, куда направиться, и неожиданно для себя вдруг задалась вопросом:

«Интересно, а навы красивые?»

Мысль пришла внезапно и, как говорится, на пустом месте: ничего не предвещало и вдруг раз – подумала.

«Красивые?»

Высокие – все как на подбор. Стройные, но при этом сильные… Да, все так. Но красивы ли они? Можно назвать Легу красивым? Волосы… Волосы красивые. Глаза… Слишком черные, а потому – невыразительные. Или это из-за ран? Тина вспомнила, как вспыхнули черные глаза нава перед боем, и взяла слова обратно: нормально там все с выразительностью. Наверное.

«Почему я вообще об этом подумала? Какое мне дело до его выразительности?»

Усилием воли девушка заставила себя перестать думать о Леге, встряхнулась и огляделась. Красная Пресня переходила в Звенигородское шоссе и убегала за МКАД. Вот уж куда ей сегодня точно не надо! Чем гуще лес, тем опаснее дружинницы Зеленого Дома, это их стихия. Поэтому Тина развернулась и зашагала в сторону центра, небрежно вытянув руку в надежде тормознуть попутку.

Вот Чудь, в отличие от Нави, вопросов у нее никогда не вызывала. В смысле, их мужская половина. Рыжеволосые статные рыцари всегда казались девушке красавцами и, вероятно, в силу

генетического родства лидировали в ее личном рейтинге. А Людь? Тоже ничего, если не перекачаны, как боровы, или не разожрались до неприличия. Но чуды все-таки лучше…

К чудам ее тянуло непреодолимо, но несколько раз столкнувшись с тем, что человских женщин они считали гораздо ниже себя, Тина зареклась водить с ними дружбу. Отношения, в которых ее откровенно использовали – это не то, что она искала…

Ведьма остановилась и вновь тряхнула головой.

«О чем я думаю?!»

Нет, в таком расслабленном состоянии ей до рассвета точно не дожить. Что на нее так подействовало? Ядовитая навская кровь, от которой все еще слегка горела кожа? Травяная смесь Висцеруса? Пережитые волнения?

Что бы ни подействовало, нужно отрешиться от этого и взять себя в руки.

Тина запрокинула голову, дернула молнию куртки вниз, подставляясь под порыв осеннего ветра, вышла на проезжую часть и вскинула руку.

К счастью, Белосвет успел вернуться во внедорожник до того, как из-за «Газели» Шапок выскочила здоровенная черная тварь. Плюхнулся на переднее сиденье и тут же едва не оглох от вопля ко́нца:

– Ты это видишь?!

И заорал в ответ:

– Ты ее снимаешь?!

Вместо ответа Лаки толкнул Пифа в правое верхнее плечо:

– Ты в нее стреляешь?!

И автоматная очередь ушла в молоко.

А в следующий миг репортеры застыли, разглядывая явившегося монстра.

Псина походила на гиену размером с теленка. Ее глаза горели прозрачно-рыжим огнем. Уши торчали неестественно прямо. То есть одно ухо торчало, а второе деформировалось, словно оплавленное огнем, и застывшими потеками приклеилось к лобастой башке. Передняя левая лапа была то ли перебита, то ли вывернута в суставе, которых у пса было явно больше, чем требовалось, однако это не мешало твари двигаться с неимоверной скоростью. Нижняя челюсть перекосилась, из-за чего псина не закрывала рот, а все время скалилась окровавленными остроконечными зубами, с которых свисала красная бандана.

Увидев новых врагов, монстр тоже замер, однако общая растерянность длилась не более секунды. А затем Пиф дал

следующую очередь, более прицельную, и пули принялись рвать зверя. Тот заревел, пригнулся, но затем бросился вперед, легко перемахнул через «Кадиллак» и помчался к эстакаде.

– За ним! – скомандовал Белосвет.

Продолжая стрелять, хван переключил на задний ход – вот когда пригодилась еще одна пара рук! – резко развернулся и направил машину за тварью.

– Оно живое? – пролепетал Лакриций.

– Нарисованное, – отозвался Белосвет.

– Дурак! – взвизгнул ко́нец, не опуская камеру. – Я спрашиваю: это голем?

– Понятия не имею.

– Пиф?

– Ты действительно хочешь, чтобы я еще и разговаривал? – огрызнулся хван, который как раз перезаряжал автомат верхними конечностями. А средними управлял машиной.

– Просто я услышал, что ты молчишь…

– Лаки, лучше тоже заткнись!

– Когда я говорю, мне не так страшно.

– Наверное, это та самая тварь, которая порвала всех в Петровском парке, – громко произнес люд. И принялся рыться в перчаточном боксе в поисках пистолета.

Несколько секунд спутники обдумывали его заявление, после чего ко́нец осторожно поинтересовался:

– Каким образом она здесь оказалась?

– Прибежала.

– Днем? По городу?

В замечании Лакриция имелся смысл, и Белосвет, который почти нащупал оружие в ворохе бумаг, замер и задумался. После чего выдал:

– По Лабиринту.

– Гм…

– Выглядит она погано, как раз для Лабиринта.

– И воняет жутко, – поморщился ко́нец.

– Откуда знаешь?

– У нас идеальное обоняние.

– Не догоним, – предупредил Пиф. – Оторвется, пока мы на Звенигородку выезжать будем.

– У нас есть еще «Глаза»? – поинтересовался Лакриций.

– Нет, – вздохнул Белосвет, размышляя, не засунуть ли пистолет обратно в бокс.

– Надо было прикупить у Барраги.

– Какой ты умный, когда поздно.

А далеко впереди прыгала через машины черная тень. Вот она

резко метнулась в сторону, оттолкнувшись от капота «Тойоты», и исчезла в боковом проулке. «Тойоту» закрутило, она зацепила бампером попутный «Мерседес», который чудом не кувыркнулся, остановился, и в него въехал «Хендай». Пифу пришлось резко тормозить и крутить руль, объезжая разбитые машины, и его друзей чувствительно тряхнуло.

Оказавшись в правом ряду, «Кадиллак» сбросил скорость, и репортеры уставились на разбегавшиеся от Звенигородского шоссе улицы.

– Что будем делать?

– Четвертого надо помянуть, – громко произнес Дрезина, поднимая с земли окровавленную бандану. – Прости, брат, ты был хорошим парнем.

И бросил тряпку прочь.

– Откуда ты знаешь, каким он был? – поинтересовался Тыква. – Ты ведь так его и не вспомнил.

– А ты вспомнил?

– Нет.

– Вот и молчи.

– Сам начал похороны устраивать.

– Похороны ему вон то чудище устроило, которое сейчас по дороге бежит, – огрызнулся уйбуй.

– И по которому репортеры стреляют?

– Ага.

– Жалко, что у нас оружия не оказалось, а то мы бы им показали, как себя вести надо и на всяких тварей охотиться!

– Это верно, – согласился Стамеска. – Мы, мля, с оружием те еще волкодавы.

– Это собаки, что ли? – насторожился Тыква.

– Это крутые перцы.

– Не хочу быть овощем.

– Тыква, а ты кем себя считаешь? – поинтересовался уйбуй.

– Бахчевой культурой, – гордо ответил боец и вызвал у сородичей бодрое ржание.

– Мля, Тыква, ты че, в натуре не знаешь, что культура только в Большом театре? – поинтересовался Дрезина, утирая слезы.

– А на бахче только арбузы вызревают, – добавил Стамеска. – Темный ты лошадь.

– Дебил!

Тыква хотел настучать Стамеске по голове – раз уж до уйбуя не дотянуться, – но увидел на руке Дрезины кастет и благоразумно остановился, пообещав себе отомстить ему… то есть им, при первом удобном случае.

– Давайте решать, что делать, – предложил уйбуй, довольный реакцией, проявленной бойцами на появление тяжелого орудия. – Какие у нас перспективы?

Тварь убежала, репортеры уехали, и перед Шапками вновь открылись тысячи дорог. Выбирай – не хочу. Можно было удрать куда угодно, однако дикари, во всяком случае их уйбуй, понимали, что интервью и проклятый артефакт испортили всю «малину». Наказание неотвратимо, как похмелье, а значит, надо что-нибудь придумать, чтобы хоть чуть-чуть сгладить вину.

– На дно надо ложиться, – прохрипел Стамеска. – Полгода выждем, потом снова объявимся.

– Полгода где?

– Ну, знаю место одно, под Житомиром, там легко затеряемся.

– Сдурел, что ли? – вытаращился на бойца Дрезина.

– А что?

– Не хочу я нигде теряться.

– До Житомира не доедем – «Газель» совсем плохая, – деловито сообщил Тыква. – Я на слух знаю: у Кактуса мотоцикл также позвякивал перед тем, как взорваться.

Сообщение вызвало понятную тревогу. Несколько минут Дрезина и Стамеска напряженно прислушивались к булькающим звукам из-под капота «Газели», после чего уйбуй поинтересовался:

– А от чего Кактусов мотоцикл взорвался?

– Так ему Дырокол гранату под седло положил, – охотно ответил боец. – А к кольцу проволочку привязал одним концом, а другим – к гвоздику, который в стену вбил. Кактус, дурак, поехал, а граната взорвалась. – Тыква помолчал и добавил: – Но мотор на его байке точно так же булькал.

– Дегенерат, – пробормотал Дрезина, утирая пот.

– Почему? – удивился боец.

Но его мнение уже никого не интересовало.

– За журналистами поедем, – решил уйбуй.

– Так они за собакой погнали, а она Четвертого схавала! – напомнил Стамеска. – Вдруг и нами не побрезгует?

– Я тоже не хочу, – добавил Тыква.

– Если псина журналюг схавает, мы их технику заберем и продадим, – подумав, произнес умный Дрезина. – Их техника дорого стоит.

– Голова!

– И наше интервью уберем, чтобы нас за склад не ругали.

– А еще у них «Кадиллак» крутой, на нем мы точно до Житомира доедем, – закончил Стамеска.

На том и порешили.

– Ничего себе!

Стоило Тине развернуться к потоку машин и взмахнуть рукой, как на дороге началась первосортная магическая заваруха.

Через капот «Тойоты», мирно катившейся в сторону центра, перемахнула здоровенная черная тварь, похожая на гигантскую собаку. Скорее всего, как поняла ошарашенная девушка, – та самая, из Филевского парка… Псина вспрыгнула на капот, оттолкнулась задними лапами, перелетела через идущие в правом ряду машины и скрылась среди домов. Заодно перепугала водителя попутного «Мерседеса», который отчаянно затормозил при виде необычного препятствия, и в левое переднее крыло «мерса» вошла закрутившаяся «Тойота», а сзади добавил «Хендай». Взвыл клаксон, послышался визг тормозов, потом еще один удар, по асфальту разлетелись стекла, четыре машины застыли, обиженно моргая «аварийками». А еще через несколько секунд сквозь них, чудом никого не зацепив, промчался огромный внедорожник с логотипом «Тиградком». Судя по всему, журналисты гнались за черной тварью.

– Стой! – крикнула Тина, выскакивая навстречу «Кадиллаку».

– Ведьма! – крикнул ко́нец.

– Не тормози, – велел Белосвет. – Упустим!

– Или раздавим.

– Проклятье!

Девчонка преградила дорогу, и Пифу оставалось лишь остановиться. Или раздавить идиотку, но хван привык убивать иначе.

– Садись, дура!

– Я… Вы видели…

– Не тормози! – Лакриций распахнул дверцу и втянул ведьму внутрь. – Гони!

Внедорожник резко сорвался с места.

– Вы видели? – повторила девушка. – Черное…

– Меня зовут Лакриций, красавица, а тебя? – ко́нец продолжил держать ведьму за руку. Очень-очень мягко.

– Тина. Я…

– Что ты делаешь одна на улице в такое время, Тина? Прогуливаешься? Но почему одна? С твоими внешними данными ты могла бы организовать себе превосходную компанию. Что ты делаешь завтра?

– Лаки, хватит, – велел Белосвет. И строго посмотрел на ведьму: – Ты чего под колеса бросаешься?

– Вы за собакой гонитесь?

– Тебе какое дело?

– Я видела, как эта тварь совершила убийство.

– Где?

– В Филевском парке.

– Филевский? – люд достал планшет. – Верно, есть сообщение…

– Что пишут? – полюбопытствовала Тина.

– Пока ничего. Просто: обнаружено тело старой травницы.

– Так и знала, что она из Тайного Города, – пробормотала девушка.

– Почему в Службу утилизации не позвонила? – поинтересовался Пиф. – Или дознавателям Великих Домов.

– Хочу сама разобраться.

– Понятно. – Белосвет посмотрел на ко́нца: – Выкинь ее из машины в следующий раз, когда Пиф притормозит на повороте.

– Почему? – изумилась ведьма.

– Потому что от тебя нет проку.

Лакриций понял, что люд хочет надавить на недостаточно искреннюю девушку, и притворно вздохнул:

– Извини, Тина, но я обязан подчиниться руководителю группы. Приходи завтра вечером в «Ящеррицу»…

И потянулся к ручке дверцы.

– Я могу разбиться! – взвизгнула девушка, которая никак не ожидала подобного развития событий.

– Ты же ведьма, – напомнил Лакриций. – Придумаешь что-нибудь.

– Я знаю, как найти эту собаку!

– Говори, – деловым тоном произнес люд.

– Заключим сделку? – прищурилась девушка. – Я еду с вами…

– Я не против.

– Я тоже, – пискнул ко́нец. – Если она телефон даст.

– Дам я, дам.

– Давай!

– Лаки, фу! – Белосвет перевел взгляд на Тину. – Ты едешь с нами, а что взамен?

– У меня есть волос этой собаки.

– Отлично! – не сдержался Пиф.

А Лакриций уже достал и раскрыл ноутбук. Затем на сиденье встала серебряная чашка, которую ко́нец соединил с компьютером через USB-порт. Плеснул в нее воды, проверил, запустилась ли программа поиска по генетическому коду, и велел:

– Бросай волос.

У нее было только их слово, но девушка решила рискнуть и

подчинилась: развернула салфетку и отправила свое главное сокровище в чашку. Волос сразу пошел на дно, как будто был сделан из тяжелой проволоки, вода забурлила, над ней поднялось едва заметное облачко пара, Лакриций застучал по клавишам и, не отрывая взгляда от монитора, поинтересовался:

– Портал делать?

– Она далеко?

– Нет, но без портала не добраться.

– Делай.

Через пару секунд перед машиной завертелся зеленый вихрь, Пиф дал по тормозам, «Кадиллак» по инерции вкатился в магический переход, а затем так же по инерции выкатился.

– Где мы?

Впереди расстилался пруд, на котором суетились встревоженные утки.

– Зоопарк! – догадался Белосвет. – Но где искать эту чертову псину?

– Она рванула направо. – Пиф указал на труп охранника. – Едем?

Тина ойкнула и закусила губу.

– Обязательно, – согласился люд, вновь доставая пистолет. – Интересно, что эта зверюга забыла в зоопарке?

– Может, она отсюда? – предположил Лакриций. Он уже убрал ноутбук и взял на изготовку камеру.

– Ну, это ты загнул.

– Возможно, она ищет своих.

– Не знал, что здесь выставляют енотов-оборотней.

– Почему енотов? – дрожащим голосом спросила девушка.

– Племянник это кино любит, – объяснил люд.

– «Стражи галактики»?

– «Крошка Енот».

– А-а…

– Смотрите!

Пиф вновь ударил по тормозам, «Кадиллак» остановился, и пассажиры уставились на неспешно идущего навстречу тигра.

– Откуда он здесь?

– Полагаю, кто-то сломал вольер.

– Полагаю, я знаю, кто этот «кто-то». – Белосвет кивнул в окно, указывая на скачущую по берегу пруда тварь. – Мы нашли нашу собачку.

– А что будем делать с кошечкой?

Тигр как раз подошел к водительской двери и с опаской уставился на хвана. С большой опаской.

– У кого-нибудь есть снотворное?

Лакриций посмотрел на ведьму. Та молча достала из рюкзака пудреницу, раскрыла ее, привстала над левым плечом хвана – тот чуть опустил стекло – и дунула, отправляя несколько крупинок «Пыльцы Морфея» точно в тигриную морду.

Зверь замер, удивленно покрутил головой, широко зевнул, медленно опустился на дорожку и заснул, положив голову на мощные лапы. Сердечко у Тины стучало, как взбесившийся метроном. За последние годы она много чего успела повидать, но противостояние с представителями дикой природы в этот перечень не входило.

– Молодчина, – скупо похвалил Тину Белосвет. И без перехода продолжил: – Работаем! Мы с Лаки ведем репортаж. Пиф, на тебе силовое прикрытие.

– Понял. – Хван вновь взялся за автомат.

– Тина, ты закрываешь территорию мороком и держишь его, пока все не закончится. Ясно?

– Да.

– Тогда вперед!

Нужно было поторапливаться, поскольку уже слышались полицейские сирены – видимо, кто-то увидел фары «Кадиллака» в зоопарке и вызвал блюстителей порядка.

Черный пес, мерно урча, катался по земле, подпрыгивал, бился об нее головой, снова вскакивал и метался из стороны в сторону. То ли игрался, то ли бесился. Белосвет встал к нему спиной, спрятал пистолет под рубашку и взялся за микрофон. Лакриций направил на него камеру. Пиф с автоматом занял позицию слева. Тина же про себя подумала, что присутствие хвана, разумеется, повышает вероятность удачного завершения репортажа, но сама она ни за что не покинет салон внедорожника. И не покинула.

– Три, два, один! – Лаки махнул рукой, и люд начал:

– Мы ведем репортаж из Московского зоопарка, в котором бесчинствует неизвестная тварь. Кто она? Голем или жуткий монстр, созданный в подвалах Замка? Мы не можем ответить на этот вопрос, но постараемся ликвидировать зверя, дабы он не натворил бед.

– Ликвидировать? – удивился ко́нец. – Давай лучше позвоним в Службу утилизации.

– Разве никто не позвонил?

Все посмотрели на Тину.

– Мне никто не говорил, – растерялась девушка.

Пес наконец-то среагировал на новых гостей и медленно, вразвалочку, направился знакомиться.

Пиф передернул затвор.

– Не уверен, что смогу его остановить.

– Кто ты, проклятое создание? – прошептала ведьма.

– Если у кого-нибудь есть «Дверь», самое время ее активировать, – пропищал ко́нец, продолжая тем не менее снимать.

– Мы не можем оставить здесь тварь, – буркнул хван.

– Почему не можем? Материала достаточно. И я хочу лично его разобрать и смонтировать.

– Значит, будем драться.

Белосвет сменил микрофон на пистолет.

– Лаки, продолжай снимать. Тина, у тебя есть оружие?

– «Эльфийские стрелы».

– Отработаешь их по моей команде. Не раньше!

– Понятно.

Хван же отошел еще левее, но судя по тому, что ни Белосвет, ни Лакриций этому не удивились, ведьма поняла, что такая тактика для них не в новинку.

«Мы будем отвлекать внимание твари, а он – действовать».

Ей было неприятно чувствовать себя наживкой, но она понимала, что из всех присутствующих Пиф был лучшим воином.

– Внимание!

Псина прыгнула, и начался ад. Точнее, для Тины, которая впервые в жизни оказалась посреди настоящего сражения, начался ад. Разумеется, она сразу же забыла о том, что должна действовать по команде. Летящая на нее тварь стала прекрасным поводом атаковать, и ведьма, не задумываясь, выпустила в нее первую «стрелу». Не задумываясь над тем, куда вонзится раскаленная молния. А вонзилась она в никуда, бодро улетев в небо. Слева слышались автоматные очереди, чей-то крик, ругательства, а Тина развернулась к приземлившейся твари и вновь ударила «Стрелами», на этот раз – тремя сразу. И на этот раз – точнее. Псина оказалась совсем рядом, промахнуться было невозможно, и молнии вонзились ей в бок, вызвав яростный рев. Завоняло паленым.

– Да!

Зверь повернулся к ведьме, Тина попыталась ударить его вновь, поняла, что браслет разрядился, ойкнула и выхватила из заднего кармана пластиковую карточку, которая молниеносно превратилась в «ПМ».

Выстрелила и отскочила, наконец-то разглядев псину во всей красе.

А выглядела тварь страшно.

Сквозь распоротую шкуру проглядывали разноцветные слои, отличавшиеся фактурой и цветом. В одном месте в дырке

просвечивала кожа – пятнистая, словно у долматинца. Из бокового разреза торчала коричневая коровья шкура. Казалось, что под бесчисленными слоями, натянутыми на каркас, ничего нет. Но энергетические нити нездоровым пунктиром пробегали к дергавшимся конечностям, пульсировали лохматым клубком где-то в брюхе. Видимо, там билось магическое сердце монстра.

Тварь изогнулась, намереваясь атаковать ведьму, и в этот миг ее ударил плотный поток «Дыхания дракона». Хван выждал, определил болевую точку зверя и нанес смертельный удар. Огонь скосил визжащую тварь, превратил ее сначала в факел, а затем – в пепел.

И в тот миг, когда чудовище распалось, территорию накрыл еще один морок. Более плотный и мощный.

– Помощь прибыла, – с облегчением произнес ко́нец.

– Угу, – подтвердил хван.

– Лаки, ты снимал?

– Лучше, Бел, мы были в прямом эфире!

– Прекрасно! – Люд убрал пистолет, вновь выхватил микрофон и улыбнулся в камеру: – Добрый вечер, уважаемые зрители…

За его спиной догорала дьявольская псина и открывались порталы дознавателей. Сначала явилась Мстислава – злая и не скрывающая этого, за ней – Кристиан ле Сейдж. Последним подъехал фургон Службы утилизации.

– …Уцелеть в битве с чудовищем, которое предположительно причастно к гибели чудов и людов в Петровском парке. Кроме того, по неподтвержденным пока данным, жертвой черной твари стал еще один житель Тайного Города… – Белосвет неожиданно обернулся к Тине и ткнул в нее микрофоном. – С какой целью вы преследовали это ужасное существо?

Секунду девушка колебалась, затем поняла, что люд оказывает ей большую услугу, и решила использовать шанс на всю катушку.

– На моих глазах оно убило травницу Великого Дома Людь! – заявила Тина, приняв испуганный вид. – Хоть я и чел, но я патриот Тайного Города. Милостью ее величества королевы Зеленого Дома я пользуюсь силой Колодца Дождей и не смогла пройти мимо страшного преступления. Это так ужасно, что с ней случилось! Такое не должно повториться. Надеюсь, Великие Дома во всем разберутся.

– Именно к представителям Великих Домов, оперативно прибывшим на место происшествия, я и собираюсь обратиться за комментариями. – Лакриций развернул камеру, подсветив кислые физиономии Кристиана и Мстиславы.

– Мой первый вопрос наверняка волнует не только челов! Могут ли теперь жители Тайного Города спать спокойно?

– Опять ты! – процедил ле Сейдж.

Мстислава же обреченно поправила прическу.

Несколько минут они с раздосадованным чудом потратили на ответы, после чего прямой эфир завершился, и с физиономий дознавателей сползли фальшивые улыбки.

– Что вы здесь делали?

– Фата, вы не поверите: мы оказались тут совершенно случайно. – Белосвет приложил к груди руки.

– Пиф! – накинулся на хвана Кристиан.

Но тот не поддался:

– Белосвет говорит правду. Мы отправились на горящие склады…

– Они не горели.

– Знаю: мы встретили Шапок, поняли, что это их выходка, и только собирались уезжать, как на нас напала эта псина. И мы… за ней погнались.

Пиф понял, что переход «она напала – мы погнались», получился несколько смазанным, но понадеялся, что никто ничего не заметит. Так и вышло.

– Почему не позвонили нам? – холодно спросила Мстислава.

– Сначала увлеклись погоней. А когда вспомнили – сразу дали знать.

– Ты готов подтвердить эти слова под «Поцелуем русалки»?

– Да.

– И я тоже, красавица, – умильно протянул ко́нец. – Под твоим поцелуем я готов подтвердить что угодно.

– Лаки, не сейчас.

Мужчины дружно улыбнулись. Но постарались спрятать улыбки. Мстислава покраснела и чуть растерялась.

– То есть псина напала на вас на Звенигородском шоссе… – пришел ей на помощь Кристиан. – А до этого…

– Я видела ее в Филевском парке, – сообщила Тина.

– Почему не донесла?

– Помчалась за ней. – Ведьма вздохнула. – Решила стать героиней.

– Дура.

– Как скажете, господин рыцарь. – Ответить иначе девушка не могла, пришлось проглотить обиду.

– Пишите объяснительные, – распорядился Кристиан, показывая, что сейчас ему некогда разбираться с путающимися под ногами репортерами и примкнувшей к ним челкой.

– Можно не здесь?

– Можно.

Из следующего грузового портала к месту происшествия торжественно выкатился фургон «Тиградком», из которого высыпались увешанные техникой шасы. Однако их главарь был явно раздосадован тем, что оказался в зоопарке намного позже «этого белобрысого выскочки».

– Сворачиваемся! – рассмеялся Белосвет. – Профи приехали.

– Может, они возьмут у нас интервью? – невинно поинтересовался Лакриций.

Услышавший его шас едва не взвыл от ярости.

– Уходим, уходим, уходим…

Они разместились в «Кадиллаке», соорудили грузовой портал и покинули гостеприимный зоопарк. Оказавшись на Садовом, хван взял направо, к Крымскому мосту, но поехал на удивление неспешно, понимая, что нужно поговорить.

А Тина поняла, кто должен начать:

– Спасибо.

Все прекрасно понимали за что.

– Ерунда, – усмехнулся Белосвет.

– Телефон дай, – велел ко́нец.

– Успеется, – отрезала ведьма.

– Знаю я вас, – хмыкнул Лакриций. – А потом сбежите и номер заблокируете.

– У тебя правда было что-то с Мстиславой? – оживился Белосвет.

– С кем у меня только не было…

– Теперь, когда мы оказали друг другу все положенные услуги, ты будешь с нами откровенна? – Хван посмотрел на девушку в зеркало заднего вида.

– Почему бы нам не прекратить на этом наше удивительное сотрудничество? – осведомилась Тина.

– Потому что у тебя рюкзак провонял сыром и сосисками.

– Я заходила в магазин.

– Тина!

Но девушка уже поняла, что одной ей не справиться, а эта команда лучше, чем ничего, и медленно ответила:

– Хорошо, скажу честно: у меня есть еще один секрет. Но я должна, во-первых, все обдумать. А во-вторых, отдохнуть.

– И мы потеряем темп! – взвился Лакриций.

– У нас на хвосте шасы, ты же видела. – Белосвет очаровательно улыбнулся.

Хван поднял правую бровь. К счастью, она у него была одна.

Однако ничего из перечисленного на ведьму не подействовало:

– У меня есть секрет, до которого ваши конкуренты точно не доберутся, – твердо заявила она. – Мы будем первыми. Но не сегодня.

– А если ты ошибаешься?

– Встретимся завтра, – закончила Тина. – А сейчас я хочу домой.

* * *

Муниципальный жилой дом

Москва, улица Авиамоторная, 18 октября, вторник, 04:44

– Часики тикают!

– Не напрягайся, чел!

– Я уже два часа не напрягаюсь.

– Сделай лучше кофе.

– Лучше, чем что?

– Истерик!

– Мальчишка!

– Давайте все успокоимся, – в очередной раз предложил Штар.

– Я сейчас вообще уйду, – пообещал Досик.

– Обещай только то, что можешь выполнить.

– Хочешь сказать, что я не могу уйти?

– Нет, – отрезал Штар. – Теперь нам придется тащить все это до конца.

Контрабандист имел в виду, что отказываться надо было раньше. Или вообще не приезжать к психотерапевту. Но как не приехать, если случилась такая проблема?

Штар Томба заявился через сорок минут после звонка Даниила – что само по себе было рекордом, да еще в компании заспанного Досика – «гениального пацана, поверь, Даня, у меня на таких нюх». Досик едва не уснул, снимая плащ, и попросил кофе. Как с ужасом понял психотерапевт, именно этот юноша – прыщавый и с мелкой порослью на верхней губе – и был автором «гипнодинамика С». И это обстоятельство стало причиной первого скандала. Точнее – следующей вспышки скандала.

– Ты продал мне артефакт младенца?!

– Артефакты младенца, чтоб ты знал, используют корыстные женщины. А я продал тебе великолепную разработку…

– Мерзавец!

– Если ты не доверяешь моему специалисту – мы уезжаем, – тут же заявил Штар. – Досик, собирайся.

В ответ Досик всхрапнул. Стоя.

– Никуда ты не уедешь! – продолжил бушевать Даниил. – Разве что сбежать из Тайного Города лет на двадцать! Ты заварил эту кашу!

– Можно мне кофе? – Юноша осоловело посмотрел на врача. – Пожалуйста.

– Мама знает, что ты продаешь поддельные артефакты?

– Мама знает. И еще мама сказала, что вы наверняка перепутали инструкцию, ошиблись в словах при произнесении активирующего аркана, а значит, сами во всем виноваты.

– Аркан очень простой, я не мог ошибиться, – отрезал психотерапевт.

– Но ведь вы чел, – улыбнулся Досик.

– Ты ведь понимаешь, что ходишь по краю пропасти?

– Мама сказала, что вы не должны меня оскорблять.

– Давайте не будем ссориться и займемся делом, – предложил Штар, обнимая закипающего Даниила за плечи. – Показывай клиента.

– Пациента.

– Он ведь платит? Значит, клиент.

Пробить железобетонную логику шасов не было никакой возможности.

Они прошли в кабинет и безмолвно уставились на безмолвное тело.

– Спит, – произнес Досик примерно через минуту.

– Правда? – удивился Даниил. – А я думаю, чего он тут разлегся?

– Кофе сделай, – бросил в ответ юнец.

– А где пожалуйста? – опешил врач.

– У моей мамы.

– А ты злопамятный.

– Это у нас семейное.

И это тоже было правдой.

Психотерапевт отправился на кухню, а когда вернулся с подносом, на котором стояли три кружки с кофе и сахарница, произошла вторая вспышка скандала, поскольку заспанный Досик провел тщательное магическое сканирование и пришел к выводу, что:

– Я же говорил, что это вы все испортили!

– Что?

– Здесь был еще один гипнотический артефакт!

Однако к такому развитию событий Даниил был готов. Тина

сказала, что исследование укажет на существование помех, и объяснила другу, что нужно говорить:

– Разумеется, был, – твердо ответил врач. – Ты в кабинете психотерапевта, малыш, разве мама не рассказывала, чем мы занимаемся?

– Обманываете людей за деньги?

– Я имел в виду психотерапевтов, а не шасов.

– Здесь был активированный артефакт! – Юнец посмотрел на контрабандиста. – Сто процентов! И чел даже не скрывает этого!

– Возможно, был, – хладнокровно продолжил Даниил.

– На этом наша встреча закончена, – тут же сообщил Штар. – Справляйся со своими проблемами сам.

– Со своими проблемами? – Врач делано рассмеялся. – Из присутствующих только я читал основные правила построения волшебных устройств? Глава 8 сборника «Элементарная магия для чайников»: «…мастер артефактов обязан принять меры для автономной работы заклинания…» Ты нарушил одно из базовых правил, Досик, энергия твоего аркана смешалась с ближайшим работающим артефактом, что привело к нарушению заклинания. Это твой «косяк».

– Нет!

– Я звоню в Службу.

– Нет! – Штар поулыбался психотерапевту, затем отвел недовольного Досика в угол, что-то долго шептал ему на ухо, судя по выражению лица – перечислял все, что сделают с ним, бестолковым, Великие Дома, в случае обнародования информации, после чего с улыбочкой сообщил:

– Сейчас мы все поправим.

Но «сейчас» затянулось на несколько часов, и результата пока не было.

Досик выяснил, какой артефакт работал рядом с «гипнодинамиком», узнав, что «Кольцо сна», недовольно покрутил головой, полистал записи на планшете, пробормотал: «Конечно же!» – потребовал у Даниила медную чашку с водой, пошептал над ней заклинание, плеснул на Сергея Сергеевича и семь минут сорок секунд ждал результата. Вздохнул, когда ничего не получилось, велел разжечь в курительнице принесенные кубики благовоний – «Очень дорогие смеси. Очень!» – попрыгал вокруг клиента, нахмурился и взялся за дело всерьез.

А время уходило, что и стало причиной следующего всплеска скандала.

– Мы делаем, что можем.

– Плевать на ваши усилия, мне нужен результат, – не отступал Даниил.

– Ты говоришь, как нав, – заметил Штар. – А это обидно.

– А ты – как человское правительство.

– Давай без оскорблений.

– Ты первый начал.

– Думал, сравнение с навом тебе польстит.

– Не таким тоном.

– Сколько у нас времени? – поинтересовался Досик, не отрывая взгляда от планшета. Бедный мальчик перелопатил тридцать семь гигабайт магических книг, но никак не мог отыскать причину транса.

– За пациентом приедут через двадцать минут, – ответил Даниил.

– Последняя попытка, – предупредил юнец. – Если не получится, придется звать Службу.

– Не надо.

– Сам не хочу. Но у меня кончились идеи.

Досик надел деревянную маску «сонной тетери», взлохматил приклеенные к ней алые дреды, встал у Сергея Сергеевича в ногах и вскинул руки, направляя на пациента поток магической энергии.

– Что он делает?

– Хочет разрушить все, что было создано, – тихо ответил Штар.

– А пациент выживет? – опасливо осведомился врач.

– Как ты можешь в такой момент думать о деньгах?

– А о чем я должен думать?

– О нашем благополучии.

– Если Сергей Сергеевич превратится в «овощ», о моем благополучии можно будет забыть.

– Поэтому я имел в виду наше с Досиком благополучие, а твое – как получится.

– Штар!

– Шучу, шучу…

– Встань! – тем временем провозгласил Досик, и пациент открыл глаза.

– Получилось? – радостно выдохнул Даниил.

– Сейчас узнаем…

– Чудовище! – взревел толстяк, с неожиданной резкостью поднялся, и юному мастеру артефактов прилетел хук справа.

– Мама! – крикнул Досик, планируя на пол.

– Усмири его! – взвизгнул Штар.

– Только никакого гипноза! – завопил врач, совершенно не представляя, что нужно делать в такой ситуации.

– Чудовища!

К сожалению присутствующих, Сергей Сергеевич оказался бойцом и вопил не от страха, а от ярости. Выкрикивая ругательства, он спрыгнул с кушетки и размахнулся, намереваясь добавить несчастному Досику ногой.

– Нет! – завопил юнец, прикрываясь обеими руками.

А Даниил выхватил из ящика стола шприц с успокоительным, зашел буйному пациенту за спину и воткнул шприц в шею в тот самый миг, когда Сергей Сергеевич ударил юнца. В третий раз.

– Вот так!

Через секунду толстяк мягко опустился на пол.

– Уф-ф! – Штар выглянул из коридора. – Все кончилось?

– Надеюсь. – Даниил посмотрел на тела и велел: – Уноси Досика.

– Охотно.

– Но сначала помоги мне поднять пациента на кушетку.

Штар с сомнением оглядел массивного Сергея Сергеевича и уныло предложил:

– Может, вызовем подъемный кран?

– Если не справимся.

– Нет у меня уверенности.

– А ты постарайся.

– Чего только не сделаешь ради друга…

– И своего благополучия.

– Ради благополучия всех нас, – поправил доктора шас.

Кряхтя, они взвалили чела на кушетку, шумно выдохнули, а в следующий миг раздался звонок в дверь.

– Накинь морок.

– Без тебя разберусь.

– И на Досика тоже.

– Умник!

Даниил вышел в коридор, глянул на себя в зеркало, вздохнул и открыл дверь. На пороге стоял Дмитрий Олегович – заместитель Сергея Сергеевича по общим вопросам. В его присутствии психотерапевт всегда ощущал некоторую неловкость.

– Доброй ночи.

– Скорее, утра. – Возникла неловкая пауза. – Шеф умывается?

– А, нет, не умывается… Еще дремлет… – Врач шире распахнул дверь. – Проходите.

– Спасибо.

– Сейчас… – Психотерапевт вернулся в кабинет и вновь уколол пациента. На этот раз – стимулятором. – Сергей Сергеевич!

Толстяк раскрыл глаза.

– Даниил?

– Сергей Сергеевич! – с облегчением произнес врач. У него были сомнения насчет того, сможет ли пациент повторно очнуться, но, к счастью, все обошлось.

– Даниил, они ушли? – тревожно поинтересовался толстяк.

– Кто? – учитывая все произошедшее, несчастный психотерапевт ухитрился сыграть удивление на «пять с плюсом».

– Чудовища.

– Чудовища? – насторожился бесшумно вошедший в кабинет Дмитрий Олегович.

– Чудовища? – эхом повторил врач.

– Я видел чудовищ, – сообщил Сергей Сергеевич. Но в следующий миг понял, что говорит о гипнотическом воздействии, и почесал в затылке. – Кажется.

– Уточните насчет чудовищ, – попросил Дмитрий Олегович, нехорошо глядя на доктора.

– Давайте обсудим результаты терапии после проверки, хорошо? – предложил Даниил, изумляясь собственной дерзости. – Вам ведь в аэропорт?

– Да, мы торопимся, – согласился Сергей Сергеевич, одеваясь. – Дождемся результатов.

Заместитель по общим вопросам с подозрением посмотрел на психотерапевта, но промолчал.

Даниил выпроводил гостей, огляделся, понял, что шасы тоже уехали, вздохнул с окончательным облегчением, взял телефон и улыбнулся, увидев СМС от Тины:

«Еду!»

Глава 6

За сорок пять лет до описываемых событий

Брат Гематус ушел.

И познал горечь полного одиночества.

Еще недавно он с удовольствием посмеялся бы, намекни ему кто, что в семье лучших в мире врачей вскоре появится отшельник. Та же кровь в жилах, те же способности к магии… и одиночество – грызущее, сводящее с ума.

Дикое, отвратительное, убивающее чувство.

После выздоровления, если это можно назвать выздоровлением, мир для Гематуса необратимо изменился. Жалкая мыслишка о том, что, возможно, изменился он сам, мелькнула где-то на краю сознания и растаяла в глубинах беспредельной пустоты. Ни одно живое существо не годилось на роль собеседника, а Спящий бог магов безмятежно почивал где-то в пустоте, не представляя, насколько несправедлива созданная им Вселенная. Задуманный как прекрасное творение, пронизанное волшебством, мир сузился для Гематуса сначала до больничной койки, затем немного расширился до монастырских стен Московской Обители и в конце концов приобрел очертания города, где в болезненных узлах переплетались скрюченные остатки могущественных цивилизаций.

Как Спящий мог допустить такое?

Как?!

А может… Может, он не ведает о том, как больна Вселенная? Ибо в своих снах видит ее другой – прекрасной и бесконечно справедливой. Такой, какой он ее задумал и сотворил.

Ах, если б отыскать способ разбудить Спящего!

Жизнь внутри бездушного чурбана оказалась не так омерзительна, как представлялось вначале. Неповоротливое и неуязвимое тело, служащее ему верой и правдой, эрлиец поначалу ненавидел, поскольку оно ни на секунду не позволяло забыть о собственной немощи. Но со временем он научился управлять големом и все больше воспринимал его неотъемлемой частью своего существа.

А когда Гематус сжился с телом, перестал задумываться над тем, чтобы удерживать равновесие и правильно двигаться, он принялся все чаще размышлять о Спящем.

И устроился на работу.

Деньги ему не требовались: Обитель выплачивала пенсию,

которой вполне хватало на поддержание искусственного тела и скромную жизнь. На скромную жизнь изгоя. Пусть и добровольного. Жители Тайного Города инстинктивно сторонились необыкновенно высокого эрлийца с помятым лицом, застиранным шарфом на шее и странной речью – немного смазанной и шепелявой, напоминающей болтовню Красных Шапок. А челы и вовсе принимали его за спившегося бодибилдера. Друзей Гематус так и не завел, и чтобы не остаться в полном одиночестве, поступил в Службу утилизации. Не агентом, разумеется, а в отряд непосредственных исполнителей. Стал одним из тех парней, которые подчищали, маскировали, прикрывали, а если надо – таскали трупы. Молча, спокойно, за деньги.

– Эй, ты там уснул, что ли? – Бригадир хлопнул по плечу, которое Гематус уже почти ощущал своим. – Приехали.

– Вижу.

Эрлиец вышел из фургона и мрачно оглядел место очередного побоища, затянутое непроницаемым пологом морока. Что именно здесь произошло, он не знал – задумался во время инструктажа, но вызов оплачивал Великий Дом Людь, и по всем признакам бойня была знатная. Старый дом, предназначавшийся под снос, люды развалили почти до основания. С уцелевшей кирпичной стены свешивался труп дружинника. Его слипшаяся от крови шевелюра была припорошена пеплом и пылью, на запястье болтался амулет, который беспорядочно искрил мелкими «Шаровыми молниями», выбивая из закопченных кирпичей острые осколки.

– Мой сектор, – хмуро объявил Гематус и полез снимать тело.

Трупы жителей Тайного Города не являлись для Службы утилизации большой проблемой. Их требовалось всего лишь убрать или, в случае опоздания, изъять из человского морга. Идентификацией тел и расследованием смерти, если таковое требовалось, занимались агенты или представители соответствующих Великих Домов. Гораздо большую проблему представляли человские останки, которые нужно было не только прибрать, но, по возможности, объяснить смерть естественными причинами.

День за днем Гематус, превратившийся из врачевателя в могильщика, соскребал с улиц перекрученные, расчлененные, остекленевшие или окаменевшие останки случайно попавших под воздействие боевых заклинаний. Соскребал и размышлял. Размышлял в основном о том, как Спящий все это допускает.

Гематус погрузил в фургон безжизненное тело люда, вернулся к развалинам, внимательно огляделся, заприметил

торчащую из груды кирпича ногу и осторожно вытащил мертвого чела.

– Чем его накрыло? – спросил бригадир, заметивший еще один труп.

– Проверяю.

– Если магией, то пиши требование на куклу.

Эрлиец пока считался новеньким, вот бригадир и изложил ему прописную истину.

– Знаю. – Гематус быстро оглядел труп, заметил рану на голове, вздохнул и сообщил: – Ему обломок прилетел. А потом завалило.

– Уверен?

– Абсолютно.

– Тогда оставь.

Да, именно так: раз нет следов магического воздействия, «тогда оставь». Это тело – не наша забота. Ну, подумаешь, парень погиб в результате схватки магов – не повезло.

Просто не повезло.

«Как мне когда-то, – подумал Гематус, глядя на труп. – Как мне…»

Маги навели морок и показывали собравшимся зевакам красивое и реалистичное кино о плановом сносе здания. В главной роли – экскаватор с тяжелой «бабой» вместо ковша. Чугунный шар крушил стены, заставляя содрогаться окрестные дома и вызывая плотные облака пыли. Москва расцветала, строилась и ширилась, назло проклятым империалистам.

Все шло по плану.

Старый кособокий дом готовился уступить место новому строению из стекла и стали, устремленному к небу, сияющему чистыми стеклами, прекрасному, словно мечта архитектора.

Прекрасному, словно мечта.

Мечта…

«Мы уничтожаем уродливые дома, чтобы создать новые, красивые… А можно ли истребить другое уродство, чтобы заменить его сотворенным совершенством? Можно ли стереть с лица Земли несовершенство жизни? Ведь Спящий наверняка проснется, чтобы узнать, почему он больше не видит кошмары… И родится мир, в котором обновленный Гематус – вестник Спящего – будет носить другую личину и другое имя…»

– Нужно отыскать способ, позволяющий избавиться от уродства! – Эрлиец посмотрел на мертвеца. – Кто-то должен вышвырнуть из нашего мира накопившуюся дрянь!

Кто-то должен…

Со временем канули в небытие фургоны с надписями «Молоко» и «Хлеб», их сменили белые машины «PRODAM.RU». Москва разрослась, запуталась в дорожных развязках, вырастила тысячи видеоглаз, совсем перестала спать ночами, но по-прежнему убивала неосторожных жителей. А бывший врач Московской Обители по-прежнему работал в Службе утилизации. Он стал бригадиром, но выше не лез, научился общаться с коллегами, но никого не подпускал к своей душе, работал хорошо, но часто замирал, словно задумываясь о чем-то очень-очень важном.

И все свободные ночи проводил в библиотеке Обители, читая книги с таким вниманием, будто намеревался выучить их наизусть.

* * *

ТДЦ «Новинский пассаж»

Москва, Новинский бульвар, 18 октября, вторник, 12:10

Когда Тина приехала – на десять минут позже, чем договаривались, – Белосвет читал газету, потягивая кофе, Лакриций с кем-то оживленно беседовал по телефону, а Пиф словно окаменел, глядя в одну точку.

– Привет!

– Ты опоздала.

– Привыкайте.

– Зачем?

– А зачем указывать на очевидное?

Люд тяжело вздохнул.

– Тина, душечка, рад тебя видеть. – Лаки игриво поцеловал девушку в щеку и тут же сообщил в трубку: – Нет, милая, ты ее не знаешь… Нет, у тебя грудь больше… Конечно, правда… Как я могу тебя не любить?

Ведьма закатила глаза.

– А мы с этим живем, – прокомментировал хван. – Вчера неплохой денек выдался: он так никому и не позвонил.

– Невежливо говорить в моем присутствии «он», – вставил свое слово ко́нец.

– Я ведь из глубинки, с Алтая, нам там вежливость не прививают.

– Лапоть.

Девушка присела и заказала себе кофе и апельсиновый сок.

Когда официант отошел, Белосвет поставил на стол черную пирамидку и повернул ее вокруг основания, активируя оберег Темного Двора, лучшую защиту от прослушивания хоть техническим, хоть магическим способом, и поинтересовался:

– Итак, у тебя есть дополнительная информация о черной собаке.

– И есть желание прославиться, – не стала скрывать Тина. – Я слишком долго была простой, никому не известной ведьмой.

– Ты всегда будешь простой ведьмой, – улыбнулся люд.

– Но очень красивой.

– Лаки!

– Извини, что перебил. – Ко́нец послал девушке воздушный поцелуй.

– Я всегда буду простой ведьмой, но у меня появится имя, – уточнила Тина.

– Ты амбициозна?

– Громкое имя позволит поднять тариф на услуги. Да и клиентов привлечет.

– Какая умная девочка, – хихикнул Лакриций. – Почему ты до сих пор не дала мне свой телефон?

– Потому что я умная.

– У нее на все есть ответ.

– Твои условия? – деловито спросил хван.

– Мы действуем как единая команда.

– Если тебе нужны наемники, то ты ошиблась, – быстро произнес Белосвет. – Мы так себе солдаты, за исключением Пифа.

– Мне нужны ваши прямые эфиры, – объяснила ведьма. – Я уже сегодня получила четыре звонка от потенциальных клиентов, и все благодаря вчерашнему репортажу.

– Твой интерес понятен, – кивнул хван. – Мы согласны.

– У друзей спрашивать не будешь? – растерялась Тина.

– Мы заранее обо всем договорились, зная, чего ты захочешь.

– Я настолько предсказуема?

– Ситуация предсказуема, – объяснил Пиф.

– А ты – красивая, – вновь подлизнулся ко́нец.

– Лаки, я все равно не дам тебе телефон.

– Куда ты денешься?

– Давайте вернемся к делам, – предложил Белосвет. – Итак, Тина, что тебе еще известно?

– Вы обратили внимание на то, как странно скроен пес: из живых и мертвых тканей, тщательно наслоенных одна на другую и натянутых на каркас из костей и стали? – медленно произнесла девушка, решив пока не раскрывать свой главный козырь. – Я не

так уж много знаю о големах, но, по-моему, их так не делают.

– При нехватке материалов големов делают из всего, что попадается под руку.

– Пес работал на «батарейке» темной энергии, значит, он голем.

– Темная энергия, значит, Темный Двор? – предположила Тина.

Вопрос вызвал понятное замешательство. Репортеры переглянулись, после чего Белосвет нехотя ответил:

– Скорее всего.

– Но мы не думаем, что за историей с тварью стоят навы, – быстро добавил ко́нец.

– Потому что об этом страшно думать? – прищурилась ведьма.

– Потому что об этом глупо думать, – ответил хван.

– Почему?

Четырехрукий хмыкнул, всем своим видом показывая, что уж на такой-то вопрос Тина могла бы и сама найти ответ, но все же объяснил:

– Что сделала тварь? Убила людов, убила чудов. Убила травницу. Напала на Красных Шапок. Убежала в зоопарк. Допустим, с зоопарком вышло спонтанно, например, произошел сбой в управлении големом. Но остальное зачем? Сантьяга так не действует, у его операций всегда есть цель.

– Может, комиссар специально сыграл грубо, чтобы на него никто не подумал, – предположила девушка.

Ее слова вызвали вполне понятный скепсис.

– Другие предположения есть? – осведомился хван.

– Пиф, пожалуйста, не дави на нашу добрую знакомую, – произнес Белосвет.

«Даниилу, кстати, никогда бы не удалось сказать это так естественно, – подумала про себя Тина. – Все-таки благородства в людах больше, чем в челах…»

В один миг Тина поняла то, что раньше много раз пыталась себе объяснить, – всю мудрость иерархии Великого Дома Людь. И так же в один миг на нее обрушилось осознание того, почему в Тайном Городе не приветствуют полукровок. Они, дети двух систем, действительно могут разрушить изящные, прочные, веками отточенные механизмы взаимоотношений, работавшие внутри каждого Великого Дома и любой вассальной семьи.

У Тины вдруг защемило сердце.

«Я наполовину чуда, но не могу даже близко подойти к их Источнику. Я наполовину чел, но мне нет места среди людей, потому что я ведьма. А единственная магия, которая мне

доступна, – магия Великого Дома Людь, к которому я не имею отношения. Зачем Тайному Городу такой Франкенштейн в юбке? Что мне делать, если я всем здесь чужая?»

– Тина, с тобой все в порядке? – забеспокоился Лакриций. – Ты как-то неожиданно замолчала…

– Да-да, конечно… – Девушка поняла, что повела себя странно, и чуть смутилась. – Видимо, я была не права насчет Сантьяги… Но не это главное.

– А что главное?

– Вам не показалось, что пес был слишком безумен и слишком самостоятелен для голема? Обычно куклы не сходят с ума, и им ставят четкие задачи. А этот пес – он как ребенок, который познает мир и понятия не имеет, что, дергая сестренку за косичку, причиняет ей боль. Помните, как он прыгал по берегу? И для чего освободил тигра?

Это предположение понравилось хвану еще меньше, чем предыдущее.

– Не думаю, что ты права, – протянул он.

– А мне кажется, в этом что-то есть. – Белосвет задумался. – «Ребенок» остался без присмотра. Если предположить, что подобное существо – нечто условно живое, то у него должен быть хозяин.

– Или создатель.

– И дом!

– Все, что вы говорите, – элементарно и естественно: мы должны узнать, кто владелец голема и где он его держал, – спокойно произнес Пиф. – Вопрос в том, как это сделать.

– У меня есть основание предполагать, что логово твари находится в Лабиринте, – сообщила девушка, внимательно глядя на собеседников.

– Ненавижу Лабиринт, – вздохнул ко́нец. – Там так мерзко пахнет…

– Что за основание? – немедленно спросил хван.

– Веское.

– Точнее?

– Прорицание, сделанное челом.

– Ты понимаешь, что мне пришлось собрать в кулак всю свою волю, чтобы не расхохотаться?

Однако Тина уже взяла себя в руки и ответила весьма жестко и уверенно:

– Чел не имеет магических способностей, а этот факт повышает уровень предсказания до почти стопроцентного. Он впал в транс и начал вещать о Чудовище. По косвенным признакам стало понятно, что он имеет в виду пса. Но! Во время

прорицания я поняла, что в Лабиринте скрывается кто-то еще.

– Кто? – прошептал ко́нец.

– Кто-то более страшный.

– Давайте донесем о нем Великим Домам!

– Ерунда, – неуверенно произнес Белосвет. – Если бы в Лабиринте появилась какая-нибудь тварь, осы бы давно донесли на нее навам.

– А вдруг они слишком сильно боятся эту «какую-нибудь тварь»? – тихо спросила Тина.

Лаки ойкнул.

Белосвет осекся.

Хван взялся за подбородок левой верхней рукой и покачал головой.

* * *

Москва, Малый Конюшковский переулок, 18 октября, вторник, 13:13

Оружия раздобыть не удалось, несмотря на то что Дрезина со товарищи пытались все утро.

Ну, как пытались…

Проснувшись в холодной «Газели», Шапки вяло поругались, пожаловались на жизнь, помянули Четвертого бутылкой виски и отправились к Урбеку, в надежде продать ему «шикарную тачку», а на вырученные средства обзавестись чем-нибудь огнестрельным. Затея была с самого начала обречена на провал, поскольку старый Урбек Кумар общался с дикарями именно потому, что в его лексиконе отсутствовало слово «кредит». Тем не менее шас внимательно выслушал Дрезину, оглядел кучу кое-как склепанных между собой железок, на которой он приехал, покивал головой, когда уйбуй перечислял образцы вооружений, которые он готов приобрести, и тихо поинтересовался: «Где деньги?» Несчастный Дрезина промямлил что-то насчет частной армии и блестящих перспектив и услышал, что в обмен на «Газель» щедрый Урбек может выдать страждущим лишь ржавый «вальтер», который: «…достался мне от одного туриста в смокинге…» и незаправленную зажигалку «Зиппо».

«А она мне зачем?» – удивился тогда Дрезина, с сомнением изучая блестящую, как все бессмысленное, зажигалку.

«Бонус, – равнодушно ответил шас. – Не хочешь – не бери».

В общем, дикари уехали от скупердяя на своей машине, только на бензин потратились.

– Надо в Форт возвращаться, – вздохнул Тыква, когда «Газель» вырулила в какой-то переулок, где Шапки хотели ломануть хоть что-нибудь ради наличных. – Раз с армией не получается.

– Кто тебя там ждет, кроме виселицы? – осведомился Стамеска.

– Может, кто и ждет, – приосанился боец.

– Пуля?

– Чего прямо сразу?

– Пуля с Дерюгой гуляет, – неожиданно сообщил уйбуй. – Его только ждет, я проверял.

– Верная, значит, – определил Стамеска.

– Ага.

– Может, в Форт? – повторил Тыква.

– Тебе же сказали, что Пуля тебя не ждет, – напомнил Стамеска. – Чего там делать?

– Кувалда небось проспался уже и сожалеет, – протянул Тыква, умильно глядя на Дрезину. – Вдруг?

– Что Кувалда делает? – переспросил уйбуй.

– Сожалеет.

– Мощное слово. – Дрезина наморщил лоб. – А что оно значит?

– Ну, значит, что великий фюрер нас простил.

– Гм… – не поверил уйбуй.

– Кхм… – не поверил Стамеска.

– Романтик ты у нас, Тыква, – с грустью сообщил Дрезина. И добавил: – Мля.

– Кувалда нас простит только после того, как повесит, – обреченно произнес Стамеска. – А я так не хочу.

– Я тоже.

– Вот и консенсус, – пробормотал уйбуй.

– Что?! – вытаращились на командира бойцы. – Что ты сказал?

Но вместо ответа Дрезина крикнул:

– Смотрите! – И надавил на педаль тормоза так резко, что бойцы сначала ткнулись физиономиями в лобовое стекло и лишь потом уставились на то, на что было велено.

– Репортеры, – прошептал Тыква.

– И девка с ними, – заметил Стамеска. – Опять чего-то замышляют.

– Надо за ними пойти, – решил уйбуй.

– Зачем?

– Репортеры просто так ничего не делают, – объяснил Дрезина. – Они скандалы ищут для славы и денег.

– Мне слава не нужна.

– Во-от… Смекаешь, боец. – Уйбуй подбоченился. – Мы свою славу деньгами возьмем. Главное, узнать надо, чего они задумали.

* * *

Где-то под землей

Москва, 18 октября, вторник, 13:46

В итоге решили отправиться под землю втроем. Пиф, поразмыслив, сказал, что кто-то должен страховать экспедицию с поверхности, а поскольку машина его, то личность страхового агента очевидна.

Потеря лучшего бойца привела отряд в смущение. Лакриций тут же спросил: «Зачем?» И получил неутешительный ответ: «Кто-то должен будет рассказать, кто именно вас переваривает», чем привел впечатлительного ко́нца в состояние, близкое к истерике. Лаки заявил, что в гробу он видел все эти репортажи вообще и путешествия по Лабиринту в частности, и Тине пришлось простимулировать ко́нца номером своего телефона.

После этого оператор повеселел, сообщил, что «давно мечтал побывать в экзотическом путешествии с красивой девушкой», принялся набиваться на свидание, и храбрая троица спустилась под землю.

Лабиринт: таинственные московские подземелья, подземные ходы, пещеры, реки, стоки, бункеры военного назначения, тоннели действующего и заброшенного метро – все это считалось территорией осов, небольшого племени охотников, не знающих жизни на поверхности. Попасть в катакомбы можно было множеством различных способов, но ввиду отсутствия времени путешественники воспользовались одним из стационарных порталов, строящего магический переход на площадь Рваных кабелей – одну из самых оживленных под землей. Здесь охотники любили встречаться и сплетничать.

Но не сегодня.

– Мы вообще где? – пробормотал ко́нец, с отвращением озираясь по сторонам.

– Догадайся, – предложил Белосвет.

– Это еще Земля?

– Сильно сомневаюсь.

Помещение нельзя было назвать дворцом, но оно

существенно отличалось от большинства остальных подземелий. Скорее всего, когда-то челы пытались построить здесь то ли подземный гараж, то ли станцию метро, потом передумали, ушли, и осам досталось широкое и высокое помещение. Постепенно оно стало одним из значимых перекрестков, через который любили прокладывать свой маршрут охотники. Пол устилало что-то влажное, на что даже не хотелось светить фонариком, у стен валялись кучи полусгнивших тряпок, кости и пакеты из-под еды. Воняло. А где-то под потолком причудливое эхо негромко бубнило многостишия осских баллад.

Однако сейчас площадь была пуста.

– Куда они подевались?

– Может, у них время обеда? – неуверенно предположила Тина.

– Так и ели бы здесь.

– Кого?

Ко́нец поперхнулся.

– А может быть, хорошо, что здесь никого нет, – поразмыслив, произнес люд. – Так спокойнее.

– Хочу напомнить, что мы ради встречи с ними спустились в эту помойку, – проворчала ведьма. – Нам нужна информация, а значит – говорливый охотник.

– Ах да…

– Раз тут никого нет, можно возвращаться, – выдал Лакриций.

– Размечтался.

– Тогда пойдем завтра в «Ящеррицу».

Вместо ответа Тина включила фонарик и обвела лучом по влажным бетонным стенам. В некоторых местах их украшали примитивные рисунки и надписи, но, скорее всего, это постарались челы: осы предпочитали иное творчество.

– Куда пойдем? – прищурился Белосвет.

– Я думаю.

Сбоку донеся шум поезда метро.

– Может, они уехали? – зачем-то предположил ко́нец.

– Мы бы знали.

– Откуда?

– Оттуда, что если бы осы решили ограбить поезд и уехать на нем в сияющую даль, «Тиградком» уже знал бы об этом, – объяснил люд.

– Ты идеализируешь нашего работодателя.

– Считай это корпоративным духом.

– Идем туда! – Тина ткнула пальцем в один из трех проломов, что украшали длинную стену.

– Почему туда?

– Можем разделиться и пойти в разные стороны.

– Ты абсолютно права: этот проход сразу меня заинтриговал, – высказался Лакриций, однако первым в проем не полез, дождался, когда в него нырнет девушка, и последним не остался, на шаг опередив Белосвета. Ко́нец логично предположил, что пока местные твари будут пожирать авангард или арьергард, он успеет что-нибудь придумать для собственного спасения.

Проход, то сужаясь, то расширяясь, петлял и постепенно уходил вниз. Несколько раз Тина видела ответвления, но все они оказались слишком узкими, чтобы в них соваться. Наконец, под ногами захлюпала вода, и девушка остановилась.

В вечной ночи, потревоженной белым лучиком, мерещились тихие взмахи черных крыльев и невнятный шепот. Вокруг неслышно крались тени. Они задевали холодным дуновением, проносились мимо лица, метались по стенам, заставляли вздрагивать всем телом, прятались, но лишь для того, чтобы через секунду соткать из мрака новую фигуру.

– Заснула?

И девушка с удивлением поняла, что да – почти заснула. Тени и шорохи завладели ее вниманием, и лишь голос Белосвета вырвал Тину из забытья.

– Да.

– Ты уже пять минут здесь стоишь.

– Может, не просто так?

– Тебе за это платят?

– Лаки, не становись похожим на шаса, – улыбнулась ведьма.

– Для тебя, лапочка, я стану кем угодно, – пообещал ко́нец. – Нравятся ролевые игры?

Белосвет тихо кашлянул.

– Не настолько, чтобы представлять себя медсестрой, – неожиданно ответила Тина.

– А ты пробовала?

– Э-э…

– Представь: ты входишь в комнату, чтобы сделать мне перевязку… паха…

Белосвет громко кашлянул.

– Что?

– Заткнись.

– Заткни уши! – Лакриций вновь перевел взгляд на девушку. И она вдруг почувствовала, что где-то в глубине души… или не души… что где-то внутри стало зарождаться… Чувство? Нет! Нет, конечно же! Скорее, желание.

– Лаки, хватит! – резко бросил люд.

– Ты меня гипнотизируешь? – возмутилась ведьма.

– Ни в коем случае – семейная тайна запрещает, – твердо ответил ко́нец. – Мы принципиально не спим с пьяными, обкуренными, находящимися в трансе и с теми, кто нас не хочет. Но нас хотят все.

Белосвет вновь покашлял, но промолчал.

Тина зарделась. А вспомнив, как растаяла под взглядом Лакриция «железная» Мстислава, вздохнула и подумала, что напрасно поделилась с ко́нцом номером телефона.

– У нас гости, – негромко произнес люд.

Девушка повернула голову и едва не вскрикнула, увидев гигантскую крысу.

– Никогда бы не подумала, что они настолько большие.

– Никогда бы не подумал, что окажусь с ними лицом к лицу, – прошептал ко́нец.

За первой появилась вторая, третья, и вскоре путешественников окружили шестеро зверей.

– Снимаешь? – тихо спросил Белосвет.

– Да.

– Может, их опознают… потом.

Тина стиснула зубы и наставила на огромную крысу пистолет. Зверек оскалился, он явно понял, что девушка держит в руке оружие.

– Не успеешь, – предупредил люд.

– Одну успею.

– Остальные не остановятся.

– И что, сдаться?

– Почему сдаться? – не понял люд. – Мы сами сюда пришли, потому что хотим поговорить. Осталось дождаться того, кто умеет говорить.

– А если он явится к десерту?

– Осы знают о режиме секретности и не позволяют себе лишнего, – строго произнес Белосвет. – Поэтому поставь пистолет на предохранитель и убери его, чтобы не случилось беды.

Ведьма поразмыслила – ей было страшно оставаться наедине с крысами без оружия, но все же подчинилась. И едва ее «ПМ» исчез, как Лакриций сообщил:

– А вот, кстати, и он.

И повернул камеру чуть правее.

Из темноты послышался мелодичный свист, звери нехотя отступили, и перед путешественниками появился невысокий, тщедушный мужчина в грязноватой рубашке, штанах-карго и грубых армейских башмаках. Из-за его плеча выглядывала пачка дротиков.

Мужчина остановился шагах в десяти и чуть склонил голову

набок, всем своим видом показывая, что приглашает гостей начать первыми.

– Поговоришь с ним? – спросил Белосвет.

– А можно? – растерялась Тина, которая сто раз представляла, как будет говорить с осом, но оказалась к этому не готова.

– Нужно.

– Мы в тебя верим, – добавил ко́нец.

Девушка глубоко вздохнула, сделала шаг вперед и улыбнулась:

– Здравствуй, охотник Великой Оси! Меня зовут Тина, я пришла без спроса, потому что очень хотела говорить с тобой. Ты позволишь?

Щелки красных «кошачьих» зрачков оса расширились от изумления:

– Ты наслышана о моем искусстве? – недоверчиво спросил он.

– Об искусстве вашего народа, – не стала уточнять ведьма. – Я тут искала кое-что и решила, что раз уж я оказалась под землей, это хороший повод услышать знаменитые баллады собственными ушами.

После льстивой речи повисла тягучая пауза.

– Ты сдурела? – пискнул Лаки. – Ты хоть понимаешь, о чем говоришь?

– Не мешай, – огрызнулась девушка.

– Я не буду это слушать!

– Просто снимай!

– Только по двойному тарифу!

– Заткнись, – прошипел Белосвет.

– Кто это? – заинтересовался охотник.

– Э-э… – Тина не знала, как можно объяснить дремучему обитателю подземелья сферу деятельности своих спутников, и после короткой паузы, произнесла: – Летописцы.

Однако «дремучий ос» оказался вполне продвинутым в современных реалиях парнем.

– Из «Тиградком»? – деловито осведомился охотник.

– Точно, – подтвердила слегка удивленная ведьма.

– Я очень удачно получаюсь в профиль.

И он повернулся к Лакрицию боком.

– Снимай, – уныло вздохнул Белосвет.

– Прекрасная дева, баллады достойная, воина встретила, встретила воина в самом начале пути своего… Я Куня, – поспешно представился охотник, перебив сам себя, после чего мечтательно закатил глаза и причмокнул. – А у тебя есть имя?

– Тина.

– Как на болоте?

– Я из челов.

– Я заметил.

– И я хочу не только послушать твою удивительную балладу, но и поговорить о деле, – строго произнесла девушка, которой не очень понравилась реакция спутников на появление оса.

– О деле? – растерялся Куня.

– Без этого меня начальник не отпускал.

– Ты тоже летописец?

– Ага.

– Где твой микрофон?

– Я менеджер проекта.

Девушка надеялась, что солидное и сложное название должности заставит оса заткнуться, но тот оказался необычайно любопытен.

– Какого проекта?

– Посвященного искусству Лабиринта.

– Какая дура! – прошептал ко́нец. – Мы теперь не уйдем, пока не услышим все его сочинения.

– Боишься стать импотентом? – хихикнул люд.

– Не перебивайте нас, пожалуйста, – начальственным тоном произнесла девушка. И вновь повернулась к осу: – И пока ты выбираешь, какую балладу мне поведать…

– Я спою их все!

– Конечно, споешь, – не стала спорить Тина. – А мой друг-летописец снимет их на камеру.

– За что ты так со мной? – простонал Лакриций.

– За телефон, – мстительно улыбнулась ведьма.

– Он украл у тебя телефон? – насторожился ос.

– Попробовал бы. Но мы отвлеклись. У меня есть дело.

– Какое?

А вот на этот вопрос Тина заготовила ответ давно и четко знала, как следует его произнести. Она чуть наклонилась, став к осу ближе, приняла слегка тревожный, но при этом – деловой вид и, понизив голос, сообщила:

– Куня, я ищу логово.

– Собираешься рожать?

– Э-э… – Сзади кто-то ехидно засмеялся, но девушка не стала поворачиваться. – Нет, не собираюсь.

– А, просто логово? Не получится. – Куня покачал головой и огорченно прикрыл непропорционально большие глаза. – Прекрасной деве не быть вдвоем с охотником в логове. Слишком мало времени у них, чтобы узнать друг друга, и недолго совсем она кормила его крыс, не слушала его баллады и трех ночей.

Печаль терзает мне сердце.

Ехидный смех сзади стал чуть громче. И кажется, добавился второй.

– Да на кой… – Красная как рак Тина помолчала, глубоко вздохнула, успокаиваясь, чтобы не брякнуть накипевшее, и продолжила: – Я ищу не твое логово, Куня! Здесь где-то неподалеку живет черный зверь. Знаешь его?

Ос перестал улыбаться, а его крысы, до того благодушно лежавшие на полу, бесшумно поднялись и отступили в темноту.

– Знаю, – тихо ответил Куня. – Только это зверь, который не живет.

Внутри Тины зазвенели невидимые струны.

– Споешь мне о нем, великий охотник? – вкрадчиво спросила ведьма.

Белосвет и Лаки сделали стойку.

Куня потер руки и подтянул замызганные штаны.

– Сначала я спою тебе о деве в подземелье и о великом охотнике. Баллада родилась в моем сердце и рвется наружу.

– А потом?

Куня нахохлился и недовольно буркнул:

– Зверь не героический, и жизни в нем нет. Я не стану воспевать его.

Видимо, черная тварь неслабо его напугала.

– Ты с ним сражался?

– Неважно.

Скорее всего, и крыс у Куни поубавилось после встречи с ней. Шесть штук – это далеко не предел для охотничьей стаи.

– Зверь напал на тебя?

Напор все-таки принес результат. Ос понял, что ведьма все равно добьется ответа, вздохнул и сообщил:

– Зверь хотел меня убить, но крысы не позволили. Они погибли, чтобы я жил.

– Почему площадь Рваных кабелей пуста? – подал голос Белосвет.

– Мы собираемся убить зверя, но пока нас мало. Мы пошли по Лабиринту, чтобы сказать другим охотникам. – Куня выдержал паузу. – На Рваных кабелях опасно.

– Отведешь нас к логову?

– Нет.

– Почему?

– Он вас убьет.

– А если нет?

– Ты за ним пришла? – прищурился охотник. – Тебе нужен зверь, а не наше искусство.

– Я пришла за тем, за чем сказала, – твердо ответила девушка. – Я сразу сказала, что у меня есть два дела: то, ради чего меня послал начальник, и ваше искусство. Давай так: ты поешь мне балладу по дороге к логову.

– Всего одну?

– А на обратном пути – вторую, – пообещала Тина. Ко́нец тихо выругался. – Мы запишем тебя, покажем главному летописцу, он придет в восторг…

– Наверное, – прошептал Белосвет.

– И тогда мы вернемся и запишем остальное.

– Договорились. – Ос протянул девушке налобный фонарь. – Надевай, и пошли.

И двинулся по коридору.

Не ожидавшие, что все так легко получится, «летописцы» обрадованно поспешили следом.

– Скажи, Куня, а ты, случайно, не встречал вблизи логова хозяина зверя-который-не-живет? – продолжила расспросы Тина.

– Он маг.

– Ты его видел?

– Он маг, который не хочет встречаться с охотниками Великой Оси.

«Не повезло», – вздохнула ведьма.

– В какую сторону идем?

– Туда, – махнул рукой Куня. – Там у челов ходы секретные… – При слове «секретные», он не сдержался и хихикнул. – Тебе понравится там ходить – просторно. Ну, слушай:

Прослышав об осах великих,
Пришла чародейка в пещеру,
Что узким открылася лазом
В другую пещеру – побольше.
А там с гладкобокою крысой
Охотник, умелый и ловкий,
Ей встретился, чтобы навечно
Ввернуться ей в память и мысли…

– Или нет! Лучше «ввергнуться». Навечно ввергнуться! Правда, так слог становится значительнее?

– Конечно!

Надо сказать, что света от залепленного грязью фонаря, который Тина водрузила на лоб, было чуть. Но, к ее удивлению, далеко не все подземелья тонули в кромешной тьме. В самых сырых и вонючих закоулках нет-нет да и попадались тускло светящиеся лампочки.

Вслед за эпическими произведениями пошли баллады рифмованные, за ними речитативы, чем-то напоминавшие рэп. И только гостья подумала, что Куня, заполучив благодарную слушательницу, водит ее по Лабиринту кругами, подоспела очередь «Баллады о Мертвой Королеве».

Маленький охотник сбавил шаг. Его голос, когда он затянул эту «Балладу о Мертвой Королеве», словно выцвел, стал серым, как кожа певца:

В вечной дреме и в короне туша страшная лежит.
Не проснется, не задышит, никуда не убежит.
Ей – умершей королеве – вечно снится вещий сон.
Спящий Бог ее назначил мертвым сторожем времен.
Но однажды в хладном мраке горькой полночи глухой
Растревожится глупцами вековой ее покой
И восстанет королева, дико с голоду пьяна,
И всему живому в мире сразу станет не до сна…

У Тины от такого содержания и исполнения мороз пошел по коже.

– Куня, это очень сильное произведение, – пробормотала она.

– Да, – кивнул маленький охотник, остановился и свистом подозвал крыс, свободно шнырявших по бесконечным боковым ответвлениям. – Я пел его, потому что мы пришли на место Великой Битвы, в которой пали мои охотничьи крысы. И дальше я не пойду.

– Совсем?

– Я здесь потерял вожака стаи. – Куня вздохнул. – Он укусил неживого зверя! Еще немного, и тот обратился бы в бегство, но смерть настигла вожака, и…

«И ты удрал. Остальные крысы разбежались, а тварь носилась по этим подземельям до тех пор, пока не выскочила на поверхность».

– Понятно, – кивнула девушка. – Куда дальше?

– Идите вперед, – велел ос. – Веди рукой по стене, сосчитай два боковых прохода, от третьего налево и придешь.

– Спасибо тебе, Куня. Ты отважный охотник и гениальный поэт. – На этом можно было расставаться, однако ведьма поняла, что не может уйти просто так. – Скажи, пожалуйста, чем кончается «Баллада о Мертвой Королеве»?

– Тина! Как ты могла не уловить печальное настроение этого великого текста?! Я никогда его до конца не читаю и не пою. Это слишком трагично.

– Я уловила, уловила! Но все-таки?

А вот сейчас замерли все, Белосвет и Лакриций слышали это произведение Куни, почувствовали примерно то же, что и девушка, и с нетерпением ждали ответа.

– Мертвая Королева съела все живое, даже Спящего, и сама стала Спящим, – угрюмо ответил охотник. – Мир изменился.

Лаки вновь выругался.

Ос сделал несколько шагов прочь, но остановился, развернулся и посмотрел на девушку. Та с готовностью протянула ему налобный фонарик, держа за липкий от грязи ремешок. Подумать страшно, что эта штуковина побывала у нее на голове.

– Так мы договорились? – с достоинством напомнил Куня, забирая свою игрушку.

– Если главный летописец придет в восторг, – напомнила Тина.

– Он придет, – пообещал ос. – Все любят, как мы поем.

Лакриций до крови прокусил себе губу. Ну, чтобы ничего не сказать.

* * *

Московская Обитель, штаб-квартира семьи Эрли

Москва, Царицынский парк, 18 октября, вторник, 14:05

Мстислава призналась себе, что получает от происходящего какое-то извращенное удовольствие: расследовать загадочные происшествия в компании Кристиана ле Сейджа оказалось не так плохо, как предполагала фата, и даже…

И даже интересно.

Кристиан полностью разделял мнение Мстиславы о «Тиградком» – сборище ублюдков, дегенератов и проходимцев; абсолютно соглашался с тем, что шасы – кровопийцы: «Я бы сказал тебе, сколько плачу за ипотеку, но опозорю Орден»; и при этом оказался остроумным парнем и вообще отличным малым. Лет двадцать назад он наверняка вскружил бы Мстиславе голову, а сейчас фата просто решила переспать с рыцарем после окончания расследования. Без чувств, разумеется, просто по-дружески.

Если заслужит.

И пока получалось так, что Кристиан заслуживал. Во всяком случае, он подкинул прекрасную идею:

– Нужно проверить, как себя чувствует молодой де Рю.

– Для чего?

– В смысле?

– Ах… – Мстислава махнула рукой. – Извини, я отнеслась к предложению, не подумав.

– Ты меня извини, – немедленно отозвался чуд. – Я сделал его неожиданно.

– Что?

– Предложение отправиться к де Рю. Мне сообщили, что он пришел в себя и…

– Его можно допросить?

– С ним можно поговорить, – уточнил рыцарь. – Эрлийцы говорят, что он еще слишком слаб.

– Наверное, тебе обидно говорить это о соплеменнике?

– Евгений был ранен, и его слабость вызвана только этим.

– Это многое меняет, – улыбнулась фата. – Отправляемся!

Бордовый «Линкольн» ле Сейджа быстро домчал дознавателей до Царицыно, а их должности открыли двери Обители. Нельзя сказать, что монахи безумно обрадовались гостям, но и отказать они не смогли.

– Не более пяти минут, – строго предупредил брат Ляпсус, недружелюбно разглядывая незваных гостей. – И никакой магии.

– Это уж как пойдет, – хмыкнул Кристиан, явно собираясь «показать себя» перед Мстиславой, однако брат Ляпсус был практикующим полевым хирургом, работал не только в Обители, но, случалось, непосредственно на поле брани, и умел осаживать рыцарей. И не только рыцарей.

– Пойдет так, как рекомендует лечащий врач, – хладнокровно произнес эрлиец. А заметив, что Мстислава открывает рот, добавил: – Или парочка выдающихся детективов будет ждать полного выздоровления молодого де Рю.

Обитель имела нейтральный статус, гарантированный личными печатями всех трех владык, и на своей земле монахи имели право защищать нейтралитет любыми доступными средствами. Естественно, сам Ляпсус не продержался бы и минуты ни против фаты, ни против рыцаря, но на его крик из Цитадели молниеносно примчится оперативный отряд гарок, а темные в таких обстоятельствах сначала рубят, а потом спрашивают: «Кого?» Прецеденты были.

– Да не будем мы его мучить, не будем, – хмуро бросил Кристиан, поняв, что покрасоваться не получилось и нужно просто спасать лицо. – Он же чуд, в конце концов.

– Вот и я о том же.

Фата вздохнула, но промолчала.

Молодого де Рю они обнаружили в сознании, но очень

слабым. Юноша был тщательно спеленут – его покрывал толстый слой густых мазей, и буквально парил над кроватью, поскольку лежать ему было бы слишком больно. Говорил он едва слышно, отрывисто, через силу, но дознавателям было достаточно и этого.

– Меня зовут Кристиан ле Сейдж. Моя спутница – фата Мстислава. Мы расследуем схватку в Петровском парке.

– Бойню…

– Или так, – не стал спорить рыцарь. – Ты видел что-нибудь?

– Нет.

– Ты упомянул, что чувствовал запах персиков.

– Так и есть.

– Уверен?

– Было такое ощущение.

– Насколько ты уверен?

– Состояние я бы на это не поставил, – попытался пошутить де Рю, но сбился.

– Мы не нашли следов морян.

– Плохо искали?

– Евгений, я не нашел следов морян, – веско произнес ле Сейдж. – А я искал хорошо.

– Извините.

– Ничего страшного.

– Посмотри на эти фотографии. – Мстислава достала распечатки, сделанные с видео репортеров «Тиградком» в зоопарке. – Эта тварь тебе знакома?

Несколько мгновений де Рю пристально вглядывался в не очень четкое изображение, после чего вздохнул:

– Нет, я ее не видел. – И закрыл глаза: – Мне очень жаль.

– На этом закончим, – решил брат Ляпсус. – Всем спасибо.

* * *

Где-то под землей

Москва, 18 октября, вторник, 15:06

Маленький охотник бесшумно растаял во мраке, а журналисты, то ли труся, то ли нервничая, то ли и то и другое, направились вперед, аккуратно считая ответвления.

– Что я здесь забыл? – простонал ко́нец. – Зачем я тут?

– Ты будешь первым, кто обо всем узнает, – попытался объяснить Белосвет.

– О чем?

– Обо всем.

– И о моей смерти?

– О ней, поверь, ты и в самом деле узнаешь раньше всех.

– Не каркай, – разозлился Лаки.

– Ты сам заговорил о смерти.

– Я – образно.

– А я…

– Ты – грубо.

– Вам поговорить больше не о чем? – недовольно спросила девушка.

– А о чем?

– О том, что мы уже почти пришли.

Тина выполнила инструкцию Куни слово в слово и остановилась, когда луч фонарика уперся в преграду. Точнее, в остатки преграды. Когда-то этот коридор перекрывала массивная двустворчатая дверь, однако сейчас одна створка валялась на полу, другая, выломанная изнутри, висела на одной петле.

Казалось – проход открыт, но легчайшее магическое сканирование показало, что логово зверя защищено «Кольцом саламандры» третьего уровня. Это заклинание гарантированно сжигало все, что пыталось пройти через него, но существовал нюанс: «на выход» «Кольцо» не работало, что и позволило твари сорваться с цепи.

– Теперь понятно, что мы имеем дело с лабораторным образцом, – протянула ведьма, разглядывая вход в логово. – Тварь создали, но она сорвалась с цепи.

– Скорее всего, – кивнул люд.

– Вопрос в том, кто его создал, – пискнул ко́нец.

– Ага.

– А «Кольцо саламандры» работает на темной энергии…

– Это ни о чем не говорит, – подумав, ответил Белосвет. – Здесь может работать артефакт.

– Может, – согласилась Тина. – Скоро узнаем.

Девушка осторожно подошла к границе, за которой смерть поджидала все живое, и присела на корточки, сканируя зону поражения на предмет скрытых арканов.

Вокруг стало очень тихо – не слышно поездов метро, нет посторонних шорохов, звуков капающей воды, не чувствуется дыхания подземелий Тайного Города.

Все мертво.

– Ты сможешь снять «Кольцо»?

– Я думаю над этим.

– Ты вроде не самая сильная ведьма в мире, – протянул

Белосвет.

– Среди челов не часто встречаются сильные ведьмы, – уточнил Лаки.

– Спасибо на добром слове, – не сдержалась Тина.

Она понимала, что спутники правы, но почувствовала себя уязвленной.

– Я еще не видел, чтобы «Кольцо» снимали колдуньи ниже уровня «фата», – сообщил ко́нец. – У тебя какой?

– Заткнись и не мешай.

– Ладно, завтра расскажешь… В «Ящеррице».

– Заткнись!

– Просто если ты не можешь снять защиту, то нечего тут стоять, – закончил Лакриций, совершенно не обидевшись на грубый окрик ведьмы.

И он, как все понимали, был абсолютно прав, но… Всегда есть «но».

– Я не могу снять «Кольцо саламандры».

– Понятно, уходим, – с облегчением произнес Лакриций.

– Но я могу пройти в логово.

– Как?! – взвыл ко́нец, который уже видел себя на поверхности и в безопасности.

– У меня есть «Двери», – произнесла Тина, глядя Белосвету в глаза. – И я могу перепрограммировать их на другие координаты.

– Упс, – уныло прокомментировал происходящее Лакриций.

«Кольцо саламандры» отлично защищало область от вторжения, но сквозь нее можно было пройти порталом. Чтобы этого не случилось, параллельно с «Кольцом» обязательно ставили искажающие пространство заклинания, создающие помехи магическим переходам, но хозяин логова не был специалистом в охране и пренебрег одним из важнейших арканов.

– Идем внутрь?

– Обязательно.

– Можно я подожду здесь? – спросил ко́нец, которому очень не хотелось лезть туда, откуда сбежала страшная черная тварь.

– А вдруг тебя съедят крысы?

– Нет, только не они!

– Великая ведьма нашла способ обмануть «Саламандру»?

Ос не ушел, а терпеливо ждал. Возможно, надеялся, что путешественников поджарит и он сможет спокойно пообедать. Возможно, надеялся на их сметку и умение преодолевать препятствия.

– Зачем ты здесь? – быстро спросила Тина, услышав от Белосвета тихое: «Это твой клиент».

– Я устыдился того, что отправил тебя одну…

– Понятно. Теперь не мешай.

Куня развел руками, понял, что его никто не слушает, и встал рядом с Лаки. Тот принюхался и шагнул в сторону. А Тина достала томик Блока и принялась читать заклинания, пытаясь перестроить «Дверь» на другие координаты.

Белосвет наклонился к маленькому охотнику и строго прошептал:

– Когда окажемся внутри, держись позади и ничего не трогай.

– Почему? – удивился ос, привыкший, что в Лабиринте можно брать все и, как правило, без спросу.

– Потому что логово устроил сильный колдун, и он наверняка расставил внутри ловушки для храбрых охотников.

– Я понял.

– Надеюсь.

Куня помолчал, что-то прикидывая в уме, после чего осведомился:

– А кто еще с нами?

– Кто? – не понял люд.

– Ты сказал: для храбрых охотников – множественное число, а я тут один, – объяснил ос. – Кого ты еще позвал.

Белосвет перевел взгляд на захихикавшего ко́нца, но ответить Куне не успел: Тина бросила на землю томик, и через секунду он обратился в черный вихрь.

– Пора!

– Ты уверена, что мы пройдем через «Кольцо»? – опасливо поинтересовался Лакриций.

– Есть только один способ проверить!

Ведьма шагнула в портал.

– Эх!

Белосвет последовал за девушкой, но прежде втолкнул в вихрь сомневающегося ко́нца.

Последним в закрывающийся переход прыгнул ос. Его верные крысы остались снаружи.

Веками слагать я хвалебные песни
Великой волшебнице буду,
Которая нас провела через стены…

– Заткнись, Куня, – предложила Тина, после чего нащупала на стене включатель, повернула его и тут же сощурилась от вспыхнувшего света.

Помещение освещалось двумя лампами и больше всего походило на разгромленную и в спешке покинутую лабораторию. Тварь здесь знатно порезвилась, прежде чем выбраться наружу.

Пол был усыпан битым стеклом и какими-то снадобьями. Шкафов в помещении не было, а с многочисленных полок черный пес, кажется, смахнул на пол все, до чего только смог дотянуться. Из стены, справа от дверей, торчал стальной крюк, на котором болталась разомкнутая цепь. Не порванная! Значит, черный пес не сбежал – его отпустили. Или взяли с собой на прогулку, где он сорвался с поводка.

– Очень интересно, – прошептала Тина.

Вокруг царил хаос. Под ногами валялись устрашающего вида инструменты, отдаленно напоминавшие хирургические.

– Освещение здесь слабенькое, – пожаловался Лакриций.

– Дать фонарик? – предложил люд.

– Смеешься?

Посреди помещения стоял широкий прозекторский стол, а у дальней стены высились кучи хлама, как сначала показалось Тине. Она присмотрелась и ахнула от ужаса – это была настоящая биологическая помойка. Каких только органических фрагментов здесь не попадалось, начиная с собачьих шкур и заканчивая обглоданным трупом бомжа и коровьим черепом. Борясь с приступом тошноты, Тина осторожно втянула носом воздух. В помещении царил чуть сыроватый запах подземелья. То есть вся эта груда биоматериала была тщательно очищена, обработана и готова к употреблению.

Зачем?! Как это можно употребить? Например, слепить пса, который «вырвется из близкого подземелья»… Вот оно – это подземелье. После того как Тина увидела его своими глазами, от пророчества не удастся отмахнуться.

Грядет Пустошь.

– Куня, ты еще здесь? – слабым голосом спросила Тина, не в силах отвести взгляд от горы останков.

– Много добра пропало, но кое-что кое на что сгодится, – уверенно заявил маленький охотник. – Я возьму?

Не сказать чтобы Куня заискивающе испрашивал дозволения. Интонация была скорее угрожающей. Но все же он всем своим видом показывал, что считается с мнением спутницы.

– Бери.

Тина провела ладонью по лицу.

«Мне все это не по силам. Надо уходить и поискать того, кто справится. Пусть Белосвет сообщит в Зеленый Дом».

Другой угол был завален железяками, фрагментами всевозможной брони, автомобильными покрышками, искореженным оружием, рваными пластинами, грозно блестевшими прочной чешуей. Из кучи торчала цепь от бензопилы, какие-то шестерни, массивные ножницы по металлу и

обломок секиры с клеймом в виде танцующего журавля. Арсенал Зеленого Дома.

Было что-то отталкивающее и одновременно притягательное в этом странном месте, где появился на свет черный пес. Лаборатория будоражила воображение.

– Все-таки голем, – прошептала Тина. – Трупно-мусорный голем. Брр.

– Но кто здесь всем заправлял? – спросил ко́нец.

– Узнаем, – пообещал Белосвет. – Обязательно узнаем.

– Когда?

– Не думаю, что расследование займет слишком много времени. Тут полно документов и, наверное, генетических образцов. Считай, что расследование завершилось. Ты, главное, снимай.

– Я снимаю…

Тина присела на корточки и собрала разлетевшиеся по полу листы, исписанные дергаными строчками незнакомых символов. На обороте одного листа обнаружился неумелый набросок открытой пасти. Строчки выстраивались в более-менее ровные абзацы, в тексте просматривалась определенная системность, характерная для рецептов или тщательно расписанных планов, но без «толмача» Тина не смогла перевести ни слова.

– Ты знаешь, что это за язык?

– Нет, – покачал головой люд. – Но уверен, что дознаватели определят его мгновенно.

– Тихо! – девушка схватила Белосвета за руку. – Здесь кто-то есть.

– Внутри?

– Рядом.

– Я тоже чую грядущие неприятности, – трагически прошептал ко́нец.

– Ты всегда их чуешь.

– Тихо!

– Крысы волнуются. – Куня соскользнул с помойки и выхватил дротик.

– Почему они не напали? – спросил Белосвет, доставая пистолет.

– Испугались, – не стал врать ос. – Это маг.

– Воры! – внезапно произнес глухой и неприятно каркающий голос.

– Кажется, мы влипли, – проныл Лакриций.

– Еще как! – ответил ему голос.

Из темноты.

– Мне страшно.

– Это продлится недолго.

– Ты кто такой?

– Какая разница?

В следующий миг Тина ударила «Эльфийской стрелой», через секунду поняла, что попала, рассмеялась, но тут же оборвала смех, сообразив, что молния не причинила неизвестному вреда.

Мрачная фигура, которая надвигалась из тьмы коридора, окуталась пламенем. Полыхнула, угасла и задымила длинная хламида, в которую появившийся был закутан с головы до ног… Но и только!

Тина отскочила, перелетела через стол и опрокинула его, словно эта с грохотом завалившаяся набок преграда могла остановить надвигавшееся на нее неуязвимое существо. Зашипел Куня:

– Сделайте что-нибудь!

Белосвет открыл огонь. Девушка выхватила свой «ПМ» и принялась остервенело жать на спусковой крючок. Пули защелкали по стенам. Они рикошетили в замкнутом пространстве, разбивая вдребезги те склянки и диковинные инструменты, что еще каким-то чудом уцелели на полках, угодили в одну из ламп и едва не повредили камеру.

Но дымящейся фигуре пальба не причиняла особых неудобств. Неуязвимый сделал шаг вперед, и тогда ко́нец завизжал:

– Портал! Тина! Делай портал!

И тем подал ведьме прекрасную идею.

Девушка бросила на пол томик Мандельштама и пнула его ногой. Завертелся черный вихрь, и путешественники, вместе с примкнувшим к ним Куней, исчезли из логова.

* * *

Где-то под землей

Москва, 18 октября, вторник, 15:33

«Я вас найду! – прогремело в темноте. – Воры! Мерзавцы! Воры!!»

А перед этим – гулкие выстрелы и крики…

Страшно.

К счастью, обладатель громкого голоса не стал обыскивать окрестные коридоры, а остался в конце тупика, где, по всей

видимости, находилось его обворованное логово. Оттуда донеслись кряхтенье, сопенье, невнятные ругательства и такие же невнятные звуки: то ли кто-то что-то скреб, то ли кто-то что-то рвал. А возможно, и то и другое.

Дрезина на всякий случай выждал еще немного, после чего повернулся к перепуганным бойцам и тихо спросил:

– Все это слышали?

– Если что, я тоже предлагаю бежать, – стуча зубами, ответил Стамеска.

– Куда? – осведомился уйбуй.

– Не знаю.

– Ты понимаешь, что привел нас на смерть? – едва слышным шепотом завопил Тыква. – Сдохнем все тут и, крысами обгладаемы…

Закончить боец не сумел: Дрезина вмазал паникеру в ухо, повалил и наступил на него, затем сообщил Стамеске:

– Раз они сюда лезли, значит, тут есть сокровища.

– Идиот! – прохрипел побитый участник экспедиции.

– Ты как с уйбуем говоришь, дерево! – Дрезина надавил на бойца крепче.

– Я не дерево, я – Тыква.

– Хрен редьки не слаще.

– И не хрен.

– А я не редька, – зачем-то сообщил Стамеска.

Некоторое время Шапки думали о корнях, после чего уйбуй убрал ногу, Тыква поднялся, и совещание продолжилось.

– В общем, так, бойцы, тут у нас я вижу какое-то непонимание, поэтому скажу проще: никуда мы не пойдем, – произнес Дрезина, строго оглядывая подчиненных.

– Это еще почему?

– Ты обратную дорогу помнишь?

– Нет, – вздохнул Стамеска.

– Я тоже.

– А ведь ты уйбуй! – вздохнул Тыква.

– Уйбуй, – не стал спорить Дрезина. – А не навигатор.

– Мля…

– Мы пропали. – Тыква снял бандану и вытер ею лицо. Возможно, скрывая слезы.

– Спокойно, кретины, – поднял руку уйбуй. – Видели того здоровяка?

– Который в тупик пошел и репортеров разогнал? – на всякий случай уточнил Стамеска.

– Да.

– Я к нему не хочу.

– Надо за ним проследить, – продолжил Дрезина.

– Чтобы умереть достойно?

– Мы его выследим, донесем Великим Домам, получим награду и откроем, наконец, свое ЧК.

– ЧВК.

– И его тоже.

Чарующее слово «награда» сумело пробиться к мозгам дикарей, и бойцы, поразмыслив, перешли к технической стороне вопроса:

– За длинного дадут награду? – деловито уточнил Тыква.

– А ради чего репортеры сюда приехали? – хмыкнул Дрезина.

– Ты сам говорил – за славой.

– За славой и деньгами. – Уйбуй поднял указательный палец. – А получим их мы!

Глава 7

Москва, улица Красная Пресня, 18 октября, вторник, 15:41

– Опять ты?! – изумился Висцерус.

– Ты здесь уже была? – изумился Белосвет.

– Вы его убили? – с надрывом поинтересовался Лакриций.

– Я потерял крыс! – с надрывом завопил Куня.

И только перепуганная ведьма не завопила, не поинтересовалась и не изумилась. Тина поправила волосы, отряхнула рукав и мило улыбнулась эрлийцу.

– Добрый день.

– Зачем ты их привела? – спросил тот. – И что вообще происходит?

– Я не хотела.

– Не хотела что? – не понял старик.

– Не хотела нас спасать? – изумился ко́нец.

– Где мои крысы? – проныл ос. – И где мы?

– Вы в моей аптеке, – сообщил Висцерус. – И если ничего не купите, я выкину вас вон.

– Мы сами уйдем, – пообещал Белосвет. – Только машину вызовем.

– Уф-ф! – Тина уселась на банкетку и театральным жестом вытерла лоб, показывая, как сильно она устала. – Висцерус, прости, я не намеревалась к тебе возвращаться и не ожидала, что мы окажемся у тебя. Видимо, Лега каким-то образом перепрограммировал две «Двери» вместо одной.

– Лега мог, – подумав, признал эрлиец. – А это кто?

– Я… – начал было Белосвет, но старик и не подумал прерываться:

– Громила похож на люда.

– Следи за языком!

– Это мои друзья, – сообщила девушка.

– Сомневаюсь, – поморщился Висцерус.

– Спутники?

– Уже точнее.

– Товарищи по несчастью? – продолжила предполагать ведьма.

– Дорогая, что у тебя стряслось? И как ты могла оказаться в подобной компании?

– Мы скоро будем близки, поэтому относитесь к нам с уважением, – проворчал ко́нец. – Во всяком случае, ко мне.

– С тобой у нас не может быть никакой близости, – отрезал старик.

– Я о Тине.

– Размечтался, – буркнула девушка.

– Дала ему телефон? – поднял брови эрлиец.

– Да.

– Напрасно…

Лакриций с интересом уставился на стенд с крафтовыми презервативами. Тина, которой впервые уделил внимание представитель семьи ко́нцов, слегка затрепетала.

И неизвестно, чем бы все закончилось, если бы зал не наполнил отчаянный вопль:

– Где мои крысы?! – трагически и громко спросил Куня. – Где?!

– Без них он как без рук, – вздохнул Лакриций, не отвлекаясь от стенда.

– Некоторые ученые считают, что осы – это заразная болезнь, – произнес Висцерус, наблюдая за ходящим по кругу Куней. – Зачем вы его подцепили?

– Мы все спасались, – ответил Белосвет.

– От кого?

– Не знаем.

– Прекрасно.

А девушка вдруг подумала, что судьба не зря привела ее к ворчливому эрлийцу. Возможно, Висцерус именно тот, кто ей нужен: учитывая его энциклопедические знания, он наверняка сможет опознать язык, на котором написаны собранные ею документы.

– Почему мы до сих пор не звоним Великим Домам? – спросил Лакриций, продолжая изучать эрлийские товары.

Но Белосвет понял, чего хочет Тина, мысленно согласился с ее решением довести расследование до конца, и отрезал:

– Успеем.

– А если он сбежит?

– Никуда он не денется.

– Кто «он»? – поинтересовался старик.

– Висцериус, хочу вам кое-что показать. – Тина решительно сдвинула в сторону колбы, реторты, весы, бутыли и выложила на стол бумаги. – Что скажете?

Эрлиец склонился над исписанными листами, взял тот, что лежал сверху, перевернул.

– Какой странный почерк… Мне потребуется некоторое время…

– Вы узнаете язык?

– Есть несколько похожих… Подождите.

Висцерус сначала перелистал черновики, затем осмотрел внимательнее, с бешеным азартом принялся рыться в каких-то справочниках и свитках, которыми был завален необъятный стол, роняя их на пол, и, наконец, затих.

Повисла неловкая пауза. Тина собрала с пола упавшие книги и положила на краешек стола аккуратной стопкой, но не решилась заговорить первой. Старик молчал, подпирая голову руками, словно у него случился приступ жара или головной боли. Белосвет подмигнул ко́нцу, и тот незаметно включил запись. И только ос продолжал ходить в дальнем конце зала, что-то бормоча себе под нос и не проявляя никакого интереса к происходящему.

– Где ты это взяла? – глухо спросил аптекарь.

– Долго объяснять, брат Висцерус.

– Хотя бы в общих словах.

– Почему это так важно? – Белосвет допустил ошибку: подал микрофон вперед, ближе к эрлийцу, и тот понял, что репортеры заняты делом.

– Только не надо видео!

– Почему?

– Заколдую всех! – пообещал старик.

– Во что? – удивился ко́нец.

– А тебе устрою преждевременный выползень.

– Не надо! – Лакриций демонстративно выключил камеру, и мир был восстановлен.

– Вы знаете, что это? – продолжила Тина.

– Где вы взяли бумаги?

Упрямства подданным Темного Двора было не занимать, и ведьма решила чуть поддаться, чтобы старику было удобнее начать говорить правду.

– Если в двух словах, то бумаги мы извлекли из тайной лаборатории, в которой изготовили одну мерзкую тварь.

– Какую именно?

– Ту самую, про которую «Тиградком» жужжит со вчерашнего дня.

– Наши репортажи не жужжание, – возмутился Белосвет. Но негромко, чтобы не помешать разговору.

– Ты видела хозяина лаборатории? Говорила с ним?

– Мы от него сбежали, – ответила Тина. – Он хотел нас убить.

– Не может быть! – не поверил Висцерус.

– Еще как может.

– Вы его знаете? – встрял в разговор Белосвет. – Кто он?

– Он вернет мне крыс?

– Опишите мне его. Как можно подробнее!

– Сначала скажите мне, что это за черновики.

Но старик ее не услышал.

– Тина, ты хорошо его рассмотрела? Он не показался тебе излишне неуклюжим и грузным? С помятым лицом и шарфиком на шее… Одно время он носил растянутый свитер с высоким воротником. И ему трудно говорить, да?

– Шарфик не видела, башка с рогами… Но, возможно, это был шлем. И я бы не сказала, что он неуклюж… – Ведьма внимательно посмотрела на эрлийца: – Вы его знаете.

Она не спрашивала, она утверждала.

– Раз ты говоришь о совершенной координации движений, то я не уверен… Скорее всего, я ошибаюсь…

– Кому принадлежит лаборатория? – Тина подошла вплотную и схватила эрлийца за руку.

– Лучше не надо, – неожиданно грозно попросил старик.

Руку пришлось отпустить.

– Кто он?

– Чем он тебе угрожал?

– Э-э…

На этот вопрос Тина не могла ответить однозначно. С одной стороны, неизвестный здоровяк был настроен недружелюбно, с другой – это они ударили его «Эльфийской стрелой», а потом начали стрелять, с третьей – они испугались, потому что от хозяина черного песика можно было ждать чего угодно, с четвертой – он имел право разозлиться, потому что они без спросу влезли в его владения.

Врать не хотелось, поэтому ведьма ответила эрлийцу честно:

– Мы влезли к нему в лабораторию и первыми атаковали. Мы… Мы испугались.

– Понимаю.

– Но он опасен, – упрямо продолжила Тина. – Вы это знаете.

Несколько секунд аптекарь смотрел на ведьму, после чего отвернулся и глухо сообщил:

– Мне надо уехать.

Заявление было ожидаемым, но незваные гости все равно почувствовали себя обманутыми: они поделились с эрлийцем информацией и рассчитывали на ответные шаги.

– Не думаю, что это возможно, – хмуро бросил Белосвет.

– Не думаю, что ты сможешь меня остановить, люд.

Ссора с эрлийцем не входила в планы экспедиции, но останавливаться Белосвет не хотел: чуял, что может выпустить ситуацию из-под контроля.

– Вы чего-то испугались, – твердо произнес люд, глядя на

аптекаря сверху вниз. – Вы отправитесь за помощью в Темный Двор, а в итоге мы останемся не у дел.

– Что вы имеете в виду?

– Это наше расследование! – рявкнул люд. И Тина посмотрела на обычно вежливого журналиста с большим уважением. – Мы ничего не сообщили ни в Зеленый Дом, ни в Орден, и я не хочу потерять то, что мы получили, благодаря своему упорству и риску.

– А чего вы получили? – осведомился Висцерус.

Но остановить люда он не мог.

– Или вы делитесь с нами информацией, или я отправляю эти бумаги в Зеленый Дом!

– Не надо! – взвыл несчастный эрлиец, на мгновение став похожим на несчастного оса.

– Я слушаю, – хладнокровно произнес Белосвет.

У Тины сжалось сердце, но она поняла, что репортер ведет себя правильно, и не стала ему мешать.

– Дайте мне час, – жалко попросил старик. – Один час. Клянусь, я ничего не сообщу навам.

– А потом?

– Потом? – не понял Висцерус. – Что «потом»?

– Что будет через час? – спросил Белосвет.

– Можете делать все, что захотите.

– Что мы получим взамен? – уточнил люд. – Чем вы расплатитесь с нами за этот час?

Аптекарь понял, что проиграл, и покачал головой:

– Никаких интервью.

– Хорошо, записи не будет, – согласился Белосвет. – Но вы должны рассказать, что происходит. Сейчас.

Еще несколько секунд Висцерус боролся с собой, но это были уже остаточные явления, судороги, если можно так выразиться. Затем он рассказал:

– Речь идет об очень несчастном, обиженном судьбой… – Старик, очевидно, хотел назвать семью героя, но так же очевидно сдержался: – Искалеченном…

Но все услышали пропущенное слово.

– Эрлийце? – прошептала Тина.

– Да.

– Зачем он создал пса?

– Не знаю, – развел руками Висцерус. – Я и представить не мог, что он решится на подобные эксперименты.

– На какие? Что здесь написано?

– Это обрывки лабораторного журнала. Он… – Аптекарь покусал губу. – Ученый, о котором я говорю, проводит опыты,

опираясь на теоретические разработки «Трактата о неживой материи».

– Никогда о таком не слышал, – тихо произнес Белосвет.

– Книга запрещена.

– Как же он до нее добрался?

– Чтобы это выяснить, мне и нужен час, – окрысился в ответ эрлиец.

– Он делает зомби? – дошло до Лакриция.

– Он некромант? – подняла брови Тина.

– Нет и нет. Но… – с досадой ответил Висцерус и повертел пальцами, подбирая нужные слова, – эти ваши человские понятия не точно передают смысл трактата. В нем описывается поведение органической материи после наступления смерти и возможности…

Он снова замолчал.

– Ну? – подбодрил старика Белосвет.

– Возможности ее применения.

– В каких целях?

– В том числе для создания существ… имеющих некоторые свойства големов и… и некоторые свойства живых существ.

– Зомби? – повторил ко́нец.

– Поменьше ходи в кино, – отмахнулся Висцерус. – Ты, похоже, совсем отупел.

– Вот только не надо меня оскорблять!

– Зачем они нужны? – перебил разъяренного Лакриция люд.

– В теории такие создания почти неубиваемы, – объяснил эрлиец. – Нельзя убить то, что уже мертво.

– А на практике?

– Практику вы наблюдаете вторые сутки.

– Пса мы прикончили, – спокойно произнес Белосвет. – Но пес был образцом, как я понимаю, в действительности ваш некромант ищет чего-то другого. Чего?

– Я не читал «Трактат», – ответил Висцерус. – Я знаю, о чем в нем говорится, но и только. Будете уходить – захлопните дверь, охрана включится автоматически.

Старик сделал ручкой и ушел в подсобку. Через секунду гости услышали характерный звук портала.

– Время пошло. – Люд машинально посмотрел на часы.

– Да, – подтвердил ко́нец.

Они вышли из аптеки и остановились на тротуаре: репортеры, ведьма и унылый ос. Постояли, глядя, как плавно опускаются на стекло витрины металлические шторы, помолчали, после чего Тина спросила:

– Что будем делать потом? Через час.

– Донесем Великим Домам? – предположил ко́нец.

– Как вариант, – пожал плечами люд.

– Плохо только, что за этот час нас по головке не погладят.

– Погладят, только не ладошкой.

– Давайте проведем час с пользой, – предложила девушка.

– Давайте, – согласился Белосвет. – А как?

– Продолжим расследование и постараемся вновь добраться до рехнувшегося эрлийца.

– Один раз уже добрались.

– На этот раз подготовимся как следует. Возьмем с собой Пифа… Кстати, надо ему позвонить.

– Сейчас. – Лакриций взялся за телефон.

– Скажи ему, что нам понадобится оружие.

– Разумеется.

– Надо узнать, что наш незнакомый приятель сделал, помимо собачки.

– Гм… – Люд почесал затылок. – Пожалуй, ты права: если мы докопаемся до сути происходящего, это будет сенсационное шоу.

– А я пойду искать крыс.

Все замолчали и с удивлением посмотрели на забытого оса.

– Скатертью дорога, – кивнул ко́нец. – Привет там всем.

– Подожди, – прищурилась Тина. – Подожди…

– Чего?

Что-то вертелось в памяти девушки, что-то очень-очень важное и подходящее по смыслу к ситуации. Сначала прозвучало: «собачка – образец»… Но это не от Куни. Но важно. Очень важно, потому что эта фраза заставила Тину насторожиться при взгляде на оса.

– Куня?

– Да?

«А дальше?»

И вдруг ведьму прорвало – она вспомнила!

– Куня, что ты мне рассказывал о Мертвой Королеве?

– Она вот-вот проснется, – бесхитростно ответил ос. – И всем будет плохо.

– В смысле?

Белосвет прищурился, и скепсис, который появился на его лице в момент обращения девушки к маленькому охотнику, исчез.

– Королева жрет живое и превращает в мертвое. Но тоже вроде бы живое, – продолжил Куня. – Я сочинил об этом балладу.

– Осы об этом знают?

– Нет, только я. Когда черная тварь напала на моих крыс, я пошел за ней и увидел Мертвую Королеву. Она очень

страшная… – Охотник помолчал. – Очень.

– Почему ты никому не рассказал о ней? – спросила ведьма.

– Я хотел. Но встретил тебя.

Если бы храбрые путешественники не отправились в Лабиринт, там уже могла бы развернуться боевая операция.

– Думаешь, это и есть грядущая Пустошь? – шепотом спросил Белосвет.

– Наверняка, – так же тихо ответила Тина.

– Надо предупредить Великие Дома, – выдал свое вечное пожелание Лакриций.

– Мы обещали Висцерусу час, – напомнил люд.

– Речь идет об угрозе всему Тайному Городу!

Белосвет поднял брови, и Лаки умолк. Вздохнул и согласился:

– Мы обещали.

– Давайте просто пойдем и посмотрим, – предложила Тина. – Куня, пожалуйста, отведи нас к Мертвой Королеве.

– А можно я буду петь по дороге? – поинтересовался ос.

– Конечно.

Лакриций закатил глаза.

* * *

Московская Обитель, штаб-квартира семьи Эрли

Москва, Царицынский парк, 18 октября, вторник, 16:16

– Брат Висцерус! – удивленно воскликнул Латерус. – Давненько ты к нам не заглядывал.

– На той неделе был, – отозвался вышедший из портала старик.

– Неделя, по нынешним временам – это почти вечность… – философски произнес молодой – по сравнению с аптекарем, – эрлиец. – Жизнь ускоряется…

– Это верно.

– Вы хотели меня видеть?

Латерус не проявил должных способностей к семейной науке эрлийцев, и поэтому пошел по административному пути – занимался информацией Обители и в том числе курировал библиотеку.

– Нужна твоя помощь, – кивнул старик.

– Что-то противозаконное? Если да, то вам нужно было

появиться ночью, под темным покровом тайны…

Занимаясь информацией, брат Латерус особое внимание уделял человской беллетристике, отчего в его речах изредка проскальзывали режущие слух обороты. Над ними посмеивались, но сейчас Висцерусу было не до смеха.

– У меня очень важное дело, Латерус, – нервно сообщил он. – Либо мы избавим нашего брата от страшного навета, либо спасем Обитель и Тайный Город.

– Даже так?

– Отведи меня в библиотеку.

Они быстро пошли по коридору.

– Брат Висцерус, мне нужно хоть что-то конкретное.

– Пока не могу. Как я уже сказал: боюсь ошибиться и оболгать одного из нас.

– Ну…

– Потерпи. Осталось недолго.

Двери распахнулись, вспыхнул свет, и темный книжный лабиринт преобразился – в нем появилась таинственная глубина и высветились яркие вершины верхних полок. На пол упали изломанные тени. Вспыхнуло золотое тиснение корешков книг, мягким свечением наполнились старинные фолианты, растрепанные тома с полустертыми названиями легонько вздохнули, не в силах впитать слабые лучи дежурных ламп.

На лице старика Висцеруса мелькнуло мимолетное выражение почти юношеского восторга, но оно тут же уступило место тревоге. Он нахмурился, отчего сразу стал казаться еще старше, поскольку искусственный свет обозначил каждую черточку морщинистого лица.

– Пойдем, брат Латерус. Мы почти у цели.

Старик уверенно зашагал среди стеллажей, от пола до потолка забитых книгами, монографиями и справочниками. Он ориентировался здесь, как рыба в воде, словно не было сорока с лишним лет, проведенных вне Обители.

– Я позвал тебя в свидетели, брат Латерус. У меня есть подозрение, что кто-то расшифровал и использует арканы «Трактата о неживой материи».

– Это невозможно, брат Висцерус, – охнул библиотекарь. – Вы лучше меня знаете, что книга запрещена.

– Она есть у нас.

– Экземпляр зашифрован!

– Знаю. Но думаю… – Старик тяжело вздохнул, не желая произносить следующую фразу, но выхода не оставалось: – Думаю, кто-то взломал шифр.

– Кто?

– Давно ты видел брата Гематуса?

– Не очень.

– Он часто здесь бывал, верно?

Латерус тяжело вздохнул.

– Да, но он никого не подпускает. Я много раз пытался с ним заговорить, но увы: Гематус не желает ни нашего участия, ни сочувствия, ни дружбы. Часами сидит в читальном зале, уходит, не попрощавшись, всегда один, как печальная звезда…

– Когда он перестал появляться? – перебил библиотекаря Висцерус.

– Месяца четыре назад.

– Тебя это не смутило?

– У него бывали паузы в посещениях, – ответил Латерус. – Иногда Гематус не показывался в Обители по году.

– Ты пускал его в закрытый зал?

– У него был допуск.

– Знаю.

Они остановились перед дверьми, которые защищало «Кольцо саламандры». Висцерус коротко кивнул, показывая, что может пройти, но соблюдает субординацию и позволяет сделать это хранителю библиотеки. Латерус нервно улыбнулся и приложил большой палец к неприметной выемке в стене. Двери распахнулись.

Стеллажи закрытого зала напоминали распухшие соты или, как это ни странно, стиральные машины, поставленные одна на другую. За толстыми, зачастую бронированными стеклами «иллюминаторов» лежали сокровища, которые, попади они в иные руки, можно было бы использовать во вред.

Висцерус уверенно прошел к одному из выпуклых стекол, открыл хранилище и бережно положил на столик толстый «Трактат».

– Ну, хотя бы он его не украл, – облегченно вздохнул Латерус.

– Из закрытого зала невозможно вынести книгу, – отозвался старик. – Но Гематус с ней работал. И работал много.

– С чего вы взяли?

– Посмотри на края страниц – они повреждены. Это случилось, когда Гематус еще плохо владел новым телом. И еще…

В страницы книги оказалась вложена бумажка. Висцерус достал ее, раскрыл, прочитал и покачал головой.

«Дорогой брат!

Я не знаю, кто прочтет эту записку, но если ты ее читаешь, значит, мне удалось не только расшифровать «Трактат», но и

претворить в жизнь его теоретические выкладки. Раз ты это читаешь, значит, ты скоро умрешь.

Прости меня.

Я не мог поступить иначе».

– Что все это значит? – упавшим голосом осведомился Латерус.

– Ты что, не умеешь читать? – удивился Висцерус. – Это значит, мы скоро умрем.

* * *

Москва, и под землей, и нет, 18 октября, вторник, после 16:30

Спящий проснется! Мир станет другим! Обязательно станет!

Внутри Гематуса, слагая гимн грядущего, надрывался невидимый оркестр.

Скоро, скоро произойдет пробуждение Спящего и начнется новый акт творения! Тайный Город – эта магическая темница, которая боится показаться на свет, перестанет существовать. Источники Великих Домов, безудержно фонтанирующие магической энергией, растекутся жалкими лужицами. А три ничтожных семейки, нахально именующие себя Великими, исчезнут навсегда. Из-за них Спящий видит во сне совершенный мир и не знает, сколь уродливым стало его творение в действительности. Словно Спящий не бог, а жалкий чел, от которого Служба утилизации скрывает реальность.

– Но скоро все это закончится!

То бессвязно шепча себе под нос, то громко выкрикивая отдельные фразы, Гематус лихорадочно уничтожал записи и образцы, не желая, чтобы кто-нибудь добрался до его выводов, выкладок и размышлений. Разумеется, скоро это утратит значение – Мертвая Королева изменит мир и все утратит значение, но Гематус не хотел рисковать: маги сильны, и лучше не давать им лишних козырей.

Рабочие тетради, записные книжки, книги – все летело в огонь.

Нужно спешить.

Его главное творение вот-вот проснется. Его создание, которое глупый ос назвал Мертвой Королевой, оно… Точнее, она… Она осознала себя неживой и стремится поглотить жизнь, стать ею – плотью, кровью и магией.

Час близок.

Гематус бросил в костер очередной журнал с неудачными заклинаниями и огляделся. Полувековой труд окончен. Последние несколько недель эрлиец почти не спал, трудился круглые сутки, охваченный лихорадочным возбуждением, но теперь все муки и тяготы позади. Они принесли плоды. Обломки клинков, оружие челов и павших воинов Великих Домов, части големов, подобранные во время стычек, брошенные в горячке боя амулеты, обуглившиеся фрагменты тел жутких тварей, прорвавшихся из бестиария, – все шло в дело.

Патологическое собирательство требовало невероятной изобретательности. Время от времени Великие Дома получали тела своих сородичей и союзников растерзанными вовсе не потому, что их размозжила боевая магия или располосовал вражеский клинок, а потому, что некоторые «запчасти» понадобились Гематусу. Но никто не догадывался о его «шалостях». Несчастный эрлиец был осторожен и скрупулезен.

Он допустил всего одну ошибку: надо было поставить «Кольцо саламандры» не только на входящих, но и на выходящих из лаборатории, тогда бы пес не вырвался, но что случилось – то случилось, и нет смысла корить себя за оплошность. Убийства, разумеется, привели к расследованию, однако Великие Дома пока не докопались до истины, и лишь эта человская ведьма…

– Настырная полукровка!

Она могла все испортить.

Нет!

Не успеет!

Королева вот-вот проснется. И тогда…

– Тогда, о Спящий, в твой замысел будут внесены такие изменения, что тебе волей-неволей придется проснуться. Хотя бы для того, чтобы покарать меня!

Гематус потряс кулаками, в последний раз оглядел погибающую лабораторию и быстрым шагом направился к своему главному творению. К чудовищному существу, способному изменить мир.

К Мертвой Королеве.

Длинный хозяин тупика просидел в своем логове довольно долго. Так долго, что Тыква вновь принялся ныть, в надежде сбежать из Лабиринта, и вновь был наказан кастетом в ухо. Стамеска, судя по его затравленному взгляду, в целом разделял страхи Тыквы, но был умнее и не выступал.

И вскоре терпение уйбуя и страдания его бойцов были вознаграждены: таинственный маг устроил в своем тупике пожар, а сам вышел и быстро, несмотря на то, что приходилось идти

согнувшись, направился куда-то вглубь подземелья.

Шапки, обмирая от страха, последовали за ним.

Шепча про себя ругательства, иногда подвывая и не замечая, что за ними увязались гигантские крысы. Небольшая, примерно в шесть голов, стая.

– Сначала надо вернуть крыс! – вновь подал голос охотник.

Он уже трижды просил отпустить его с «ответственного задания» и трижды получал решительный отказ. Ничего не изменилось и на этот раз.

– Не морочь мне голову, Куня, сначала надо победить Королеву, – отрезал Белосвет. – Веди нас к ней и не отвлекайся.

– Зачем побеждать Королеву?

– Затем, что если она возьмет верх, твои крысы точно умрут.

– А-а…

Куня, получивший этот ответ уже в четвертый раз, вздохнул и продолжил путь по темным коридорам Лабиринта. Но вопли не прекратились, потому что еще через два шага попытался взбунтоваться ко́нец:

– Я не хочу туда идти! – сообщил оператор, когда до него дошел смысл произнесенной людом фразы. – Если даже крысы умрут, то нам точно кранты.

– Спокойно, Лаки, разве ты не хочешь снять конец света? – вальяжно осведомился люд.

– Хочу!

– Во-от…

– Но боюсь.

– Почему?

– Мля, Бел, ты совсем рехнулся? – поинтересовался Лакриций. – Как тебе объяснить, что мне боязно идти туда, где начнется апокалипсис?

– Какая разница, где ты будешь, когда он начнется?

– Э-э… – Несколько секунд ко́нец размышлял над логичным вопросом приятеля, после чего покачал головой: – Я не буду знать, что он начинается, и мне будет спокойнее.

– Не знай сейчас, – предложил Белосвет.

– Как это?

– Забудь. Не обращай внимания. Думай о чем-нибудь прекрасном…

– Она пока отказывается идти на свидание. – Лакриций подмигнул повернувшейся ведьме. Та тут же отвернулась, и ко́нец вздохнул: – Видишь? Ничего не получается. Я не хочу туда идти.

Успокоить оператора не получилось, и люд попробовал его напугать:

– Хочешь остаться здесь? В темном тоннеле?

– Почему нет? – Ко́нец перехватил камеру.

– Как ты отсюда выберешься?

– Вызову такси.

– Телефон не ловит.

– Тогда подожду вас.

– А если нас убьют? – вклинился в разговор Пиф. – Кто тебя спасет в этом случае?

Тот факт, что хван тоже не уверен в будущем, но тем не менее идет к Мертвой Королеве, должен был повергнуть Лаки в ужас. Но на деле получилось иначе: ко́нец понял, что жребий брошен, и смирился.

– Умеешь ты утешить, – пробормотал он, шмыгнув носом.

– Не ной, Лаки, я вообще должен был остаться у машины. – Пиф потрепал приятеля правой нижней рукой и улыбнулся. – Но, как видишь, я здесь, весел и бодр.

– Зачем ты здесь?

– Мне интересно.

– Но ты надеешься спастись? – этот вопрос был крайне важен для пребывающего в расстроенных чувствах ко́нца.

– Всегда думай о хорошем, – наставительно предложил хван.

– Я стараюсь, но не всегда получается.

Тина покачала головой, но промолчала. Однако призналась себе, что ее представление о нелюдях дало серьезную трещину. И если с Лаки все было ясно с самого начала – ко́нцы заслуженно считались одной из самых мирных семей Тайного Города, то поведение люда и хвана девушку удивило. Им явно было страшно. Но они все равно шли.

«Совсем как люди», – улыбнулась Тина. И впервые с восемнадцати лет подумала о себе, как в первую очередь о человеке, а не полукровке.

– И тогда я наступил мантикоре на хвост… – Кристиан чуть повысил голос, – но не понял, что это, решил – кабель на полу лежит, темно ведь… Делаю следующий шаг, и тут она взвыла от боли. Я, естественно, вздрагиваю, многозадачный жезл срабатывает, вылетает поток «Дыхания дракона», и в его свете я вижу двух Тощих Всадников с шамширами на изготовку. Темно ведь было, глаз выколи, вот я и забрел в их расположение. Еще чуть-чуть – и пропал бы. Но «Дыхание дракона» превращает Всадников в пепел, я разворачиваюсь и вижу Гомори…

– Правда? – не поверила фата.

– Клянусь!

И Мстислава не стала уточнять, чем именно клянется рыцарь.

Зачем портить веселый обед?

А он и впрямь получился веселым. Кристиан оказался не только красавчиком, но и весьма остроумным собеседником. Он шутил – тонко и всегда к месту, внимательно слушал, когда фате хотелось выговориться, и выбрал действительно отличное вино. Мстислава высоко ценила в мужчинах умение разбираться в вине, особенно – в белом.

Обед постепенно подходил к финалу, и следовало принимать решение: что делать дальше? С одной стороны, она пообещала себе отложить секс до конца расследования. С другой – почему бы не устроить славное продолжение?

Фата была готова к любому развитию событий и решила плыть по течению, предоставив право выбора кавалеру.

К счастью, ле Сейдж знал, что нужно делать в таких ситуациях.

– Почему бы нам не поработать сегодня с документами? – поинтересовался он, с улыбкой глядя на женщину.

– Нужно продолжать расследование, – согласилась Мстислава.

И накаркала.

Потому что, едва они обменялись понимающими взглядами, у Кристиана зазвонил телефон.

– Да? – Пауза. – Брат Висцерус?

Фата вздохнула и глазами показала рыцарю, чтобы тот включил громкую связь. Ле Сейдж подчинился и положил трубку на стол.

– Добрый вечер.

– У меня срочное дело, касающееся вашего расследования, – нервно произнес эрлиец.

– Странно, что вы обратились ко мне, а не в Темный Двор.

– Я позвоню навам, – пообещал старик. – Но вежливость требует, чтобы я в первую очередь поставил в известность вас, поскольку расследование официально ведете вы. К сожалению, телефон фаты Мстиславы мне узнать не удалось.

– О чем вы хотите рассказать?

– Я выяснил, что темную тварь, которую ликвидировали вчера в зоопарке, создал один из наших… – Чувствовалось, что старику безумно тяжело в этом сознаваться, но он не мог молчать. – Тварь создал эрлиец по имени Гематус.

У Мстиславы округлились глаза, но она сумела промолчать.

– И я боюсь, что вчерашний зверь – это только начало, – продолжил Висцерус.

– Где сейчас Гематус? – жестко спросил рыцарь.

– Не знаю, – ответил старик. – Объявляйте его в розыск,

Кристиан. Гематуса необходимо найти как можно скорее.

Висцерус отключился.

– Ты все слышала. – Кристиан взял со стола телефон. – Я так и знал, что без эрлийцев не обошлось!

– Правда? – подняла брови Мстислава. – Знал?

– Ну… – Он понял, что погорячился, и ответил улыбкой.

– На самом деле, Кристиан, я знаю, без кого тут точно не обошлось, – стала серьезной фата. – Без Белосвета и его шайки.

– Верно, – согласился ле Сейдж. – В этом расследовании они всегда идут на шаг впереди нас, а значит, есть вероятность, что они уже отыскали Гематуса.

– Их тоже объявим в розыск.

– Согласен!

А вот теперь все окончательно запуталось и стало странным…

Нет, были и хорошие новости: будущая непобедимая и высокоприбыльная частная армия наконец-то обзавелась вооружением. Не огнестрельным, но достаточно внушительным. Осторожно перемещаясь по Лабиринту следом за длинным хозяином тупика, Шапки наткнулись на свалку старого железного барахла, из которой выудили целую, лишь немного поржавевшую секиру – ее вручили Тыкве, кинжал черной навской стали – эту драгоценность Дрезина забрал себе – и стильный чудский арбалет с тремя болтами в прикладном держателе – он достался Стамеске.

Приободрившиеся дикари продолжили путь за длинным, но вскоре их настроение вновь упало. Потому что Лабиринт изменился. Вдоволь набродившись по коридорам, тоннелям метро и даже земляным норам, Шапки неожиданно ощутили себя внутри огромного организма: стены и полы стали необычно гладкими, склизкими и отвратительно пахли. То есть в Лабиринте и так-то не благоухало розами, но вонь, что стояла вокруг, пробила даже закаленных ароматами Южного Форта дикарей.

– Где мы?

– Будто в мои носки попали, – гыгыкнул Стамеска. – В левый.

– Тогда бы мы уже умерли, – не согласился Тыква. – Твои носки – как химические мины.

– А когда ты их нюхал?

– Пошел ты, – смутился Тыква, не желая рассказывать, что однажды уснул на полу «Средства от перхоти», а проснулся в ногах у приятеля.

– Ну, правда, когда? – продолжил Стамеска, который ничего такого не помнил.

– Какая тебе разница?

– Нюхать мои носки – это очень интимно.

– Мля, отстань!

– Тихо, уроды! – приструнил бойцов Дрезина. – Пришли, кажись.

– Куня, где мы? – тихо спросила Тина.

– И почему здесь так воняет? – добавил Лакриций.

– И почему пол шевелится?

– Я бы сказал: подрагивает, – уточнил Пиф. – Он не шевелится, но близок к этому.

– Подрагивает? – испуганно повторил ко́нец. – Здесь что, землетрясение?

– Откуда? – хмыкнул Белосвет.

Однако на самом деле все путешественники, не исключая хвана, чувствовали себя не очень уверенно. Они давно выключили свои яркие устройства, ограничившись одним-единственным и очень тусклым фонарем оса, говорили шепотом и шли практически на ощупь. При этом коридор, в который они ступили, отличался гладкими и влажными стенами и отвратительным запахом. Путешественники представили, что двигаются по внутренностям гигантского животного, и никому это не понравилось.

– Куня? – прошипела Тина.

– Чего?

– Где мы?

– Почти добрались.

– Ты же говорил, что Королева рядом.

– Не рядом, а вокруг, – поправил ведьму ос. И тем подтвердил самые худшие опасения путешественников: они действительно шли внутри гигантской твари.

Лакриций судорожно вздохнул, но мужественно сдержался и не заплакал. Пиф поморщился. Белосвет покачал головой.

– А куда мы направляемся? – дрожащим голосом осведомилась Тина.

– К ее сердцу, – ответил маленький охотник. – Я его видел и думаю, что только так можно убить Королеву – ударом в сердце.

– Нельзя убить то, что мертво, – неожиданно произнес хван.

Лакриций с ужасом посмотрел на четырехрукого, в которого верил, как в Спящего, и простонал:

– Мы все умрем!

– Спящий не останется равнодушным! – издал радостный крик Гематус. – Нет! Он придет! Я знаю!

Заклинания, над которыми он бился последние десятилетия, сплетались меж собой в причудливый и страшный узор магической энергии, дополняли друг друга и наделяли новыми свойствами, формируя колоссальный, невиданный во Вселенной аркан.

Совершенно новый.

И совершенно страшный.

Гематус находился в самом центре своего кошмарного творения, в сумрачном пещерном зале, где таилось сердце созданного им чудовища. Еще мертвое. Еще спящее…

Сгнившие стены зала покрывали язвы и струпья, лохмотьями свисала кожа и волосы, капали желчь и яд. Стены переливались черным и кислотно-зеленым, и на них располагались яркие черепа, то ли восемь, то ли девять, дающие холодный синий свет. Пол страшного зала представлял собой ужасное сплетение отходов, сшитых магией и злом. Пол ходил ходуном и напоминал травяной покров болота – подвижный, но достаточно плотный. А в центре пещеры возвышался каменный постамент, на котором набухал кроваво-алым спящий пока цветок. Именно на него был направлен поток кошмарных заклинаний Гематуса.

На сердце.

Вокруг него вились древние заклятия из запрещенной книги, на него роняли они капли магической энергии, наполняя силой и злом. Его они готовили к пробуждению – сердце.

Осталось совсем чуть-чуть. Последний штрих. Последний шаг – и Мертвая Королева войдет в мир, обращая его в свой.

Скоро.

Гематус улыбнулся. Он никогда не улыбался в новом теле, мышцы слушались плохо, усмешка получилась кривой, диковатой, но эрлиец остался доволен.

Скоро.

– Грядет Пустошь! – прошептал Гематус. – Грядет пробуждение Спящего!

И принялся громко читать последний аркан.

Королева почуяла вкус жизни.

Удивительный.

Прекрасный.

Жизнь была теплой и лучистой, многоликой, в меру жидкой, подвижной. Жизнь воплощала в себе цель, которой так не хватало Королеве, ведь она ощущала лишь смертельную тоску, а жизни, такой восхитительной на вкус, в ней оказалось чудовищно мало.

И Королева осознала, что ее форма несовершенна. Чтобы полноценно захватывать и присоединять к себе жизнь,

требовалось больше ртов. Много ртов. Чтобы чувствовать себя живой, жрать нужно постоянно.

И Королева стала изменять себя.

Стала расти и меняться.

Вокруг носились тени, которых она не чуяла. Вокруг бурлила еда и текла мимо, исчезала, как вода в пустынном песке. Королева застыла, голодная и злая, среди прохладных гладких стен, свернулась в тугой ком ненависти, превратилась в настороженного хищника, сгруппировавшегося перед прыжком.

И продолжала менять себя.

А потом раскрылся алый цветок, и Королева услышала слово, которое не поняла. Но ей не нужно было его понимать, потому что это слово было сутью страшного творения Гематуса.

Мертвая Королева услышала слово…

«Убей!»

– Они должны быть где-то здесь, – негромко произнесла Мстислава, глядя на экран планшета. – Где-то здесь…

– Где? – нетерпеливо спросил ле Сейдж. Он позволил фате провести поиск по генетическому коду, и теперь сожалел об этом, предполагая, что полуграмотная зеленая ведьма напутала в заурядном заклинании и только поэтому они не могут отыскать Белосвета и его приятелей.

– Где-то здесь…

– Мстислава!

– Не мешай! – Фата никак не могла понять, где ошиблась, и злилась.

Мстислава и Кристиан вызвали подмогу – на Пушкинскую площадь прибыло по пять боевых магов от каждого Дома, и вот – такой конфуз. Появившиеся воины были достаточно вышколены, чтобы сразу продемонстрировать дознавателям свое мнение на их счет, но не было никаких сомнений в том, что еще через пару минут они начнут хихикать.

– Мстислава! – прошептал ле Сейдж. – Пожалуйста…

– Я не включила 3D, – фата едва слышно выругалась. – Я получила координаты, но после переустановки приложения забыла включить 3D.

– Что это значит?

– Белосвет и его приятели под нами!

– В Лабиринте!

А в следующий миг по мостовой побежала трещина, асфальт вздыбился, вспучился, лопнул в нескольких местах, и на свет вырвалось толстое щупальце, ощетинившееся множеством маленьких и невероятно клыкастых пастей.

– Что это за тварь? – растерянно спросил ле Сейдж.

Маги, как по команде, сделали шаг назад.

А мостовая и дорожки продолжали разрываться трещинами, обнажая земляные раны, из которых полезли близнецы первого щупальца. Закричали челы, сначала те, которых схватили щупальца, затем остальные. Закричали и бросились наутек. Завыли клаксоны автомобилей, барабанной дробью простучали удары многочисленных столкновений. Зазвенели стекла. Кто-то из полицейских достал оружие, и прогремел первый выстрел… Не последний.

Пушкинская площадь превратилась в ад, неизвестная тварь продолжала вырываться из-под земли, и трещины потянулись вниз, к Манежной площади.

– Вызывай подмогу! – закричал Кристиан, выхватывая меч и многозадачный жезл. – У нас большая беда!

И перерубил ближайшее щупальце.

Подземелье сошло с ума. Коридор ходил ходуном, напрягался, подобно оказавшемуся под прессом червяку, его стенки морщились, собирались в кольца, затем что-то происходило, сверху слышался яростный звук, словно нечто невидимое прорывало преграду и выскакивало на поверхность, а через секунду следующее кольцо сжималось в другом месте.

– Ты это снимаешь? – завороженно спросил Белосвет.

– Ага, – подтвердил ошарашенный Лакриций, водя камерой по тоннелю и периодически захватывая стоящего в центре пещеры длинного мага. Что именно делал таинственный колдун, разглядеть не удавалось, поэтому ко́нец предложил: – Нужно подойти ближе.

Оператор в нем победил труса, и Лаки был готов к любому риску.

– Что здесь происходит? – спросила столь же изумленная, как ее спутники, Тина.

– Не знаю… – настороженно протянул Пиф, но мне это не нравится.

Еще больше ему не нравилось то, что хван никак не мог сообразить, какое оружие потребуется: короткие автоматы или острые катаны, которые сейчас скучали в заплечных ножнах.

– Все плохо, – прохныкал Куня. – Мертвая Королева проснулась.

– И что?

– Она будет есть живое.

– Зачем мертвому есть живое? – спросила ведьма.

– Чтобы сделать его мертвым, – срывающимся голосом

объяснил ос. – Королева сделает мертвым все, до чего дотянется. Все-все-все…

Прозвучало, прямо скажем, тревожно.

– Нужно подойти к пещере! – заявил ко́нец.

– Даже не думай! – ответил Белосвет. – Снимай меня! – И поднес к губам микрофон: – Уважаемые зрители! Мы с вами находимся в Лабиринте, который… Ожил!

– Да подожди ты! – Ко́нец перехватил камеру и побежал к пещере. – Там самое интересное!

– Стой, дурак!

– Сам дурак!

– Пиф! – завопил люд.

– Сейчас!

Хван бросился следом, намереваясь остановить увлекшегося Лакриция, но не успел.

Раздался громовой голос:

– Кто здесь?!

Путешественники замерли, даже ко́нец остановился, а на стене неожиданно появился отвратительного вида глаз: мутный, словно протухший, и неестественно выпученный.

– Мля, – прошептал Лаки, наводя на глаз камеру. – Офигеть!

А Тина схватила подаренный Легой свисток и сильно-сильно в него дунула.

Королева сходила с ума от вожделения.

Она уперлась в каменную стену, перегородившую улицу, и полезла вверх. Сверху упал каменный свод, закрывший пасмурное небо, полное вкусных звезд. Королева заметалась в поисках жизни. Но жизнь разбегалась так стремительно, что отяжелевшее от магии и плоти ее тело не успевало реагировать. Королева заревела, вызывая дрожь земли, и стала готовиться к делению, желая размножиться в молодое, голодное и злое. Но не в детей, а в саму себя.

Мертвое готовилось породить мертвое.

В первый, но не в последний раз.

А пока следовало продолжать охоту за вкусной жизнью.

Чудовище испустило еще один жуткий вой и почти полностью вырвалось наружу, взломав мостовую от Пушкинской до Манежной.

– Что у вас происходит?

– Мы сами не знаем!

– Тогда что вы здесь делаете?

– Хотели все узнать!

– Идиоты!

Лега явился на призыв.

Но судя по всему, для того, чтобы погибнуть.

Нав выпрыгнул из темного портала секунд через десять после свиста Тины. Выпрыгнул, улыбающийся, слегка расслабленный, как наевшийся сметаны кот, грациозный… Но едва он разглядел происходящее, улыбочка сползла с лица, а в руках появились две тонкие, но необычайно прочные и столь же необычайно острые катаны. Которые, ни на секунду не останавливаясь, перерубали страшные щупальца со скоростью высококлассной газонокосилки.

– Ты зачем меня позвала? – осведомился нав, окружая ведьму оградой из мельтешащих клинков. Патроны в «ПМ» закончились, порталы не срабатывали, артефакты с «Эльфийскими стрелами» разрядились, и единственной защитой девушки оставался Лега.

– Позвала на помощь!

– Могла бы и предупредить!

– О чем?

– О том, что здесь творится!

А творилось невообразимое. После того как выросший в стене глаз разглядел незваных гостей, из гладких и влажных стен полезли отвратительного вида щупальца, украшенные клыкастыми пастями.

Гибкие, сильные и вонючие…

На что способны гадкие отростки, «гости» решили не проверять, а выхватили клинки и принялись их рубить, благо и хван, и люд не забыли прихватить с собой режущее оружие. Какое-то время им удавалось сдерживать напор щупалец, при появлении нава – даже перейти в атаку, но надолго запала не хватило: на месте каждого обрубленного отростка из стены появлялся другой, и было очевидно, что необходимо переходить к стратегическому бегству.

– Надо было сообщить! – заорал нав, отбиваясь, отступая и тем заставляя Тину отходить вглубь коридора, прочь от пещеры, в которой, по словам оса, таилось сердце Мертвой Королевы.

– Мы хотели!

– Но не успели! – пискнул ко́нец.

– И не успеете! – прогрохотал гулкий мужской голос. – Королева становится сильнее с каждой секундой! Мир больше не будет прежним!

«Дыхание дракона» приносило результат.

Заклинание, интуитивно нащупанное хваном в зоопарке – об этом эпизоде первым вспомнил Кристиан, – оказалось на удивление эффективным против чудовищного монстра, но, увы,

залить весь центр Москвы огнем не представлялось возможным, а тварь…

Тварь становилась сильнее с каждым сожранным челом. С каждой кошкой. Собакой. И даже деревом. Все, во что вонзались жадные щупальца, обращалось в тварь. Становилось мертвым, но не умершим. Прирастало к гигантской туше, превращалось в очередное щупальце и принималось искать добычу. Тварь разбивала окна и проникала в дома, хватая прячущихся в них людей. Вытаскивала добычу из машин. Снимала с деревьев.

Тварь жрала и росла.

Мертвое захватывало мир, и этот процесс ускорялся с каждым мгновением.

– Щупальца схватили журналистов, – прошептал Стамеска.

– И нава, – добавил Тыква.

– Длинный пошел с ними говорить, – продолжил Стамеска.

– И с навом, – добавил Тыква.

– Пока он отвлекся? – надо сматываться, – закончил Стамеска.

– И быстро, – добавил Тыква.

И бойцы посмотрели на уйбуя.

А уйбуй, которому было так же страшно, как его сородичам, не отрываясь, смотрел на пульсирующее в центре пещеры красное. Смотрел и думал:

«Странное дело: все вокруг черное, липкое, вонючее, но главное – черное, а это – красное. Почему?»

Но ответа не было, поскольку Дрезина не знал, что смотрит на сердце Мертвой Королевы. Он вообще ничего не знал о происходящем, кроме того, что они крепко влипли, и бежать, как предлагали бойцы, нет смысла – уйти им не позволят. Этого уйбуй тоже не знал, но чуял. Если жизнь в Южном Форте чему и научила дикаря, так это чуять беду, и сейчас внутренняя сирена выла на полную громкость.

– Мотать надо, уйбуй, – повторил Стамеска.

– Нет, – качнул головой Дрезина. – Не смотаем.

– Ща он их сожрет, вместе с навом, и за нас примется, – предупредил Тыква. – В натуре.

– Лучшего шанса не будет, – в кои-то веки согласился с напарником Стамеска. – По коридору прямо, потом четыре раза налево, я запомнил. Там затаимся и переждем.

– Ты арбалет зарядил? – вместо ответа спросил уйбуй.

– Да.

– Чем?

– А я знаю? – развел руками боец. – Взял болт, который был

справа, и сунул.

– Дай.

– Бери. – Стамеска охотно передал Дрезине оружие, но прежде чем отдать, вопросительно посмотрел ему в глаза. – Мы, эта…

– Мотайте, – кивнул уйбуй. – Мотайте.

А затем достал из кармана плоскую фляжку и глотнул виски. Не для храбрости. Просто захотелось.

– Остановись! – рявкнул Лега. – Я тебя узнал! Гематус!

– Но как? – Длинный маг удивился.

– Думаешь, я не слышал об искалеченном эрлийце?

– Ах да, вы так долго живете, что полвека для тебя – вчера…

– Не «вчера», а десять минут назад, – поправил длинного нав. И повторил: – Остановись.

Учитывая обстоятельства, требование темного прозвучало слишком дерзко.

Бой прервался. «Гости» замерли в коридоре, со всех сторон окруженные извивающимися, но пока не атакующими щупальцами. Куня и Тина позади, затем Белосвет и Пиф, и впереди всех – Лега. А справа от нава и чуть позади – Лакриций с неизменной камерой.

– Зачем мне останавливаться? – спросил Гематус, глядя на темного.

– А зачем ты это делаешь? – ответил тот, явно пытаясь затянуть время.

И эрлиец поддался:

– Ты действительно не понимаешь? Ты! Ты ведь знаешь мою историю! Ты действительно не понимаешь?

– Я знаю только то, что у тебя проблемы, – ответил Лега.

– Я не могу жить в этом мире! – закричал несчастный Гематус. – Он отверг меня! Предал! Едва не убил!

– И? – поинтересовался темный.

– И я решил изменить мир, – ответил эрлиец. – Вселенную, если быть точным.

– Тебе это под силу?

– Мне – нет. Я ведь не сумасшедший.

– Приятно слышать.

Однако следующая фраза заставила Легу усомниться в сделанном выводе:

– Я разбужу Спящего – и он изменит! – резанул Гематус.

И вновь усмехнулся: неумело, коряво, диковато. Щупальца клацнули клыкастыми пастями.

– О чем он говорит? – прошептал Лакриций. – Как можно

разбудить Спящего?

Оказывается, наву тоже было интересно:

– Э-э… – протянул Лега, словно перебирая в уме варианты действий. – У тебя действительно есть идея, как это сделать?

– Спящий создал Вселенную и наделил ее жизнью, так?

– Да.

– А я обращу жизнь в смерть. Всю жизнь – в смерть. – Гематус развел в стороны длинные и сильные руки. – Моя Королева поглотит всю существующую жизнь и обратит ее в противоположность. Уверен, это привлечет внимание Спящего.

– Звучит настолько логично, что я не могу не спросить: как? – с искренним интересом произнес нав. – Как ты сможешь обратить жизнь в смерть?

– Создавая Королеву, я использовал теоретические выкладки «Трактата о неживой материи», – скромно ответил Гематус. – Я его дешифровал.

– Ага. – Лега замолчал, и его лицо стало… жестким. А взгляд – очень сосредоточенным.

– Ты можешь объяснить, что происходит? – робко спросила подошедшая сзади Тина.

– Пока нет, – честно ответил темный. – Но все гораздо хуже, чем я ожидал.

– Заслоны не дают эффекта, – доложил Кристиан, убирая телефон. – Великий магистр направляет в центр города всех, кого можно, но нас слишком мало. Нас всех… Служба утилизации едва справляется с маскировкой, и…

– Я поняла, Ваше Величество, – тихо ответила Мстислава, которая одним ухом слушала рыцаря, а другим – то, что ей говорила королева. – Конечно, мы будем сражаться… Да.

Затем фата тоже убрала телефон и посмотрела на ле Сейджа:

– Как я понимаю, ни одно другое заклинание, кроме «Дыхания дракона», на эту дрянь не действуют.

– Наши высшие маги пытаются найти способ уничтожить ее, но пока безуспешно, – подтвердил рыцарь. – Даже навы в затруднении.

– Значит, будем просто сражаться.

Они воспользовались короткой передышкой, чтобы связаться со своими Домами, получить инструкции и понять, что происходит. И картина, честно говоря, им не понравилась.

Центр города погибал. Несмотря на то, что Великие Дома перебросили сюда всех магов и всех тех, кто умел обращаться с артефактами; несмотря на то, что магическая энергия поступала без остановки, с избытком, и «Дыхания дракона» пылали

негасимым огнем; подавить тварь пока не получалось. Она теряла части себя, но восстанавливалась с необычайной скоростью. Отступала, но только для того, чтобы собраться с силой и броситься в следующую атаку.

Она не боялась.

И все понимали, что если высшие маги не придумают действенного оружия, тварь обязательно прорвется…

– Один чел, один нав, один люд и один ко́нец, – рассмеялся Гематус. – Я позволю вам увидеть новый мир. Но поделиться знаниями вам будет не с кем.

– Тогда зачем мы тебе? – не удержался Лега.

– Как это зачем? – испуганно пролепетал Лакриций, продолжая тем не менее снимать эрлийца. – Если тебе жить надоело, то молчи и не мешай. Пусть он нас не трогает!

Мнение ко́нца разделяли все путешественники, и к их огромному облегчению выяснилось, что у Гематуса имелись планы на пеструю компанию.

– Я покажу вас Спящему, – сообщил эрлиец. – А он решит, что с вами делать.

– Что со мной будет, я решаю сам, – твердо заявил Лега. – Ну, еще я позволяю командовать князю с Сантьягой, но только потому, что я так решил. Тебя в списке моих руководителей нет.

– Теперь есть.

– Не льсти себе.

И нав с хваном вновь бросились в атаку. Стремительно, как это умели только они, и безжалостно. Только теперь они не прикрывали безоружных друзей – та стратегия оказалась неудачной, – а пытались убить врага, набросились на длинного, решив, что с его смертью ужасное творение издохнет. Атаковали, потому что не видели другого выхода. Атаковали, потому что не могли иначе. Пиф и Лега впервые сражались вместе, но действовали на удивление слаженно: хван прикрывал темного от щупалец, а Лега рубил Гематуса, но… Но черная навская сталь клинка плохо пробивала черную навскую сталь доспеха. Гематус отступал, но оставался цел.

И негромко посмеивался над потугами врагов…

А в это самое время, примерно в сорока ярдах за его широкой спиной, в темном коридоре стоял одинокий Дрезина. Одинокий и пьяный. Дрезине очень хотелось выхватить чудесный навский кинжал, героически закричать и броситься в атаку – безжалостно рубить врагов, но инстинкт самосохранения не позволял. Выходить из коридора было страшно, поэтому Дрезина с печалью отмел идею рукопашной схватки и поднял арбалет…

– Чего вы добиваетесь? – рассмеялся Гематус, лениво и высокомерно отмахиваясь от хвана и нава. – Хотите меня разозлить?

Щупальца вцепились в Тину, Белосвета, Лакриция и Куню. Пока – просто вцепились, схватили, не позволяя вырваться, но клыкастые пасти были готовы впиться в плоть добычи в любой момент.

– Лега! – в ужасе закричала Тина.

– Отпустите! – завопил ко́нец.

– Гады! – Здоровенный Белосвет напряг могучие мышцы, пытаясь освободиться от захвата, но потерпел неудачу.

– Мои детки! – радостно запищал Куня, увидев гигантских крыс. – Скорее!

Звери набросились на щупальце, но их острые зубы не причиняли мертвому вреда.

Все было напрасно.

– Не злите меня, – продолжал посмеиваться Гематус, отступая под натиском воинов. – Или ваши дружки сдохнут!

– Они станут частью нового мира! – поправил эрлийца нав. – А я – нет!

– Лега! – закричала и удивленная, и напуганная Тина. – Я не хочу!

– Послушай подружку, – смеясь, предложил Гематус.

– Женщину? – удивился нав.

– Если своего ума нет…

Эрлиец не был воином.

Хорошим врачом – возможно, отличным колдуном – да, первым и последним в истории Тайного Города некромантом – тоже верно. Но он не был воином. Не понимал, что все действия настоящего бойца, все разговоры, движения, удары – все направлено лишь на одно: достижение победы. Не понимал, что каждую секунду, каждое мгновение воин ищет возможность этого.

Лега понял, что Гематус уязвим – он не мог состязаться в скорости с навом, но могучее тело голема пока выдерживало удары клинков. К тому же эрлиец двигался, уклонялся, кое-как отбивался, блокировал катаны и продолжал посмеиваться, не понимая, что нав уже нашел его слабое место.

И требовалось лишь нанести точный удар.

В общем…

– Ты мне надоел! – громко произнес Гематус, и выскочившее из пола щупальце чуть не оплело ноги нава.

Собиралось оплести.

Потому что за мгновение до этого Лега неожиданно прыгнул и ловким ударом снес эрлийцу голову.

– Да! – выкрикнул Пиф.

– Нет! – завопил Лакриций, в тело которого впились безжалостные пасти щупальца.

– Нет! – зарыдала Тина.

Разъяренная тварь принялась мстить за смерть ее создателя. Щупальца облепили и нава, и хвана. Брызнула кровь. Раздались громкие, полные жуткой боли крики, но…

Но еще через секунду Дрезина плавно нажал на спусковой крючок, и старый чудский болт вонзился в алый цветок. Просто отравленный болт, но этого хватило, поскольку он вонзился в единственную живую часть Мертвой Королевы.

В сердце.

Подземелье огласил жуткий вой, и ярко-красный цветок стал стремительно чернеть.

– Жертв много?

– Изрядно.

– Десятки?

– К сожалению.

– Плохо…

Сантьяга, комиссар Темного Двора, высший боевой маг Нави, прибыл на Пушкинскую площадь в числе первых, меньше чем через минуту после появления первого щупальца. Прибыл и сразу взял на себя оперативное руководство, распределяя бойцов всех трех Домов, определяя направления ударов и действия спасательных групп, вытаскивавших из зоны поражения обычных челов. Оспаривать его решение стать командиром никто не решился, во-первых, было некогда, во-вторых, спорить с Сантьягой считалось занятием глупым и бесперспективным. Главы Великих Домов велели своим подчиняться – а что им еще оставалось? – и благодаря этому мудрому решению на месте катастрофы не возникло неразберихи.

Теперь же, когда страсти улеглись, комиссар занялся изучением ущерба и вариантами его сокрытия от господствующей расы.

– Как будем объяснять жертвы?

Кристиан и Мстислава, представляющие на совещании свои Дома, дружно повернулись к агенту Службы утилизации, тот еще раз оглядел развороченную улицу и пожал плечами:

– Взрыв магистрального газопровода?

– Под Тверской проходит магистральный газопровод? – изумился ле Сейдж.

– Проведем, – махнул рукой агент. – Как минимум по документам.

– Газопровод подходит, – поразмыслив, кивнул Сантьяга. – Подготовьте видео.

– Будет сделано.

В настоящий момент зону катастрофы окружали два оцепления: челов и Тайного Города, но долго так продолжаться не могло, и Служба работала в авральном режиме.

– А кто будет оплачивать наши услуги? – осведомился агент.

– Катастрофу учинил Гематус, а семья Эрли относится к Темному Двору, – тонко улыбнулся Кристиан.

Мстислава кивнула, показывая, что полностью согласна с рыцарем – идея заставить раскошелиться Навь привела зеленую ведьму в восторг.

Агент удивленно поднял брови, но через секунду понял, что поторопился: в искусстве отстаивания интересов своего Дома Сантьяга достиг совершенства.

– Полагаю, все обратили внимание, что в последнее время челы активно реставрируют свою столицу? – негромко произнес он, изучая комочек грязи, дерзко прилепившийся к идеально начищенным туфлям. – Они все время что-то перестраивают.

– Сплошные пробки, – проворчал ле Сейдж.

– Но это уж слишком, – покачала головой Мстислава, первой сообразившая, к чему клонит хитрый нав.

– Подкиньте мэру идею, что катастрофа газопровода – прекрасный повод заняться главной улицей города, – распорядился комиссар. – Пусть ее перекроют на пару дней и перекопают от Пушкинской до Манежной.

– Так быстро они не справятся, – предупредил агент.

– Вы поможете.

– А кто будет оплачивать нашу помощь?

– Челы и будут, – пожал плечами Сантьяга. – Главное, чтобы подряд достался шасам.

Которые заработают сами и заплатят изрядные налоги в казну Темного Двора.

Кристиан и Мстислава уныло переглянулись, но оспаривать предложение не стали: учитывая обстоятельства, нав предложил идеальный выход из положения.

– Так и запишем, – пробубнил агент.

– Так и запишите. – Сантьяга оглядел развороченную Тверскую и добавил: – И еще запишите, что тротуары нужно расширить: я люблю иногда здесь прогуляться.

И улыбнулся, глядя на то, как быстро сотрудники Службы утилизации убирают с лица Тайного Города останки Мертвой Королевы.

Эпилог

– Наша старая договоренность потеряла силу, отец Динамус, – мягко произнес Сантьяга, располагаясь в предложенном настоятелем кресле. – Признаюсь, мне с самого начала не нравилась идея оставить в Обители зашифрованный экземпляр, но один из ваших предшественников лично поручился, что книгу никто не сможет прочитать. – Пауза. – Видимо, он знал, что не доживет до этого дня.

– Иногда и у нас бывают приступы предвидения, – несмешно пошутил Динамус, без восторга разглядывая гостей: помимо комиссара, в кабинете настоятеля находились Кристиан ле Сейдж и фата Мстислава. И еще брат Висцерус, но его присутствие Динамуса не раздражало. Напротив, он был рад старику, поскольку тот, как тут ни крути, должен был разделить с Динамусом ответственность за случившееся.

– Жаль, что вы не предвидели эту ситуацию, – заметил рыцарь.

– Да, конечно. – Настоятель покачал головой, показывая, как сильно сожалеет, но по-прежнему смотрел на Сантьягу.

– Мы уничтожим «Трактат», – негромко произнес нав.

– Я распоряжусь, чтобы вам его отдали.

– Мы уже изъяли книгу из закрытого зала библиотеки, – вежливо сообщил Сантьяга. Вежливо по тону, но не по смыслу.

– Не самый дружеский шаг с вашей стороны, – проворчал Динамус.

– Это в качестве наказания.

Эрлиец крякнул, но промолчал.

– И все? – изумилась фата. – Это все наказание?

– А чего вы хотите? – поднял брови Сантьяга. – Своими беспардонными действиями мы уязвили самолюбие отца настоятеля.

– А это, поверьте, очень серьезно, – с легкой угрозой в голосе добавил Динамус. И посмотрел на комиссара, за которого привык прятаться, когда кому-нибудь угрожал.

Тот задумчиво улыбнулся. Представители Ордена и Зеленого Дома помрачнели. Они, конечно, понимали, что Сантьяга станет выгораживать подданных князя, но не думали, что он выведет их из-под удара с таким элегантным нахальством.

– Может, наложим на Обитель штраф? – неуверенно предложил Кристиан, которому великий магистр посоветовал «не спускать дело на тормозах и показать эрлийцам, как сильно они облажались».

– Можно и штраф, – неожиданно легко согласился настоятель. – Но в этом случае нам придется поднять расценки на наши услуги примерно на тридцать процентов. И поверьте, я позабочусь о том, чтобы все жители Тайного Города узнали, кому обязаны этим нововведением.

После такого предложения продолжать ле Сейджу расхотелось. Разговор, почти не начавшись, плавно закончился, и лишь у Висцеруса, как выяснилось, остался вопрос, который он хотел обсудить:

– Иногда я думаю, спасли бы мы несчастного Гематуса, если бы знали, чем это закончится? – тихо произнес старик, не обращаясь ни к кому конкретно. Просто произнес, глядя в окно, за которым на Царицынский парк падал первый снег.

– Зная, что он натворит в будущем? – тихим эхом повторила Мстислава.

Кристиан неловко дернул плечом.

– Думаю, спасли бы, – ответил старику Сантьяга. – Вы всегда боретесь за жизнь. Всегда.

* * *

– Герой, значит?

Вопрос прозвучал мрачно и намеренно провокационно, однако уйбуй не растерялся:

– Герой в нашей семье один – великий фюрер Кувалда! – прокричал Дрезина, преданно пожирая глазами высокое начальство. – Великолепный! Отчаянный! Решительный!

– Это почему я отчаянный? – нахмурился лидер Шапок.

– Потому что можешь принять любое, даже самое внезапное решение, – вывернулся уйбуй, сообразив, что использовал неудачный эпитет. – И мы, твои верные воины, обязательно его исполним!

– Такие уж и верные? – Кувалда испытующе посмотрел на уйбуя. И несмотря на то, что глаз у великого фюрера был один, взгляд пробрал Дрезину до костей. – А кто из «Средства от перхоти» ящик виски украл, хотя я не велел?

– Так ведь трезвые были, – умильно улыбнувшись, объяснил уйбуй. – Как будто сам не знаешь, твое великофюрерство, как это бывает: чего только в трезвую голову не взбредет.

– Это да, – не стал отрицать Кувалда, припомнив некоторые свои выходки, совершенные до того, как он возглавил семью и стал присматривать за порядком. – Это да…

Насчет Дрезины, говоря откровенно, все было ясно еще до

того, как фюреру Шапок позвонила фата Мстислава и грубовато велела вернуть совершившего подвиг уйбуя в семью и по возможности не вешать в ближайшие пару месяцев. То, что Дрезину придется простить, одноглазый фюрер сообразил, просматривая репортаж «Тиградком». Кадры, где возбужденный уйбуй радостно пляшет на фоне еще скованных страшными щупальцами Леги и Пифа, обошли весь Тайный Город. Дрезину признали героем и спасителем, однако в первую очередь Кувалду интересовал другой аспект свалившейся на верноподданного славы.

– Награду дали? – хрипло спросил он, продолжая сверлить уйбуя единственным глазом. – Если не дали, можешь прямо сейчас пойти в сортир и удавиться. Скажем, что ты не снес бремени славы.

Однако Дрезина идеально подготовился к такому развитию событий:

– Не просто дали, а я уже ее поделил. – И верноподданно протянул фюреру платиновую банковскую карточку. – Здесь половина.

– Ну… – Кувалда выждал еще секунду, а затем распахнул блудному сыну почти отцовские объятия: – Добро пожаловать домой!

* * *

– Даниил, я скоро… – Тина оглядела улыбающихся друзей и вздохнула: – Ну, не очень скоро, но к полуночи постараюсь обязательно. Честно. Честно-пречестно.

И услышав положенное: «Люблю тебя», отключила телефон.

– Успеть до полуночи? – хихикнул Лакриций. – Зачем?

– На свидание не рассчитывай, – повторила зазубренную мантру Тина, но отнюдь не так уверенно, как когда-то.

Ко́нец понимающе улыбнулся и промолчал. Он знал, когда нужно подсекать.

Они встретились в «Ящеррице» – самом известном клубе Тайного Города, заняли отдельный столик в углу, подальше от любопытных глаз, и вот уже два часа не могли наговориться, делясь впечатлениями от пережитого и тем, что произошло в их жизнях после того, как внезапно они стали знаменитыми.

История спятившего эрлийца, едва не погубившего Тайный Город, а возможно, и весь мир, широко обсуждалась. Поведение репортеров вызывало двойственные чувства: некоторые ругали их за то, что своевременно не сообщили Великим Домам всю

информацию, другие восхищались их упорством, но в целом общество признало их смелость и то, что они, не задумываясь, встали на защиту Города. Все они получили свои «пятнадцать минут славы» и остались вполне этим удовлетворены.

– Тебя перевели в светский отдел?

– Да. И стали узнавать на улицах. – Белосвет улыбнулся. – Но самое главное: у нас с Лаки будет своя программа!

– Правда?

– Да!

– Поздравляю!

– Меня сможешь поздравить отдельно, – тут же нашелся ко́нец. – Встретимся завтра?

– А Пиф? – опомнилась Тина. И посмотрела на хвана: – А ты?

– Мне разрешили уволиться из «Тиградком», – спокойно ответил четырехрукий.

– Разрешили? – Ведьма подняла брови: – Все-таки ты был за что-то наказан?

– Неважно. – Пиф улыбнулся. – Важно то, что мы теперь друзья, и еще обязательно встретимся.

Иерархическое положение в семье хванов рассчитывалось так сложно, словно у каждого из них было не четыре руки, а по четыре головы. В ход шли деяния предков по всем родственным линиям, собственные достижения и провалы, даты рождения и смерти, и многие другие факторы, непонятные даже навам. И потому некоторые воспитательные меры четырехруких отличались экстравагантностью – когда они не хотели портить одному из своих накопленные «баллы уважения», но не могли оставить проступок без последствий. Приказ поработать шофером в «Тиградком» вполне подходил для мягкой формы наказания: с одной стороны, ничего позорного в этой службе не было, с другой – вся алтайская родня наверняка потешалась над бедолагой.

– То есть у тебя все в порядке?

– Да.

– Я рада.

– Спасибо.

Многословием четырехрукие не отличались.

– Видел отзывы о тебе на «Тиградком», – заметил Белосвет. – Тебя хвалят.

– Неожиданно стало модным обращаться к человской ведьме, спасшей Тайный Город, – усмехнулась Тина. – В основном, конечно, приходят на меня поглазеть да потрепаться, но появились и настоящие клиенты.

– Уверен, у тебя все будет в порядке.

– И в следующий раз, пожалуйста, зови меня в приличное место, – вклинился в разговор Лега. – Например, сюда, в «Ящеррицу».

– Или предупредить тебя о том, что происходит, – улыбнулась ведьма. – Я помню.

– Или предупредить, – согласился нав. – Вдруг я окажусь без мечей?

И рассмеялся.

А Тина поймала себя на мысли, что и верит, и не верит в происходящее. Еще вчера она была простой человской ведьмой, не особенно сильной и не особенно интересной жителям Тайного Города, а теперь на равных общается с навами, людами, хванами… Именно на равных. И они смотрят на нее с уважением.

«Так, может быть, все дело не в их снобизме или высокомерии, а в том, что нужно показать себя? Показать готовность к подвигу не на словах, а на деле, показать, что внутри тебя есть стальной стержень? Может, в этом дело?»

Тина рассмеялась, немного не к месту, и неожиданно подумала о том, что кем бы ни был ее отец, сегодня он узнал о ней. И, возможно, испытал гордость за свою незаконнорожденную девочку…